

Философия П права

№ 1 (96)

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год

2021

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Карнаушенко Л.В.

СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И ТЕОРИИ
ПОЗИТИВНОГО ПРАВА 7

Конгарев А.А.

КАТЕГОРИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФСКОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 12

Напалкова И.Г.

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИДЕЙ
ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ 20

Кравцова Е.А.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» И КЛАССИФИКАЦИИ
ЕГО ИНСТИТУТОВ 27

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Касаткин С.Н.

КРИТИКА ДЖ. ОСТИНА В ПОСТХАРТИАНСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ:
К РЕВИЗИИ ОСНОВАНИЙ 33

Баженова Е.А.

РОНАЛЬД ДВОРКИН О ГРАЖДАНСКОМ НЕПОВИНОВЕНИИ 41

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ АКСИОЛОГИИ

Москаленко С.Г.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ОСНОВА КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГЕТЕРОГЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ СЕТТИНГЕ	48
--	----

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Лапшин И.Е., Лубеккий Р.А.

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	53
--	----

Рожковский В.Б.

ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ Н.А. БЕРДЯЕВА В КОНТЕКСТЕ КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ИМ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЗАПАДНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ	59
---	----

Резникова А.В., Мельников А.Р.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ И РАЗУМНАЯ АДАПТАЦИЯ «ЯЗЫКА ЗАКОНОВ» В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	64
--	----

Ходусов А.А.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЕГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ	70
---	----

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Кобец П.Н.

О ВАЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСНЫХ МЕР НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНО ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИХ УГРОЗАМ БИОТЕРРОРИЗМА	75
---	----

Ищенко Д.П., Григорян Д.К., Напханенко И.П.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	81
--	----

Плясов К.А.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	89
---	----

Федоренко С.П.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	94
---	----

Путьшева Л.А.

ФЕНОМЕН ПОДСУДНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	100
--	-----

Абисова К.С.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИОННЫХ КРИТЕРИЕВ	109
---	-----

Абрамова П.В. РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТЕЙ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЯ ПРАВОСУДИЮ	113
Хламов Н.Э. ЗНАЧИМЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ СРЕДСТВ	121

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Овчинников А.И., Казачанская Е.А. ЦИФРОКРАТИЧЕСКИЕ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И КРИТИКА В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ УЧЕНИЯХ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ	124
Гусарова М.А. ПРОБЛЕМА ПРАВОПОНИМАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	131
Заброда Д.Г., Кашкаров А.А., Соколов В.А. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ	136
Корсаков К.В. УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В КАНТИАНСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ	142
Хилота В.В. ФИЛОСОФИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ	148
Березина Е.А. МЕТОДИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	153
Грипич С.А. ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИОННОГО ПРАВОВОГО ЦИКЛА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ	159
Ладенков Н.Е. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ	164

АКСИОЛОГИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ишигеев В.С., Исакова Е.А. ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВА И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ	169
Шатилов С.П., Шатилова О.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ, ГРАБЕЖАМИ, РАЗБОЯМИ И УБИЙСТВАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	173

Главный редактор: **К.А. Плясов**, канд. юрид. наук, доцент
Заместитель главного редактора: **С.В. Пахомов**, канд. юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Ю.В. Анохин, д-р юрид. наук, доц.;
И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
Е.В. Безручко, д-р юрид. наук, доц.;
М.О. Баев, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, доц.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Вакула, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ерыгин, д-р филос. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, проф.;
А.В. Понделков, д-р полит. наук, проф.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
В.Б. Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
В.И. Третьяков, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.

Учредитель и издатель – федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-35
Электронная почта: guiperiodika@mvd.ru
Официальный сайт журнала: <https://рюи.мвд.рф>

Индекс по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 79848.

Цена по подписке по каталогу Агентства «Книга-Сервис» – 500 рублей (2 номера).

Выпускающий редактор: Е.А. Ковжого
Компьютерный набор и верстка: Е.Е. Пелехатая

Подписано в печать 26.03.2021. Выход в свет 30.03.2021.
Формат 60x84 1/8. Объем 23 п. л. Набор компьютерный.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл.-печ. л. 21,39. Тираж 300 экз. Заказ № 31.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

CONTENTS

EPISTEMOLOGY AND METHODOLOGY OF PHILOSOPHICAL AND LEGAL STUDIES

Karnaushenko L.V. THE RELATIONSHIP BETWEEN THE THEORY OF NATURAL LAW AND THE THEORY OF POSITIVE LAW	7
Kontarev A.A. CATEGORY OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN PHILOSOPHY AND JURIDICAL THEORY: METHODOLOGICAL ASPECT	12
Napalkova I.G. FORMATION AND DEVELOPMENT OF CONCEPTUAL IDEAS OF INTEGRATIVE: LEGAL UNDERSTANDING	20
Kravtsova E.A. TO THE ISSUE OF THE CONCEPT «CIVIL SOCIETY» AND CLASSIFICATION OF ITS INSTITUTIONS	27

HISTORY OF LEGAL PHILOSOPHY

Kasatkin S.N. CRITICISM OF J. AUSTIN IN POST-HARTIAN JURISPRUDENCE: TO THE REVISION OF GROUNDS	33
Bazhenova E.A. RONALD DWORKIN ABOUT CIVIL DISOBEDIENCE	41

ISSUES OF LEGAL AXIOLOGY

Moskalenko S.G. POLITICAL AND LEGAL MENTALITY AS THE BASIS OF CONSTRUCTIVE INTERACTION IN THE MODERN HETEROGENEOUS SOCIO-CULTURAL SETTING	48
--	----

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE STATE LEGAL POLICY

Lapshin I.E., Lubsky R.A. FEATURES OF LEGAL REGULATION OF YOUTH POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION	53
Rozhkovsky V.B. N.A. BERDYAEV'S PHILOSOPHY OF FREEDOM IN THE CONTEXT OF HIS CRITICAL ASSESSMENT OF THE EUROPEAN CULTURE AND WESTERN SOCIAL CONCEPTIONS	59
Reznikova A.V., Melnikov A.R. SYSTEMATIZATION OF LAW, IMPROVEMENT OF LEGAL TECHNIQUE AND REASONABLE ADAPTATION OF THE «LAW LANGUAGE» AS DIRECTION OF THE LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION	64
Khodusov A.A. THE MAIN DIRECTIONS AND MECHANISMS OF MODERNIZATION OF THE MODERN MODEL OF THE SOCIAL STATE IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF RESOLVING THE PROBLEMS OF ITS STATE AND LEGAL FOUNDATIONS	70

PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FIGHT AGAINST CRIME

Kobets P.N. ABOUT IMPORTANCE OF DEVELOPING INTEGRATED ACTIONS THAT MOST EFFECTIVELY COUNTERACT BIOTERRORISM THREATS	75
--	----

Ishchenko D.P., Grigoryan D.K., Napkhanenko I.P. BASIC PRINCIPLES AND DIRECTIONS OF COUNTERACTION TO THE EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES	81
Plyasov K.A. FEATURES OF THE SEARCH AND SEIZURE IN CASES OF CRIMES IN THE FIELD OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY	89
Fedorenko S.P. ANTICORRUPTION: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT	94
Pupysheva L.A. THE PHENOMENON OF JURISDICTION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE: PROBLEMS OF THE THEORY AND LEGISLATIVE REGULATION	100
Abisova K.S. TERRORIST ACTIVITY: DEFINITION OF THE CLASSIFICATION CRITERIA	109
Abramova P.V. ROLE OF THE FORENSIC EXAMINATION OF THE IDENTITIES OF THE CRIMINAL AND THE VICTIM IN THE INVESTIGATION OF THE OBSTRUCTION OF JUSTICE	113
Khlamov N.E. SIGNIFICANT CHARACTERISTICS OF CRIMES COMMITTED BY THE COMPUTER MEANS	121

PHYLOSOPHIC AND LAW DIMENSION OF STATE POWER

Ovchinnikov A.I., Kazachanskaya E.A. DIGITAL UTOPIAS AND DISTOPIAS: PREREQUISITES AND CRITICISM IN THE STATE LEGAL TEACHING OF THE PAST AND PRESENT	124
Gusarova M.A. THE PROBLEM OF LEGAL UNDERSTANDING IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ASPECT	131
Zabroda D.G., Kashkarov A.A., Sokolov V.A. FOREIGN EXPERIENCE IN INVOLVING CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS IN ANTI-CORRUPTION EDUCATION	136
Korsakov K.V. CRIMINAL PUNISHMENT IN THE KANTIAN PHILOSOPHICAL TRADITION	142
Khilyuta V.V. PHILOSOPHY OF NEOLIBERALISM AND CRIMINAL LIABILITY OF THE OFFICIALS	148
Berezina E.A. METHODOLOGICAL AND TECHNOLOGICAL ASPECTS OF THE EVALUATION OF LEGAL REGULATION EFFECTIVENESS	153
Gripich S.A. PROSPECTS FOR THE FORMATION OF THE DIGITALIZATION LEGAL CYCLE IN RUSSIAN LAW	159
Ladenkov N.E. TRANSFORMATION OF THE LEGAL SYSTEM UNDER THE INFLUENCE OF DIGITALIZATION: CAUSES AND TRENDS	164

AXIOLOGY OF LAW ENFORCEMENT

Ishigeev V.S., Isakova E.A. THE INFLUENCE OF ART AND MEDIA ON THE FORMATION OF THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF POLICE OFFICERS	169
Shatilov S.P., Shatilova O.A. THE ACTIVITIES OF THE POLICE IN THE FIGHT AGAINST BANDITRY, BRIGANDAGE ROBBERIES AND MURDERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON MATERIALS FROM THE ALTAI TERRITORY)	173

Карнаушенко Леонид Владимирович
Karnaushenko Leonid Vladimirovich

начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России
доктор исторических наук, профессор.

Head of the Department of Theory and History of Law and State, the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Doctor of History, Professor.

СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА И ТЕОРИИ ПОЗИТИВНОГО ПРАВА

The relationship between the theory of natural law and the theory of positive law

Статья посвящена исследованию соотношения между естественно-правовой и позитивно-правовой теориями. В рамках общей тенденции развития междисциплинарных исследований ставится под вопрос принципиальное противоречие между этими теоретико-правовыми подходами. Рассматривается их содержание и обосновывается точка зрения, согласно которой естественно-правовая и позитивно-правовая теории имеют различия в предмете и задачах. Рассматривается вопрос о необходимости снятия противоречия между естественно-правовой и позитивно-правовой теориями.

Ключевые слова: теория позитивного права, теория естественного права, междисциплинарные исследования, право, общество, естественное право, позитивное право.

The paper is devoted to the study of the relationship between natural-legal and positive-legal theories. Within the framework of the general trend of the development of interdisciplinary studies the fundamental contradiction between these theoretical approaches is thrown into question. Their content is considered and the point of view is justified according to which natural law and positive law theories have differences in subject and tasks. The issue of the necessity to remove the contradiction between natural and positive legal theories is considered.

Key words: positive law theory, natural law theory, interdisciplinary studies, law, society, natural law, positive law.

В исследовательской традиции проблеме права уделяется существенное внимание, причем присутствует множество различных подходов к определению права и, как следствие – разных способов постановки и осмысления проблем, связанных с правовой тематикой. К многообразию исследовательских подходов, направленных на раскрытие правовой тематики, можно относиться по-разному. Можно, с одной стороны, анализировать спектр проблем, решаемых на уровне различных социально-правовых теорий (в результате чего их многообразие может быть рассмотрено скорее как позитивный факт, свидетельствующий о широте теоретического инструментария и полноте раскрытия правовой тематики). С другой стороны, можно рассматривать различия (и, в том числе, противоречия) между существующими социально-правовыми теориями, на основании чего ставить вопрос о подлинности той или иной теории. Последний вариант предполагает выбор конкретной традиции в качестве правильной и

в теоретическом плане оправданной, которому сопутствует отрицание иных теоретических подходов. Подобного рода подход близок к поиску научной парадигмы, в русле которой производится постановка и разрешение проблем; вместе с тем современные исследования в области философии науки свидетельствуют о том, что парадигмальный подход обладает рядом существенных ограничений и, зачастую, не способствует целостному раскрытию определенной проблемы или явления в силу ограниченного объяснительного потенциала конкретной теории. Как отмечает Т. Кун [1], конкретная парадигма определяет способ постановки проблем, характер выделения предметной области исследования, и, в целом, задает спектр вопросов, которые могут быть подняты исследователями. А это, в свою очередь, означает, что вопросы, не входящие в этот список, и не могут быть корректно раскрыты, что выступает в качестве одного из существенных показателей ограниченности парадигмы.

В этом контексте представляет существенный интерес современная тенденция к междисциплинарному исследованию проблем и явлений, в основе которой лежит принцип объединения теоретических наработок, принадлежащих к разным научно-исследовательским традициям. Особенность междисциплинарного подхода состоит в том, что он позволяет преодолеть ограниченность частных теорий и, в том числе, осуществить объединение их результатов в общую, целостную систему знаний. При этом в отдельных случаях в рамках дисциплинарного исследования осуществляется «снятие противоречия» между разными частными теориями, в результате чего их наработки становится возможным рассматривать совместно. В данном случае существует два основных варианта обоснования возможности синтетического рассмотрения элементов разных научных теорий: через деактуализацию противоречия между ними (когда доказывается, что на деле разные подходы не столько противоречат друг другу, сколько различаются в предметном плане и акцентах) либо через рассмотрение логического отношения между центральными тезисами теорий и их частными элементами. Второй вариант аргументации связан с философско-научной концепцией С. Тулмина, подвергнувшего серьезной критике идею жесткой логической связи между центральными тезисами научной теории и ее частными положениями. В противовес идеям Т. Куна и И. Лакатоса Тулмин отмечает «свободный» характер взаимосвязи между отдельными элементами теории [5], что является мощным обоснованием возможности заимствования отдельных концептов и идей, без принятия всей теории, включая ее основополагающие положения.

В рамках настоящей статьи мы ориентированы на то, чтобы осуществить последовательное рассмотрение вопроса о соотношении элементов естественно-правовой и позитивно-правовой теорий, с целью определения принципиальной возможности их совместного использования в рамках осуществления теоретико-правовых разработок.

Обратимся к теории естественного права. Как и всякая категория, которая имеет длительную историю исследования, естественное право характеризуется двумя, на первый взгляд противоречащими друг другу свойствами: с одной

стороны, его понимание является базовым для тех, кто интересуется правовой проблематикой, с другой – при внимательном рассмотрении существующих точек зрения в осмыслении сущности естественного права обнаруживаются существенные различия, а также неочевидные принципы, тесно связанные с концепцией естественного права. Для начала следует обратить внимание на то, каким образом осмысляется идея естественного права в исследовательской традиции. Первоначальная постановка вопроса о наличии естественного права производилась еще в античности, в рамках соотнесения правовой сферы и законов природы, которые рассматривались в качестве явлений одного порядка. Следует отметить, что для античности, в целом, одним из характерных способов мышления является проведение параллелей между природой (космосом), человеком и обществом. Соответственно, право, как один из главнейших организационных принципов общества, рассматривается в связке с общими природными принципами, а также важнейшими аспектами природы человека. Исходя из этого, мыслители античности заключили о двух важных моментах корреляции:

– так как право взаимосвязано с человеком и обществом, которые подчиняются организующим их законам, логично предположить, что и сама сфера права также подчиняется определенным законам, которые определяют не только форму, но и содержание правовых норм;

– взаимосвязь права с особенностями его носителей (коими выступают отдельные люди) и общества задает зависимость между сферой права, социальной и антропологической сферами.

Пример рассуждения, которое вписывается в указанную систему допущений, можно встретить еще у Аристотеля, обосновывавшего необходимость права частной собственности через отражение предпосылок этому на уровне природы человека [3]. При этом заложены определенные стремления и практики взаимодействия в природу человеческого существа определяет исходное терминологическое закрепление основанных на них норм в качестве естественных прав.

В основе теории естественного права лежит момент полагания онтологического обоснования правовой сферы, что в рамках античной традиции находит гармоничное обоснование,

с учетом тесной взаимосвязи различных отраслей философского знания с онтологической проблематикой. Следует отметить, что в эту теоретическую конструкцию отлично укладывается соотнесенность между собой социально-политического, нравственного, онтологического и антропологического обоснования теории естественного права. Рассматривая более позднюю традицию, следует отметить, что в ней сохраняются неизменными идеалистические предпосылки рассмотрения естественного права. Для того чтобы более хорошо понимать данный аспект, обратимся к классической паре категорий «сущее – должное», получившей выражение еще на уровне античной философской мысли.

Категория должного в античной философской мысли выражает идеальный, умопостижимый порядок, разумное основание природы. Вместе с тем область сущего носит в данном случае характер воплощения должного, которое имеет большую или меньшую степень полноты. Таким образом, имеет место идеальный образец и его неполное воплощение, мера несовершенства которого определяет расхождение между сущим и должным. Идея несовершенства мира, его становящегося характера, задает ключевые диалектические принципы античной философской мысли, в рамках которой находят выражение различные способы организации сущего, в большей или меньшей степени отвечающие исходному идеальному образцу. Классическое выражение данного принципа может быть рассмотрено в рамках традиции идеализма, в частности, в рамках платоновской диалектики идей и вещей.

Если рассматривать дальнейшее развитие естественно-правовой теории, следует отметить, что она прошла существенную трансформацию, связанную с концептуализацией сущего и должного в правовой сфере, а также с утверждением критериев рассмотрения правовых норм, присутствующих на уровне конкретного общества. В рамках данного направления философско-правовой мысли сформировалось разделение на позитивное право, как фактически присутствующее на уровне конкретного общества, и естественное право, выступающее в качестве идеала развития правовой системы, не зависящего от социально-исторических и политических факторов. Иными словами, в рамках естественно-правовой системы

сформировалось представление об универсальных аспектах регуляции отношений между людьми в обществе, связанных с ключевыми ценностями, стремление к которым полагается в качестве неотъемлемого элемента человеческой природы. В частности, например, одним из классических способов мышления в рамках естественно-правовой традиции является соотнесение права и справедливости, что, в свою очередь, сводит рассмотрение правовой проблематики к аналитике сущности справедливости в социальной сфере. В целом, анализируя содержательный аспект естественно-правовой теории, следует отметить преобладающее значение в ней морального аспекта, через который производится общее рассмотрение нормативной сферы. В результате мы имеем дело с развитой правовой теорией, в рамках которой ключевое значение приобретает аксиологический аспект.

Анализируя особенности естественно-правовой теории и, в частности, утверждение ее универсальности через постановку вопроса об универсальном, самостоятельном характере лежащих в основе права ценностей, следует отметить, что магистральное значение в развитии естественно-правовой теории имеет гуманистическая традиция Просвещения, заложившая основы современного понимания прав человека. Рассматривая в данном ключе принцип соотношения сущего и должного, следует отметить, что в рамках естественно-правовой традиции ставится под вопрос корректность присутствующих на уровне локального общества норм права в ситуации, если они противоречат естественному праву. При этом даже тот факт, что существующие на уровне локальных обществ нормы права детерминированы социально-политической обстановкой и общим культурным контекстом, не является в глазах сторонников естественно-правовой теории достаточным основанием для признания их адекватности. Скорее, противоречие интересов государства реализации естественных прав рассматривается как критерий признания негативного характера существующей власти. Неслучайно именно в трудах теоретиков естественно-правовой теории мы можем обнаружить утверждение «права на бунт» в условиях, когда сложившаяся социально-политическая обстановка противоречит утверждению естественных прав [4].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить важную особенность естественно-правовой теории. Центральным ее аспектом является рассмотрение в качестве подлинного права идеальных норм естественного права, которые рассматриваются в качестве одного из высших социально-правовых приоритетов. Исходя из этого, следует отметить специфику направленности естественно-правовой теории, которая носит предписывающий и оценочный характер и задает содержательные ориентиры для процесса законотворчества. Иными словами, теория естественного права создает предпосылки для утверждения ключевых моральных установок в нормативной сфере, что оказывает на последнюю существенное формирующее воздействие. Ключевой вопрос, который решается на уровне исследований в русле естественно-правовой парадигмы, состоит в том, какое содержание должны иметь основные нормы права. Отсюда вытекает четко выраженный предписывающий характер естественно-правовой теории (на уровне ее влияния на процессы законотворчества), а также оценочный – применительно к действующему законодательству и его моральной составляющей.

В отличие от естественно-правовой теории, теория позитивного права имеет принципиально иную направленность, связанную не с рассмотрением возможных и должных норм права, но с аналитикой действующих нормативных систем, а также с рассмотрением ряда технических аспектов выстраивания эффективного набора правовых ориентиров [2]. Это связано с тем, что на уровне теории позитивного права в качестве такового рассматривается любая норма, сформированная в рамках законодательной системы общества, вне зависимости от ее морального статуса. В русле позитивно-правовой теории ставится вопрос о формулировках законов (и, в целом, существенно развивается языковой аспект правовой сферы), развивается логический аспект правовой теории (что связано с необходимостью создания внутренне непротиворечивой правовой системы), анализируется социальный контекст существования конкретных нормативных систем. По сути, детализация знания на уровне позитивно-правовой сферы существенно выше в силу того, что она позволяет рассматривать нормы любого масштаба, а также их соотношение между собой, в то время как естест-

венно-правовая теория способствует формированию наиболее общих правовых ориентиров. При этом следует отметить высокий уровень прикладной ориентации позитивно-правовой теории, которая стремится к методологической проработке правовых вопросов, а также к оценке правовых норм на предмет их соответствия интересам общества в целом и ключевых социальных групп.

Противоречие между естественно-правовой и позитивно-правовой теориями принято рассматривать как полемику двух взаимоисключающих теорий; между тем, на практике и позитивно-правовая, и естественно-правовая теории оказывают серьезное конструктивное влияние на развитие права в современных обществах. Это связано с тем, что, несмотря на разночтения в трактовке права (а, скорее даже, благодаря им) на уровне естественно-правовой и позитивно-правовой теорий, по факту, ставятся принципиально различные задачи, относящиеся к различным аспектам существования права в обществе. Как уже отмечалось выше, естественно-правовая теория носит предписывающий характер, что очень важно с точки зрения необходимости задания гуманистической направленности развития социальных отношений. В свою очередь, теория позитивного права способствует проработке логики выстраивания правовой системы, способствует углубленному пониманию специфики правоприменения, задает перспективы понимания социального контекста действия конкретных юридических норм. Все это отражает несомненную значимость данных теорий и, по сути, некорректность вопроса о противоречии между ними, как основании необходимости выбора одной «истинной» теории, с последующей деактуализацией другой из них.

С учетом высокой практической значимости развития обеих концепций, а также того факта, что у естественно-правовой и позитивно-правовой теорий, по сути, различается предмет, мы полагаем некорректной саму постановку вопроса о неискоренимом противоречии между ними, а также полагаем перспективным поиск «точек пересечения» естественно-правовой и позитивно-правовой парадигм, что может позволить в дальнейшем осуществить снятие видимого противоречия между ними.

Утверждая необходимость преодоления противоречий между позитивно-правовой и

естественно-правовой теориями, следует обратить внимание на то, что теория позитивного права не отрицает возможность анализа нравственного аспекта права (скорее она не занимается данным вопросом), в то время как теория естественного права в центральных своих аспектах не ставит под вопрос важность таких проблем, как логику построения законодательной системы, языковой аспект выражения законов, проблематику правоприменения и т.д. Фактически, противоречие между данными теориями все чаще сводится к тер-

минологическому различию в употреблении категории «право», в то время как на теоретическом уровне присутствует ряд серьезных наработок, которые могут быть использованы совместно. Таким образом, присутствует принципиальная возможность осуществления на уровне теории того, что уже на протяжении длительного времени естественным образом осуществляется на практике – объединения элементов естественно-правовой и позитивно-правовой теорий в общую теоретическую модель.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
2. Мухина Т.А. Проблема соотношения естественного и позитивного права: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005.
3. Польщикова Л.А. Генезис понятия «естественное право» в контексте гуманистического образования // Педагогическое образование в России. 2009. № 4.
4. Скиперских А.В. Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива // Социум и власть. 2015. № 5 (55).
5. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М., 1984.

Bibliography

1. Kuhn T. The structure of scientific revolutions. Moscow, 1975.
2. Mukhina T.A. The problem of the correlation of natural and positive law: dis. ... PhD in Law. Ufa, 2005.
3. Polshchikova L.A. The genesis of the concept of «natural law» in the context of humanistic education // Pedagogical education in Russia. 2009. № 4.
4. Skiperskikh A.V. The right to resistance: a political and philosophical retrospective. 2015. № 5 (55).
5. Tulmin St. Human understanding. Moscow, 1984.

Контарев Анатолий Александрович
Kontarev Anatoly Alexandrovich

заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, профессор.

Head of the Department of the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Professor.

E-mail: anatolykontarew@rambler.ru

**КАТЕГОРИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ
В ФИЛОСОФСКОЙ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

**Category of legal consciousness in philosophy and juridical theory:
methodological aspect**

В статье анализируются общие и особенные способы интерпретации и применения категории правосознания в философской и юридической теории. Автор прослеживает эволюционный генезис понятия правосознания в российском правоведении, начиная с конца XIX в. до современности. Основная идея статьи состоит в том, что первоначально понятие правосознания использовалось с целью обновления правовой теории в соответствии с постклассической парадигмой научного познания, преодолевающей объективизм классических типов правопонимания. Но категориальное значение оно получило в диалектико-материалистической философской теории и теории государства и права СССР для того, чтобы теоретически обосновать нормативизм и этатизм юридической доктрины, легитимировать ее консервативный характер. Автор приходит к выводу о том, что применения категории правосознания в современной теории выглядит как попытка соединения типов правопонимания, имеющих разную природу и источники происхождения. В связи с этим необходимо переосмысление данной категории и ее значения в контексте решения задач современной философии и фундаментальной правовой теории.

Ключевые слова: категория правосознания, правопонимание, юридический нормативизм, постклассическая парадигма научного познания, объективизм классического правопонимания, юридическая доктрина.

The paper analyzes particular and general ways of interpretation and implementation of legal consciousness category in philosophy and juridical theory. The author looks the evolutionary genesis of legal consciousness concept in Russian law theory and philosophy, beginning from the end of the XIX-th century and to the contemporary times. The main idea of the article is that firstly the concept of legal consciousness used to renew law theory with respect to past-classic paradigm of scientific knowledge overcoming objectivism of classic kinds of law understanding. But it gets category meaning in dialectic-materialistic philosophy theory and theory of state and law of the USSR to found juridical normativism and etatism of official juridical doctrine and legitimate conservative character of it. The author comes to conclusion that the implementation of the category of legal consciousness to contemporary theory of law looks as attempt to join together models of legal understanding which has different nature and different springs of happening. With respect to this problem author suggests to rethink this category in the context of tasks of contemporary philosophy and fundamental law theory.

Key words: category of legal consciousness, legal understanding, juridical normativism, past-classic paradigm of scientific knowledge, objectivism of classic law understanding, juridical doctrine.

Категория правового сознания давно вошла в научный оборот современной отечественной философии и юридической науки, выражая теоретико-методологические особенности этих областей знания. В значительной степени она отражает специфику интерпретации их предметной области и стоящих перед ними задач, являясь следствием и, одновременно, результатом методологических начал изучения

духовных процессов, протекающих в сфере правовой действительности. Необходимо отметить, что обращение к феномену правового сознания российских теоретиков права было пространственным явлением уже в конце XIX в. Очевидно, это было связано со стремлением преодолеть объективизм классических типов правопонимания, не соответствующих новой научной парадигме, формирующейся в россий-

ской фундаментальной правовой теории, что, как правило, сопровождалось критикой классических школ юриспруденции с принципиально новых теоретико-методологических позиций. Так, позитивизм в юриспруденции, рассматривавший право как норму (закон), в значительной степени отождествляя его с законодательством, подвергался критике с позиции признания необходимости введения в контекст права субъективного элемента, рассматривавшегося в качестве решающего фактора правового поведения и, порой, сущности права.

Такие попытки преодоления объективизма классического стиля научного мышления вполне отвечали культивировавшимся в гносеологии этого времени идеям, в частности, представленным эмпириокритицизмом. Неокантианство оставило свой след в этом процессе как апелляция философов права к сверхчувственным сущностям в виде правового идеала, выступавшего образом должного, которое, хотя интерпретировалось в контексте историчности, оставалось по своей сущности естественным правом, но с изменяющимся содержанием. Можно сказать, что объективизм школы естественного права, состоявший в признании совокупности присущих человеку от рождения неотчуждаемых прав, имеющих универсальное значение для человеческой цивилизации, проистекая из интерпретации его сущности, преодолевался посредством введения в оборот категории правового идеала, делавшего его не столько фактом сознания, сколько фактором духовной жизни личности и общества.

Некоторые теоретики права усматривают влияние идей эмпириокритицизма уже в общей теории права Н.М. Коркунова, который вводит понятие «психического элемента» в контекст интерпретации сущности права, позволяющего исключить объективизм в его толковании и объясняющего механизм восприятия права, обуславливающего правовое поведение личности [1]. При этом существенным представляется апелляция теоретика не только к механизмам восприятия социальной действительности, где психологическая сторона очень важна, но и сущностной стороне социальности, в которую включен указанный «психический» субъективный компонент. Исходя из значения психологического начала в жизни общества, Н.М. Коркунов строил критику классического позитивизма, не учитывавшего этого

существенного фактора. Так, характеризуя учение О. Конта, он писал: «...отрицание самой возможности существования психологии особенно удивительно со стороны мыслителя, так много сделавшего для создания социологии и придававшего ей такое важное значение, как Конт. Психологическая сторона нигде не имеет такого преобладающего значения, как именно в явлениях общественности. Наша духовная жизнь сама складывается главным образом под влиянием социальных явлений; наши нравственные и научные убеждения всасываются нами из окружающей нас социальной среды и, в свою очередь, сам духовный склад каждого наличного поколения людей есть важнейший социальный фактор. И сам Конт этим отрицанием психологии и особых психологических законов, поставил себя, конечно, в неразрешимое противоречие» [2, с. 460].

Рассматривая право как социальный феномен, Н.М. Коркунов критикует взгляд, согласно которому оно представляет совокупность отношений, регулируемых социально одобряемыми нормами. Слабость такого взгляда, по его мнению, в том, что люди рассматриваются как элементы бездушного механизма, работа которого кем-то задана. На самом деле право не есть явление механического порядка, оно невозможно без представления о заранее определенном порядке отношений, носителями которого являются люди, обладающие сознанием. Он пишет: «... для возможности отличать право от всякого иного наперед определенного порядка необходимо обратиться к психическому элементу и сознанию людей, к имеющемуся в их душе представлению о существовании такого наперед определенного порядка или защиты. Но если так, то, очевидно, для объяснения правовых явлений главное, первенствующее значение получает именно этот психический элемент, это убеждение о существовании наперед определенного порядка отношений» [2, с. 489].

Конечно, данные теоретические положения далеки от идеи «чистого опыта» Рихарда Авенариуса, который рассматривается им в качестве единственно возможного объекта познания [3]. Но, тем не менее, указание на ключевое значение сознания (представлений о праве), которое не только выступает в качестве объекта познания, но и является источником права, представляет собой то направление

теоретико-правового мышления, которое вполне может быть сопряженным с указанной идеей.

Несомненно, более ярким примером подобной тенденции является психологическая теория права Л.И. Петражицкого, основанная на отрицании объективизма в правовой теории и признании права как исключительно психологического явления – императивно-атрибутивной эмоции, которую испытывают индивиды, вступающие в правоотношения. В контексте данной теории познание права есть познание данных эмоциональных состояний, обуславливающих правовое поведение, то есть, поведение, обусловленное представлениями об обязанностях и правах (полномочиях) в акте правоотношений. Позитивное право в данной конструкции отходит на второй план, нормы которого могут либо соответствовать, либо не соответствовать данным представлениям о праве (интуитивному праву). То обстоятельство, что именно сознание индивида, его психические переживания (то есть, его индивидуальный опыт) становятся объектом изучения, очевидно, также дает основания для проведения аналогии данной теории с идеями эмпириокритицизма [4].

По оценкам некоторых исследователей, введение в оборот категории сознания в правовых исследованиях придает некоторую процессуальность отношению субъекта и объекта. Теперь право уже не может рассматриваться в качестве объекта, пассивно воспринимаемого субъектом, оно является результатом их взаимодействия [5]. Впрочем, у Н.М. Коркунова социальная действительность остается тем денотатом, который и придает содержание правовым представлениям. Но, все же, речь идет именно о представлениях, в которых присутствует субъективное начало в виде интереса, сквозь призму которого и рассматривается как вся социальная реальность, так и правовая действительность, в частности.

Другой стороной этого процесса является обновление школы естественного права, придание ей социального звучания, посредством введения аксиологического контекста, в котором происходит генезис и функционирование права (правового идеала). И.А. Ильин в своей известной работе «О сущности правосознания» указал на духовную основу права, составляющую некоторый перечень основополагающих

для человека и человечества ценностей, в контексте которых происходит оценка позитивно-правовых предписаний. Этот образ права – правовой идеал или «правое право», которое базируется на трех аксиомах-ценностях: духовное достоинство личности, автономия личности и взаимное признание личности [6, с. 310].

Не смотря на стремление вскрыть фундаментальные для человеческой природы признаки духовности и их отражение в праве, И.А. Ильин, апеллируя к духовности (к ценностям), далек от рационализма классической школы естественного права и, соответственно, от ее объективизма в интерпретации права. Он полагает более насущной задачей выяснить не столько сущность права, сколько его социальный и духовный смысл, то есть, его значение в социокультурном контексте бытия личности.

По мнению автора настоящей статьи, с большей определенностью указанная тенденция интерпретации правосознания нашла проявление у П.И. Новгородцева, известного в качестве основателя школы возрожденного естественного права. Собственно, возрождение этой школы было возможно лишь посредством ее обновления, которое состояло в отказе от рационализма и обусловленного им универсализма толкования права, как единого для всех времен и народов. Новгородцев вводит в контекст своей теории элемент историчности, благодаря чему право рассматривается в социокультурном контексте, придающем ему содержание и смысл. Концепт естественного права с изменяющимся содержанием, таким образом, стал основным признаком данной школы, получившей значительное распространение, прежде всего, в либеральной среде. Теоретик убежден в исторической обусловленности социокультурных основ права, их преходящем характере, необходимости развития этих начал в соответствие с требованиями времени. Давая оценку состоянию правового сознания начала прошлого века, он подчеркивает, что его кризис обусловлен именно необходимостью деконструкции устаревших правовых основ. В связи с этим он пишет: «Прежняя вера во всемогущую силу правовых начал, в их способность утвердить на земле светлое царство разума, отжила свое время. Опыт XIX столетия показал, что право само по себе не в силах осуществить полное преоб-

разование общества. Но в то же время, как для одних этот опыт служит поводом к отрицанию всякого значения права, для других он является свидетельством необходимости восполнить и подкрепить право новыми началами, расширить его содержание, поставить его на уровень с веком, требующим разрешения великих социальных проблем... Не назад, а вперед обращены взоры творцов, и то, что открывается как идеал для будущего, есть новый и высший шаг в развитии правосознания» [7, с. 338].

Очевидно, можно сказать, что, несмотря на различные концептуальные основания использования и интерпретации понятия «правовое сознание», оно содержит ряд признаков, свидетельствующих о его общем функциональном методологическом значении в философских и правовых теориях. К указанным признакам можно отнести:

– во-первых, эмоционально-волевой и идеальный характер, выражающейся в его интерпретации как предпосылки социально-правового действия, обусловленного идеальной конструкцией правовой действительности, концентрирующей в себе мотивированную системой ценностей рационально оформленную совокупность представлений о должном праве;

– во-вторых, процессуальность, выражающуюся в динамичном сочетании субъективных и объективных начал правового сознания, первые из которых выступают в виде психологических эмоциональных состояний, возникающих в результате восприятия правовых явлений и их оценки, а вторые – в виде социальных предпосылок этих оценок, в силу чего они не имеют четко определенных когнитивных границ, обладая свойством транзитивности;

– в-третьих, функциональность в отношении позитивного права, выражающаяся в оценке правосознания в качестве источника позитивного права либо в отождествлении его с правом, содержание которого формируется в результате трансляции в правовую норму (закон) содержания правового сознания в виде представлений о должном праве – правового идеала.

В то же время следует констатировать и отличительные особенности концепта правового сознания в философских и фундаментальных юридических теориях, не смотря на отсутствие четких границ между ними. Так, философская интерпретация, как правило, делает

методологический акцент на правовом идеале, выступающем не только содержательной основой должного права, но и объясняющем природу соотношения правового сознания и права, где правосознание выступает предпосылкой права. Юридическая интерпретация основана на выяснении его значения в объяснении правового поведения индивида, обусловленного его представлениями о праве. Порой это приобретает форму апелляции к правовому сознанию как к «подлинному» праву, которому может противоречить позитивное право. Так или иначе, основной вопрос, на который пытались дать ответ упомянутые выше правоведы, состоит в том, как соотносятся правовое сознание, являющееся по своей природе субъективным явлением, и право. Существенная историческая особенность ответа на этот вопрос состояла в постулировании отсутствия между ними принципиальных отличий, в том смысле, что между ними их не должно быть, так как содержательной основой права должен быть правовой идеал.

Подводя предварительные итоги, нужно сказать, что характерная для перехода к постклассической философии и науке в целом тенденция включения в круг познаваемых объектов духовного опыта личности и общества в гносеологической сфере означала отказ от классической корреспондентской теории истины как соответствия мысли (высказывания) действительности (вещи), а в правоведении приобрела форму исследовательской ориентации на понимание смысла, а не познание сущности права. Это обернулось апелляцией к сознанию индивида, из горизонта которого интерпретировалась правовая действительность, важной научной задачей становится изучение отношения к праву, объясняющего правовое поведение. Сам термин «правовое сознание» вводился в научных оборот правоведения посредством отражения субъективной стороны правоотношений, приобретающей решающее значение в праве. Так, согласно общей линии интерпретации проблемы, отождествление права с законом (нормой) не отвечает его природе как духовного явления, включающего ценности, интересы, представления о том, каким должно быть право (правовые убеждения) и пр. Норма лишь тогда является правом, когда в полной мере содержит эти духовные основания. Тем не менее, можно указать на два

принципиально важных признака данного понятия, очевидно, легших в основу его категориального определения: оно рассматривается в качестве элемента духовной жизни личности и общества и выражает отношение к правовой действительности. В этом смысле важность изучения правосознания осмысливалась не только в контексте раскрытия механизма правового поведения, но и в контексте решения проблемы правового воспитания.

Не смотря на то, что понятие правового сознания, безусловно, присутствовало в философском и теоретико-правовом дискурсе XIX – начала XX в., оно не имело категориального значения, выражающего форму теоретического мышления, объектом которого является право. Очевидно, методологически это было не только малопродуктивным, но и не соответствовало формируемому стилю посклассического мышления, не столько предполагавшего, сколько исключавшего категориальность анализа, присущего классической эпохе.

Категориальное значение правосознание приобретает в марксистской диалектико-материалистической философии и соответствующей правовой теории, во многом опирающейся на постулаты материалистически переосмысленной, прежде всего, философии Гегеля. Методологическая роль данной категории состояла в установлении первичности правового сознания по отношению к правовому бытию и, соответственно, в обосновании положения о том, что содержанием правового сознания является правовое бытие, отождествляемое с позитивным правом. Необходимо сказать, что советские философы и теоретики права создали мощный теоретический пласт, представляющий собой развернутое обоснование указанных положений. Но советская теория правосознания по своей сути была идеологически мотивирована, что объясняет многие ее особенности и пределы применения. Является очевидным то, что основной предпосылкой и результатом разработки и применения данной теории был советский юридический нормативизм и этатизм.

Примечательным является сама логика постановки проблемы правового сознания представителями данной уходящей своими корнями в классическую эпоху традиции. Правовое сознание является одной из форм общественного сознания. При этом отмечалось,

что применение понятия «форма сознания» является методологически более корректным, в силу того, что форма всегда предполагает содержание. Один из авторов известного учебника по философии уже уходящей советской эпохи писал: «В нашей философской литературе встречается утверждение, что термин “форма” устарел, что его можно заменить понятием “вид”, “сфера” общественного сознания и т.д. Однако это утверждение не представляется верным, ибо данные понятия не несут в себе философского содержания» [8, с. 452]. Так, содержанием правового сознания является право вместе со всеми сопутствующими ему институциональными образованиями, поскольку в правовом сознании не может быть ничего иного, кроме правового бытия. Поэтому «...правосознание представляет собой результат отражения (мысленного воспроизведения) права в сознании людей (общества, классов, индивидов), воплощаемый в совокупности знаний и оценок как относительно самого права, так и опосредующих его социальных институтов (государства, законности, правопорядка и др.). Фактором, оказывающим решающее влияние на идеологическое содержание этих знаний и оценок, является классовый интерес (экономический, политический и т.д.) творцов и носителей правосознания» [9, с. 115].

Таким образом, категория правосознания фиксирует отношение субъекта, в качестве которого выступают индивид, социальные группы, общество и объекта, под которым понимается право, формой которого является отражение – перенос качеств, свойств и состояний объекта в субъект в виде переживаний, представлений, знаний об объекте отражения. В зависимости от глубины отражения права, оно осуществляется на обыденном и теоретическом уровнях, которым соответствует правовая психология и правовая идеология. Если правовая психология, выражаясь в совокупности «чувств, привычек, настроений, традиций, в которых выражается отношение различных социальных групп, профессиональных коллективов, отдельных индивидов к праву...» [10, с. 204], является поверхностным и противоречивым отражением права, часто порождая заблуждение, то правовая идеология, являясь теоретической формой отражения, вырабатывает объективную истину о нем. Она представляет собой систему

«юридических идей, теорий, взглядов, которые в концептуальном, систематизированном виде отражают и оценивают правовую реальность» [11, с. 614].

Философские основания этой советской юридической теории базируются на признании главенства принципа отражения, устанавливающего природу и сущность отношения сознания индивида и права, где право выступает в виде объекта, а индивид, социальная группа или общество в виде субъекта отражения. Ее методологические основания состоят в объективизме как принципе познавательной деятельности и, соответственно, в корреспондентской теории истины, характерной для классической эпохи. Учитывая, что еще в конце прошлого века русские правоведы утратили интерес к такому классическому подходу и в соответствии с веянием времени и требованиями новой нарождающейся научной парадигмы предложили альтернативу, признаки которой были очерчены выше, неизбежно возникает вопрос о том, почему спустя некоторое время произошел возврат к старой классической модели. По мнению автора настоящей статьи, это объясняется консерватизмом советской правовой политики, начало которого относится к 1930-м годам прошлого века. Вплоть до этого времени российское правоведение изобиловало новыми идеями, которые, по оценкам исследователей внесли немалый вклад в развитие правовой науки. Прежде всего, следует указать на развитие психологической и социологической школы права, представители которой составляли цвет русского послереволюционного правоведения. Но идеи Л.И. Петражицкого, хотя и были революционно переосмыслены, содержали в себе значительный элемент революционности, который перестал быть востребованным в контексте усиления тоталитаризма. Итогом этого процесса является известное всесоюзное совещание по вопросам теории советского государства и права, принявшее сформулированную тогдашним прокурором СССР А.Я. Вышинским нормативно-этикетскую модель правопонимания, ставшим официальной основой советской правовой доктрины вплоть до распада СССР. Оно гласило: «Право – совокупность правил поведения, установленных государственной властью, как властью господствующего в обществе класса, а также санкционированных государственной

властью обычаев и правил общежития, осуществляемых в принудительном порядке при помощи государственного аппарата в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу».

Так, нормативная правовая доктрина, будучи консервативной по своей сущности, в той же степени, в какой консервативен юридический позитивизм, требовала своей легитимации в виде теоретического обоснования закономерности советского правового порядка как исторически наиболее прогрессивного, соответствовавшего эволюции человеческой цивилизации, частью которого является реализация интересов господствующего класса. Теория правового сознания становится важным инструментом решения этой задачи, провозглашая единственно истинной лишь официальную правовую идеологию, отмечая все альтернативные идеи и представления о праве как феномене заблуждения, объясняемом поверхностностью отражения правовой действительности на обыденном уровне сознания (правовая психология). В этом заключается функциональное назначение категории правосознания в системе марксистско-ленинской философии, устанавливающей мировоззренческие ориентиры для других наук, в том числе и в первую очередь для советской теории государства и права, которая фактически дублирует эти положения в соответствии с более узкими задачами этой отрасли знания. Один из уже цитированных выше теоретиков права 1980-х годов прошлого века так определяет методологические границы данной категории: «Правовое сознание изучается в рамках различных научных дисциплин, соответственно, в разных ракурсах, под разными углами зрения. Правоведы исследуют его преимущественно как совокупность представлений, мотивирующих правомерное (либо противоправное) поведение, как систему взглядов, служащих источником для законотворческого процесса, включенных в деятельность по реализации законодательства, применению и соблюдению права...» [9, с. 108]. Вопросы же, входящие в компетенцию философии, «... касаются соотношения общественного бытия и правосознания, обстоятельств порождения (производства) правосознания, его смыслового ядра, структуры и уровней, его связи с другими формами

общественного сознания, каналов влияния на общественную практику» [9, с. 108].

Можно сказать, что категориальный статус понятия «правосознание» является порождением советской идеологической доктрины, в которой эта категория играла роль легитимирующего фактора в виде теоретической философской и правовой конструкции, обосновывающей советский правовой нормативизм, являющийся современной формой консервативного по своему характеру юридического позитивизма. Следует также отметить, что философская и правовая теории правового сознания никогда не рассматривались в качестве самостоятельных, решающих исключительно свои задачи, возникших и функционировавших независимо друг от друга. Это была одна система знания, где философии отводилась роль формулирования мировоззренческих начал, а правовой теории их реализация в идеологически значимых отраслях юридического знания.

Необходимо подчеркнуть, что советская теория правосознания, не смотря на апелляцию к классической традиции, несет в себе ряд идей дореволюционных теоретиков права, не только провозглашая важность изучения духовной сферы жизни общества, но и настаивая на относительной самостоятельности идей и теорий, которые могут оказывать влияние на правовую действительность (как плодотворное, так и не плодотворное). Но сутью данной теории всегда оставался классовый подход, характерный для всего марксистского обществознания, который в теории правосознания выражался как признание единственно истинной лишь идеологии пролетариата. То есть отражение социальной действительности в форме теорий, концепций, доктрин опосредованно классовым интересом, который приобретая статус официальной идеологии, интерпретируется как объективная истина. Так, один из советских теоретиков следующим образом

характеризует социалистическое правосознание: «Социалистическое правосознание, получившее полный простор для своего развития после пролетарской революции, тесно связано с социалистическим правом, которое носит научный характер и выражает интересы всех трудящихся. Основные принципы социалистического правосознания в целом совпадают с индивидуальным правосознанием» [12, с. 457].

Чрезмерная идеологизация данной сферы, классовая трактовка природы правосознания, чему отвечала его философская концепция, в теории государства и права приобрели форму «партийности». В одном из учебников советской эпохи читаем: «Принцип партийности теории государства и права – это ее идейное содержание. Он предполагает свободное научное исследование, если иметь в виду честное, искреннее служение интересам рабочего класса, всех прогрессивных социальных сил, строго объективное изучение предмета» [13, с. 35].

В контексте сказанного необходимо отметить, что категориальное использование понятия правосознания в философской и юридической теории выражает историческое своеобразие эволюции этих областей знания в условиях идеологизации сферы социально-гуманитарного знания. В этом смысле современное категориальное использование данного понятия, часто опирающееся на теоретические разработки ушедшей эпохи, должно учитывать теоретико-методологические источники этой категории, природу правопонимания его породившего. Принимая же во внимание концептуальные и методологические потребности использования понятия правосознания современной теорией государства и права, нужно констатировать необходимость обновления его философской базы на основе современных теорий сознания, давно известного и испытанному сообществу российских философов и теоретиков права.

Литература

1. Пегова Н.Э. Теоретико-правовая методология в концепции общей теории права Н.М. Коркунова: дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018.
2. Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. СПб., 1915.

Bibliography

1. Pegova N.E. Theoretical and legal methodology in the concept of the general theory of law N.M. Korkunov: dis. ... PhD in Law. Kursk, 2018.
2. Korkunov N.M. History of the Philosophy of Law. Manual for lectures. St. Petersburg, 1915.

3. Авенариус Р. Введение в критику чистого опыта. СПб., 1898.

4. Бухарова И.В. Психологическая теория правового воздействия Л.И. Петражицкого: теоретико-методологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014.

5. Тимошина Е.В. Теория и социология права Л.И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: дис. ... док. юрид. наук. М., 2013.

6. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собр. соч. Т. IV. М., 1994.

7. Новгородцев П.И. Кризис современного правосознания. Сочинения. М., 1995.

8. Введение в философию: учебник для высших учебных заведений / под ред. И.Т. Фролова. М., 1990.

9. Мамут Л.С. Правосознание // Общественное сознание и его формы. М., 1986.

10. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1997.

11. Синюкова Т.В. Правосознание и правовое воспитание // Теория государства и права. Курс лекций. М., 2001.

12. Спиркин А.Г. Курс марксистской философии. М., 1964.

13. Теория государства и права / под ред. А.И. Денисова. М., 1980.

3. Avenarius R. Introduction to the Critique of Pure Experience. St. Petersburg, 1898.

4. Bukharova I.V. Psychological theory of legal influence of L. I. Petrazhitzky: theoretical and methodological analysis: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2014.

5. Timoshina E.V. Theory and sociology of law by L.I. Petrazhitzky in the context of classical and post-classical legal understanding: dis. ... Doc. of Law. Moscow, 2013.

6. Ilyin I.A. About the essence of legal consciousness // Collected works. Vol. IV. Moscow, 1994.

7. Novgorodtsev P.I. The crisis of modern legal consciousness. Essays. Moscow, 1995.

8. Introduction to philosophy: a textbook for higher educational institutions / ed. by I.T. Frolov. Moscow, 1990.

9. Mamut L.S. Pravosoznanie // Public consciousness and its forms. Moscow, 1986.

10. Khropanyuk V.N. Theory of State and Law. Moscow, 1997.

11. Sinyukova T.V. Legal awareness and legal education // Theory of state and law. Course of lectures. Moscow, 2001.

12. Spirkin A.G. Course of Marxist philosophy. Moscow, 1964.

13. Theory of State and law / ed. by A.I. Denisov. Moscow, 1980.

Напалкова Ирина Георгиевна
Napalkova Irina Georgievna

заведующая кафедрой теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) доктор юридических наук, профессор.

Head of the Department of Theory and History of State and Law, the Rostov State University of Economics (RINH), Doctor of Law, Professor.

E-mail: napalkova-ig@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИДЕЙ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВООПОНИМАНИЯ

Formation and development of conceptual ideas of integrative legal understanding

В статье исследуются проблемы формирования новой интегративной методологии права в контексте философско-правовой интерпретации различных типов правопонимания. На основе поиска критериев истинности правовых знаний автор обосновывает возможность и целесообразность преодоления противоречий в формировании интегративной юриспруденции, соответствующей эпохе постмодерна, способствующей преодолению методологического кризиса современной правовой науки и обеспечивающей всестороннее познание правовой реальности.

Ключевые слова: интегративная методология права, парадигмы философско-правового мышления, критерии истинности правового знания, эпоха постмодерна, ценности права.

The paper examines the problems of forming a new integrative methodology of law in the context of philosophical and legal interpretation of various types of legal understanding. Based on the search for criteria for the truth of legal knowledge, the author substantiates the possibility and expediency of overcoming contradictions in the formation of integrative jurisprudence corresponding to the postmodern era, contributing to overcoming the methodological crisis of modern legal science and providing a comprehensive knowledge of legal reality.

Key words: integrative methodology of law, paradigms of philosophical and legal thinking, criteria for the truth of legal knowledge, postmodern era, values of law.

Важнейшей тенденцией развития современной юридической науки является ее определенная самостоятельность по отношению к реальной практической действительности. Современная юридическая наука в процессе осмысления правовой действительности способна выразить ее в методологических подходах, концептуальных идеях, парадигмах мышления и на их основе активно воздействовать на правовую реальность.

Осмысление наиболее значимых проблем современного права предполагает формирование концептуальных идей к пониманию сущности права и его типологии, сложившихся в процессе длительной эволюции различных типов правового регулирования. Развитие современной юридической науки связано с признанием относительности знаний познающего субъекта, его незавершенности, открытости, многоаспектности, что предполагает значительное расширение сферы науч-

ных исследований. Содержание правовой реальности в этом случае интерпретируется в многочисленных правовых доктринах, стимулирующих познавательный процесс, и свидетельствующих о «глубине и богатстве государственно-правовой мысли, об огромном разнообразии знаний о праве» [1, с. 9].

В современных условиях юридическая наука все более становится средством целенаправленного совершенствования правовой реальности. В условиях продолжающейся дифференциации научного знания и демократизации общества расширяются возможности познающего субъекта в осуществлении свободы выбора между имеющимися теориями и формированием собственных научных взглядов на понимание права. Данное положение способствовало возникновению многочисленных конкурирующих научных концепций, противоречивых научных представлений о праве и значительно усложнило возможность их

использования на практике. Задачи построения правового государства привели к распространению либеральных ценностей, которые находили свое воплощение в теории соотношения права и закона, в идеях признания прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью государства, в формировании правового идеала не на основе нормативных предписаний, на идеях свободы и справедливости. Возникновение новых подходов к праву связано с тем, что право в определенные периоды своего развития перестает отвечать современным реалиям и утрачивает свою эффективность.

Исследование права представляет собой сложную, целенаправленную мыслительную деятельность по осмыслению правовой реальности и получению результата, в котором раскрывается ее смысл и назначение, формируются теоретическое понимание права как целостного, социального явления. Процесс понимания права отражает результаты научного познания наиболее общих закономерностей формирования, дальнейшего развития и функционирования права. Полученные результаты научного исследования должны носить объективный, научный характер, определять внутренние, системообразующие связи между явлениями правовой реальности.

Формирование методологии юридических исследований на современном этапе развития общества дает возможность в соответствии с определенными научными критериями классифицировать многочисленные научные взгляды на происхождение, сущность и назначение права. Методологическое значение категории правопонимания заключается в возможности определения с его помощью сущности, содержания, функций, роли и назначения права. Наряду с теоретической ценностью изучения данной проблемы важнейшее значение имеет практическое применение результатов исследования сущности права в реальной действительности. Научная теория должна иметь прикладной характер и способствовать поиску путей наиболее разумной организации общественного устройства, разработке практических рекомендаций для осуществления правовой политики государства, для нормотворческой и правоприменительной деятельности. Отсутствие истинного понимания права снижает его регулятивные возможности в обеспечении законности и правопорядка. Раскрытию

сущности права способствует определение типа правопонимания.

На основе соответствующей парадигмы философско-правового мышления формируется определенная типология понимания права, представляющая собой метод правового познания, разделяющий правопонимание на элементы и группирование их на основе схожих признаков по определенным типам. Выявление типов понимания права имеет основополагающее, исходное значение для правовой науки, так как способствует выявлению определяющей парадигмы юридического мышления в познании правовой реальности. Она представляет собой обобщенную концептуальную идею, выраженную в определенной модели права, определенную совокупность наиболее общих свойств и качеств действующего права и отношения к ним познающего субъекта. Как отмечает В.С. Нерсисянц: «Именно тип правопонимания определяет парадигму, принцип и образец (смысловую модель) юридического познания права и государства, собственно научно-правовое содержание, предмет и метод соответствующей концепции юриспруденции» [2, с. 27].

Наличие многочисленных научных концепций понимания права зависит от возникновения их на различных этапах развития государства, в которых формировались специфические проблемы права, от их понимания познающими субъектами, от интересов различных социальных групп, и от различий философских, религиозных, нравственных подходов, объясняющих формирование тех или иных правовых систем. Приверженность к той или иной концепции правопонимания определяет конкретные решения проблемы прав человека, признания ценностей правового государства, тех или иных источников права и других методологических аспектов права. Формирование многочисленных правовых теорий связано с наличием сложной структуры механизма правового регулирования (правовых норм, юридических фактов, актов правоприменения), с влиянием на формирование правосознания общества и индивидов нравственности, правовой культуры [3, с. 191].

Идеи правопонимания в современной юридической науке рассматриваются как результат интеллектуальной мыслительной деятельности в процессе познания права и его интерпретации на различных уровнях отношения к

праву, определения его сущности, его роли в общественных отношениях. В научной литературе отмечается, что правопонимание представляет собой «сознательно-волевой, мыслительный процесс, творческий результат целенаправленной абстрактно-логической деятельности субъекта познания, зависящий от объектно-субъектных характеристик, представленных правом и человеческим сознанием, преследующий цель получения достоверного знания о праве и раскрытия его сущности» [4, с. 24–31]. Как отмечает В.В. Ильин: «Научное знание должно соответствовать такому качеству, как рациональность, существенными признаками которого являются: прогрессивность знания, его достоверность, объективность, критичность, доказательность, оправданность» [5, с. 152].

В современной юридической науке идет поиск концепции, в которой нашел бы выражение новый тип правопонимания, соединяющий в себе компоненты различных типов в самых различных вариациях. Сформировалась тенденция к их синтезированию, интегрированию в целостную единую теорию правопонимания.

Стремление ряда ученых к формированию интегрированной методологии и ее концептуализации в целях обоснования права сопровождается дискуссией по вопросу ее целесообразности и оправданности. Наличие многочисленных форм существования права, каждая из которых обладает соответствующим инструментарием, не противоречит известному положению о присутствии общих сущностных признаков, характеризующих проявления права в реальной действительности. Идея формирования непротиворечивой интегративной юриспруденции, определяемой общими свойствами права, способной обеспечить истинное объективное познание правовой реальности, становится все более актуальной и необходимой.

Следует отметить, что логические противоречия, существующие между правовыми концепциями, носят неизбежный характер, поскольку определяются различиями концептуальных основ понимания права. В процессе преодоления противоречий особое значение приобретает критический анализ правовых концепций, в которых отсутствует объективность и достоверность в объяснении процессов развития права. В поисках новой парадигмы права интегративный подход имеет особое значение, т.к. он позволяет последовательно рассматривать право

как целостное явление социальной жизни. Как отмечает В.М. Сырых: «По мере углубления и расширения объективных знаний о праве правовые доктрины должны будут либо унифицировать свои воззрения на государство и право, либо в той или иной части утратить статус научной теории» [6, с. 25].

Многофакторность феномена права, соединяющего в себе материальные и духовные ценности, идеалы свободы, справедливости, выраженные в нормативных установлениях государственной власти, во многом определяет плюрализм методологических подходов к пониманию права. Но все эти признаки действующего права представляют собой различные формы существования единой правовой реальности. Исследование проблем правопонимания предполагает изучение не только современных научных подходов к пониманию права, но и учет сложившегося опыта в предшествующую эпоху. Специфика исторического развития России повлияла на процесс формирования российского права и его интерпретацию в многочисленных правовых учениях.

В российской философии права второй половины XIX – начала XX века интегративного подхода к праву придерживались многие ученые. Б.А. Кистяковский, рассматривая право, как сложное, многогранное явление, считал, что в понимании права можно выделить несколько подходов: аналитический, основанный на позитивистском понимании права; социологический, в котором право рассматривается через призму социальных отношений; психологический, основанный на психологической концепции права; философский, характеризующий ценностное понимание права. Поскольку эти подходы носят односторонний характер, он предлагает рассматривать их в совокупности, в целостной единой познавательной концепции, раскрывающей истинный смысл права отражающей различные грани правой реальности [7, с. 206–234]. Б.А. Кистяковский определил основные предпосылки интегративного понимания права.

А.С. Яценко, известный российский правовед того же периода, считал, любая юридическая, этическая или социологическая идея обосновывает односторонне только одну позицию, отвергая иные подходы. Разрешение проблемы он видел в создании синтезированной теории права, рассматривающей право, как

принудительное равновесие между потребностями индивида в личной свободе и интересами всего общества.

Известный теоретик права П.А. Сорокин социологический подход к праву трансформировал в интегральную, синтезированную теорию права. Он сводит право к трем главным аспектам: право, как основное правило поведения, как нормы, заложенные в психике субъекта в его убеждениях, как правовые убеждения, объективированные в основных источниках права и политических институтах общества

Один из представителей интегративного подхода к праву Д. Холл является автором термина «интегративное правопонимание». Он выделяет три измерения права, каждое из которых интерпретирует лишь одну сторону права. Естественно-правовые теории акцентируют внимание на нравственной ценности права, но не разрабатывают важнейшие и необходимые юридические понятия, отражающие регулятивные возможности права. Юридический позитивизм рассматривает право, как государственные веления, выраженные в позитивном законодательстве, но не способен связать право с социальными проблемами. Реалистическая концепция права рассматривает право в социальном и процессуальном аспекте, но пренебрегает нравственной оценкой права и снижает роль нормы права как социального регулятора. Д. Холл стремится синтезировать положительные стороны указанных подходов к праву в интегративной юриспруденции и выделить в ней: правовую онтологию, раскрывающую понятия и сущность права, его классификацию; социологию права, разъясняющую реальную жизнь права; правовую аксиологию для нравственной оценки права и права на использование принуждения [8, с. 499–500].

Практическую потребность в формировании синтезированной интегративной философии права признает Г. Берман. Он предлагает объединить в ее рамках юридический позитивизм, теорию естественного права и историческую концепцию права и тем самым свести воедино политические, моральные и исторические аспекты права [9, с. 340].

Интегративная концепция права находит своих сторонников в числе современных российских ученых, среди которых нет единства взглядов в понимании данной методологии, но их объединяет желание создать единое универ-

сальное понятие права, объединить в единое целое основные признаки права и при выборе этих признаков определять, какие из них могут способствовать совершенствованию права. К интегративным теориям относятся интегральная концепция В.Г. Графского, широкий подход к праву В.В. Лазарева, диалогичная методология И.Л. Честнова, феноменолого-коммуникативный подход к пониманию права А.В. Полякова, либертарно-юридическая теория В.С. Нерсесянца, институциональный подход к пониманию права В.А. Четвернина, гуманистическая теория С.С. Алексеева, интегративное понимание права В.В. Ершова и др.

В.Г. Графский считает, что в условиях роста и дифференциации общетеоретических, отраслевых и прикладных юридических наук возрастает необходимость установления их взаимозависимости. Он отмечает, что общая теория права не может выполнить интегрирующую роль, так как к прикладным правовым дисциплинам она имеет достаточно косвенное отношение. Он полагает, что эта роль под силу новой методологии, способной синтезировать знания о правовой реальности [10, с. 51].

К интегративному праву относит свою либертарно-юридическую теорию В.С. Нерсесянц, в которой утверждается дуализм права на основе естественного и позитивного права. В основе его теории лежит принцип формального равенства и принцип свободы индивида в общественных отношениях. Он определяет право, как нормативную форму выражения свободы личности на основе их формального равенства, и признает правовую справедливость в качестве главного критерия поведения личности. Либертарно-юридическая концепция явилась системным ответом на сложившийся методологический кризис в юриспруденции перестроечного периода. Наряду с идеей правового закона, выраженной в учении В.С. Нерсесянца, либертарный подход получил свое развитие в работах Н.В. Варламовой, В.В. Лапаевой, в социологической теории В.А. Четвернина. В.В. Лапаева полагает, что либертарно-юридический, интегративный подход к пониманию права позволяет решать важнейшие задачи юридической теории и практики. Она отмечает, что не следует смешивать интегративный подход к праву с «плюрализмом, который состоит в том, что право, как явление многостороннее изучается с самых

различных точек зрения, и как социологическое, и как психологическое, и как нормативное явление и т.д.» [11, с. 5–13].

В современный период в российской правовой науке получил признание «широкий» подход к пониманию права, интегрирующий традиционные теории права. В.В. Лазарев определяет широкое понимание права как объединение норм, концепций, раскрывающих различные формы выражения права, и дает определение права, которое включает в себя противоречивые компоненты естественно-правового, позитивистского, либертарно-юридического подходов к пониманию права. В.В. Лазарев полагает, что в рамках методологического плюрализма можно обеспечить возможность построения единой синтетической концепции понимания права. Он формулирует интегративное определение понятия права, понимая под ним «совокупность признаваемых в данном обществе и обеспечиваемых официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных волей в их взаимоотношении друг с другом» [12, с. 19].

В.В. Лазарев предлагает интегрировать в едином понятии права не только правовые регуляторы, но и различные социальные нормы, связанные с нравственными идеями равенства и справедливости.

И.Л. Честнов рассматривает право, как комплексное многоаспектное явление, разделяющееся на противоположные категории: должное и сущее, общее и особенное, материальное и идеальное, которые влияют на непрерывное и бесконечное развитие права. Он критически оценивает концепции права, являющиеся продуктом индустриального общества. В эпоху современного постмодернизма он видит возможность создания интегративной юриспруденции на основе развития философско-правовой мысли и создания диалогичной методологии. Определяя право, как феномен культуры, ученый включает в свою интегрированную концепцию компоненты феноменологии права, герменевтику, антропологию, и методологию синергетики. Он считает, что, несмотря на противоречивость этих компонентов можно найти общую основу новой методологии [13, с. 14].

А.В. Поляков определяет возможность формирования интегративной юриспруденции

на основе коммуникативной теории права. Подвергая критике свойственный современному российскому праву этатистский подход, он предлагает создать новую интегративную теорию права на основе ценностей западных и восточных правовых учений. Он считает, что созданию данной теории может способствовать использование реалистических концепций права и разработанный им феноменолого-коммуникативный подход к пониманию права, который рассматривает его «как явление, не существующее вне социальной коммуникации, как intersубъективное взаимодействие, взаимообусловленное правами и обязанностями, как синергетическую коммуникативную систему» [14, с. 114]. А.В. Поляков формулирует идею о создании интегративного определения права, которое способно охватить и внутренне связать все имеющиеся определения права и снять противоречия между противоположными положениями. Он полагает, что понимание права с позиций постмодернизма позволяет интерпретировать его как многомерный противоречивый феномен, исследовать который не под силу самостоятельно ни одной концепции правопонимания.

А.В. Поляков рассматривает правовую коммуникацию как практическое взаимодействие публичного характера, выступающего в политологической форме (я – другой – государство), и полагает, что противостояние между нормативизмом и противоположными ему концепциями можно преодолеть путем создания новой синтетической теории. Он классифицирует современные концепции правопонимания, делит их на два типа – практический и теоретический. Практический тип понимания права находит свое выражение в правочувствовании субъектов права, в правовом сознании общества. Теоретическое понимание права достаточно идеологизировано и отражается в концептуальных идеях. В другой классификации А.В. Поляков рассматривает три способа понимания права: естественно-правовой подход позволяет рассматривать право, как общезначимую ценность, этатистский подход раскрывает нормативный аспект правовой реальности и механизм реализации права, социологический подход раскрывает деятельную сторону права.

В.В. Ершов полагает, что поскольку юридический позитивизм оставляет без исследо-

вания многие теоретические вопросы, связанные с защитой личности от возможного произвола органов государственной власти, в современных научных исследованиях не следует ограничиваться только трактовкой такого источника национального права, как нормативно-правовой акт. Необходимо рассматривать право как системную ценность в рамках наиболее перспективного интегративного правопонимания, позволяющего преодолевать крайности таких взаимоисключающих подходов к пониманию права, как естественно-правовой, позитивистский и социологический. В.В. Ершов полагает, что право «объективируется в онтологически однородных принципах и нормах права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализующегося в государстве» [15, с. 63]. В условиях глобализации современная научная оценка этих процессов возможна лишь на основе широкого интегративного понимания права

К фундаментальным нормам национального и международного права В.В. Ершов относит объединяющие их общие принципы права. Он считает, что главным преимуществом интегративного правопонимания является возможность с его помощью наиболее качественно исследовать проблемы взаимодействия национального и международного права, выявлять и анализировать новые компоненты системы права, находить практические ответы на современные теоретические вопросы. В.В. Ершов полагает, что интегративное, широкое понимание права обеспечивает эффективную правовую регламентацию и защиту основополагающих сфер социальной жизни. Анализируя потенциальные возможности интегративного правопонимания, он отмечает, что данная теория «способствует регулированию разнообразных динамически развивающихся правоотношений, защите прав и правовых интересов физических и (или) юридических лиц» [16, с. 4]. Для формирования современной интегративной юриспруденции необходимо выявить наиболее значимые критерии установления истинности

научного знания, позволяющие объединить в единое целое компоненты права. Такими критериями являются: наличие предмета познания у конкретной теории, его интерпретация, непротиворечивость элементов сложившейся системы знаний, возможность реализации теории в практической действительности. Использование указанных критериев применительно к созданию интегративной теории права позволяет сделать вывод, что все объединяемые концепции имеют общий предмет исследования, но возможно объединение не всех, а только отдельных их элементов, выражающих основополагающие ценности, доказавшие свою истинность и объективность в течение длительного времени. Эти элементы не должны быть взаимоисключающими, они должны гармонично сочетаться. Создание полной системности в этом случае остается недостижимым [17, с. 258]. Интегрированию в единую теорию могут подвергаться идеи верховенства права, приоритета прав личности и их гарантированности, идеи связанности государства правом, ценности права как регулятора поведения, его нормативности, формальной определенности, всеобщности, гарантированности и др.

Таким образом, развитие интегративной методологии права представляет собой развитие правопонимания нового типа на основе сформировавшихся философско-правовых концепций права. Формирование интегративной методологии права в современную динамично развивающуюся эпоху постмодерна связано с потерей классическими концепциями своей определяющей роли и значения в практической юриспруденции, и является необходимым доктринальным ответом на усилия по созданию единого непротиворечивого понимания права. Многообразие современных правовых концепций, поиски критериев истинности в процессе формирования нового, более прогрессивного интегративного подхода к праву, способствуют дальнейшему развитию, совершенствованию права и преобразованию современной правовой действительности.

Литература

1. Марченко М.Н. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Т. 2. М., 1998.

Bibliography

1. Marchenko M.N. General theory of state and law. Academic course in 2 volumes. Moscow, 1998.

2. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999.
3. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. 1999.
4. Палеха Р.Р. Категория «правопонимание» и ее теоретико-методологический потенциал // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012.
5. Ильин В.В. Философия и история науки. М., 2005.
6. Сырых В.М. История и методология юридической науки. М., 2012.
7. Кистяковский Б.А. Право как социальное явление. Русская философия и социология права. Ростов н/Д, 2004.
8. История и философия науки. Под ред. Н.В. Михалкина. М., 2007.
9. Графский В.Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект. М., 2000.
10. Берман Г. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1999.
11. Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5.
12. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права. 2016.
13. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 2.
14. Поляков В.А. Общая теория права. СПб., 2004.
15. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018.
16. Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. 2008. № 7.
17. Напалкова И.Г. Концептуальные идеи и парадигмы юридической науки. Ростов н/Д, 2018.
2. Nersesyants V.S. General theory of law and state. Moscow, 1999.
3. Cherdantsev A.F. Theory of State and Law. Moscow, 1999.
4. Palekh R.R. Category «law understanding» and its theoretical and methodological potential // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2012.
5. Ilyin V.V. Philosophy and History of Science. Moscow, 2005.
6. Syrykh V.M. History and methodology of Legal Science. Moscow, 2012.
7. Kistyakovsky B.A. Law as a social phenomenon. Russian Philosophy and Sociology of Law. Rostov-on-Don, 2004.
8. History and Philosophy of Science // ed. by N.V. Mikhalkin. Moscow, 2007.
9. Grafsky V.G. Integral (synthesized) jurisprudence: an actual and still unfinished project. Moscow, 2000.
10. Berman G. Faith and law: reconciliation of law and religion. Moscow, 1999.
11. Lapaeva V.V. Integral legal understanding in the Russian theory of law: history and modernity. Legislation and economics. № 5. 2008.
12. Lazarev V.V. Integrative perception of law. Bulletin of the Kazan University. Right. 2016.
13. Chestnov I.L. Legal understanding in the postmodern era. Izvestiya vuzov. Legal Studies. № 2. 2002.
14. Polyakov V.A. General theory of Law. St. Petersburg, 2004.
15. Ershov V.V. Legal and individual regulation of public relations. Moscow, 2018.
16. Ershov V.V. Theoretical and practical problems of law understanding, law-making and law enforcement. The Russian justice. № 7. 2008.
17. Napalkova I.G. Conceptual ideas and paradigms of legal science. Rostov-on-Don, 2018.

Кравцова Елена Александровна
Kravtsova Elena Alexandrovna

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of the Civil and Legal Disciplines, the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs named after I.D. Putilin, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: 543375@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО» И КЛАССИФИКАЦИИ ЕГО ИНСТИТУТОВ

To the issue of the concept «civil society» and classification of its institutions

Гражданское общество является основным средством взаимодействия личности и государства. Развитое гражданское общество дает возможность влиять на решения, принимаемые государственными органами, контролировать деятельность государства в различных сферах. В статье изучаются подходы к пониманию термина «гражданское общество», даваемые в различные исторические эпохи, анализируется современное понимание данного термина, рассматриваются существующие классификации институтов гражданского общества.

Ключевые слова: конституционное право, гражданское общество, институты гражданского общества, классификация институтов гражданского общества.

Civil society is the main means of interaction between the individual and the state. A developed civil society makes it possible to influence the decisions made by state bodies and to control the activities of the state in various areas. The article examines the approaches to understanding the concept of «civil society» given in various historical epochs, analyzes the current understanding of this term and examines the existing classifications of civil society institutions.

Key words: constitutional law, civil society, civil society institutions, classification of civil society institutions.

Понятие гражданского общества формировалось в течение всего существования общества и государства. Составляемая учеными теоретико-правовая модель гражданского общества была направлена на организацию осознанного взаимодействия между личностью, обществом и государством. Однако эта модель менялась по мере развития общественных отношений, философских и правовых знаний.

В различные эпохи вопросы построения гражданского общества исследовались учеными и мыслителями разных эпох. Их изучали Цицерон, Аристотель, Ф. Аквинский, Ш.Л. Монтескье, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г.В. Гегель, Ф. Лассаль, Л. Штейн и др. Анализируя вышеуказанные труды, современные ученые предлагают выделить несколько подходов к сущности данного явления. Так, П.П. Баранов предлагает классифицировать их на холистский, теоцентристский, конвенциональный, либеральный, этатистский и современный подходы [1, с. 12].

Холистский подход к изучению гражданского общества характерен для Античности. Античные авторы рассматривали общество как единое целое, не разделяя его на политическую и социальную составляющую, и отождествляли понятия «государство» и «гражданское общество». Гражданское общество рассматривалось как свободное объединение граждан внутри государства. Существование вне государства и общества считалось невозможным. Так, Аристотель писал, что человек «по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [2, с. 387].

Для Средних веков был характерен теоцентрический подход к понятию «гражданское общество», что связано с главенствующей ролью церкви в жизни средневекового общества. Согласно данному подходу гражданское общество – это совокупность людей, связанных

общим вероисповеданием вне зависимости от места проживания и гражданства.

В XVII–XVIII веках, с развитием договорной теории права, возникает и обосновывается конвенциональный подход к понятию «гражданское общество». Данный подход используется в работах Томаса Гоббса, Гуго Гроция, Шарля Луи Монтескье, Жан-Жака Руссо. Их взгляд на гражданское общество во многом совпадает со взглядами античных ученых. Понятие «гражданское общество», по сути, совпадает с понятием «государство», являясь союзом граждан, договорившихся об объединении с целью недопущения «борьбы всех против всех», которая была характерна для догосударственного состояния, обеспечения и защиты основных прав человека.

Так, например, Жан-Жак Руссо выдвинул концепцию «естественного порядка», который в результате заключения общественного договора переходил в «порядок позитивный», обеспечение которого гарантировалось государством. Гражданское общество, по мнению Ж.Ж. Руссо, являлось «такой формой ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силу личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [3, с. 157].

Томас Локк заложил основы либерального подхода к понятию гражданского общества. В своих трудах он исходил из признания естественных прав человека, необходимости признания формального равенства прав личности вне зависимости от социального положения, обеспечения всем равных возможностей в достижении собственных социально значимых целей. Т. Локк не отождествляет понятия «гражданское общество» и «государство», указывая на то, что объединения граждан внутри государства воздействуют на деятельность государства, способствуя законности его деятельности и соблюдению прав человека, как высшей ценности. По мнению Т. Локка, государство должно обеспечивать безопасность личности и частной собственности, не вмешиваясь в экономическую жизнь общества, позволяя экономике развиваться свободно и без ограничений.

Этапистский подход к развитию концепции гражданского общества был обоснован Георгом Гегелем. Именно он ввел в обиход само

понятие «гражданское общество», рассматривая его как нечто отличное от государства, семьи, племени, нации, религиозной конфессии. В своем труде «Философия права» Гегель обосновал тесную связь государства с гражданским обществом и вывел отличия между данными понятиями, доказав, что государство должно выступать гарантом гражданского общества. По мнению Гегеля гражданское общество представляет собой единую картину, составленную из отдельных лиц, их групп и институтов, взаимодействие которых регулируется правом. Гражданское общество развивается вместе с государством и под его воздействием. Гражданское общество – это «формальная всеобщность индивидуумов», интегрированных в «мире частной собственности, потребности и труда» [4, с. 73]. Развивая идеи Гегеля, Лоренц фон Штейн обосновал необходимость воздействия на государство со стороны гражданского общества. Он указывал на то, что внутри государства люди объединяются в различные группы, которые он назвал союзами. Данные союзы, являясь институтами гражданского общества, влияют на жизнь государства, контролируя его деятельность. Институты гражданского общества призваны обеспечить связь между человеком и государством, обеспечив возможности людей влиять на решения, принимаемые государственными органами [5, с. 42]. Данный взгляд наиболее соответствует взглядам современных ученых на понятие гражданского общества.

Так, К.С. Сердобинцев под гражданским обществом понимает «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семью), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации» [6, с. 32].

Определение, даваемое понятию гражданского общества К.С. Сердобинцевым, слишком узкое, поскольку институты гражданского общества направлены на влияние на деятельность государства не только в сфере экономики, но и во всех остальных сферах жизнедеятельности, например, они могут оказывать влияние на деятельность государства в правоохранительной сфере. С этой целью создаются общественные советы при УМВД России, общественные советы при участковых пунктах полиции.

Ю.В. Синчук считает, что гражданское общество представляет собой «совокупность взаимоотношений граждан по удовлетворению их различных потребностей, возникающих и развивающихся без участия государства, но в рамках существующего в нем законодательства» [7, с. 56]. Данное определение гражданского общества также является весьма узким, поскольку в нем указывается на существование гражданского общества, как самостоятельной структуры, не зависящей от государства и не имеющей возможности влиять на его деятельность.

Наиболее полное определение понятия «гражданское общество», на наш взгляд, дает С.П. Нарыкова. С ее точки зрения гражданское общество это «позитивная, конструктивная социальная сила, соотносимая и сопоставимая с государством, способная ограничивать его в существенных проявлениях своей самостоятельностью» [8, с. 93].

Все ученые, изучающие гражданское общество, сходятся во мнении, что оно состоит из отдельных институтов. При этом состав институтов, включаемых в состав гражданского общества у разных авторов различается.

Так, И.С. Усватов выделяет такие институты гражданского общества, как семья, органы местного самоуправления, религиозные конфессии, предприятия и организации, трудовые коллективы, учебные заведения, клубы по интересам, правозащитные движения, средства массовой информации [9, с. 83].

Спорным является, в данном случае, вопрос о возможности отнесения органов местного самоуправления к институтам гражданского общества.

Поправками в Конституцию РФ, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, местное самоуправление вошло в единую систему органов публичной власти (п. 3 ст. 132), установив, что решение вопросов организации публичной власти относится к ведению Российской Федерации (ст. 71). Если исходить из указанных нормативных предписаний, то более приемлемо рассматривать в качестве института гражданского общества не органы местного самоуправления, а местное сообщество, то есть совокупность граждан, проживающих на территории муниципального образования.

И.Ж. Искаков считает, что к институтам гражданского общества следует относить семью,

средства массовой информации, предприятия и учреждения, профсоюзы и учебные заведения [10, с. 32].

Представляется, что взгляды И.Ж. Искакова и С.В. Калашникова на институты гражданского общества являются очень узкими. Структура гражданского общества является открытой, подвижной, склонной к изменениям в зависимости от задач, которые являются наиболее актуальными для граждан. Как отмечает по данному поводу Ю.В. Синчук: «В структуру гражданского общества входят многообразные общественные институты, в том числе и политические, организации граждан, независимые от государства, посредством которых и происходит реализация их потребностей» [7, с. 56].

Потребности людей как социальных личностей реализуются через институты гражданского общества. Посредством участия в их деятельности граждане осуществляют взаимодействие с государственными структурами, определяя вектор дальнейшего развития государства, помогая строить свое будущее и будущее своих детей. Участие в определении политики государства осуществляется через политические партии, движения, средства массовой информации, общественные объединения и просто через активные группы граждан и их личную инициативу. Количество институтов гражданского общества и их виды ничем не ограничены.

Институты гражданского общества создаются и действуют в рамках правового поля страны. Они обеспечивают «обратную связь» государства с гражданами, содействуют снятию социальной напряженности. Поощряя создание таких институтов, а в некоторых случаях и само выступая с инициативой их создания, государство контролирует деятельность таких институтов, для чего вводятся определенные процедуры их регистрации, отчетности, проведения контрольных мероприятий. При этом у населения остается сравнительно мало возможностей для осуществления саморегулирования таких институтов. Примером могут служить общественные палаты, деятельность которых детально урегулирована действующим законодательством [11]. Также под эгидой государства и под его непосредственным контролем существуют такие структуры гражданского общества, как Уполномоченный по правам ребенка, Уполномоченный

по правам человека, Уполномоченный по защите прав предпринимателей и т.д.

Представляется, что институты гражданского общества можно разделить на первоначальные и производные. Основной, первичной ячейкой гражданского общества является индивид. В процессе своей деятельности индивиды объединяются, образуя различные социальные институты: общественные организации, семьи, профсоюзы и т.д., которые становятся производными институтами гражданского общества.

Производные институты гражданского общества можно классифицировать по различным признакам. Л.Ю. Грудцына предлагает делить их на экономические, социальные, политические и средства массовой информации [12, с. 23].

Политическая сфера гражданского общества представлена политическими партиями и объединениями. Их цель – через выборы попасть в органы государственной власти и обрести возможность непосредственного влияния на принятие государственно важных решений. На 01.01.2020 по данным Министерства юстиции в России зарегистрировано 50 политических партий [13], которые имеют право принимать участие в выборах. При этом в Государственной Думе РФ в настоящее время присутствуют представители только 4 партий, преодолевших барьер 7 % голосов, необходимый для допущения партии к распределению мандатов. Слабость политических партий, их нерепрезентативность в действующих органах государственной власти связана напрямую с недостаточностью у них денежных средств для того, чтобы громко заявить о себе, поддерживать социально значимые проекты и убедить граждан в тех изменениях, которые необходимо произвести в государственном устройстве по мнению членов этих партий.

Социальная сфера включает в себя семью, трудовые коллективы, общественные объединения и организации неполитической направленности (например клубы по интересам). По данным Министерства юстиции России на 23.09.2020 в стране зарегистрировано 219 799 некоммерческих организаций, 1 946 национально-культурных автономий, 159 некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на предостав-

ление общественно полезных услуг. В каждом субъекте РФ действуют общественные палаты и разнообразные органы общественного контроля. Для взаимодействия непосредственно с населением создан сайт Российская общественная инициатива, на котором на данный момент зарегистрировано 18 005 инициатив [14].

Экономическая сфера представлена коммерческими юридическими лицами, целью которых является производство материальных благ, оказание различного рода услуг и получение прибыли по итогам своей деятельности.

Средства массовой информации (далее – СМИ) представляют собой информационную сферу гражданского общества. Важность СМИ, как фактора, способного воздействовать на общественное сознание, отмечалась и отмечается в настоящее время всеми мировыми политиками. Органы государственной власти активно используют СМИ в своих целях для формирования у населения определенного мнения по государственно важным вопросам. Так, например, ОВД активно сотрудничают с СМИ в целях раскрытия преступлений, предоставляя им информацию о преступниках, находящихся в розыске, а также с целью распространения иной информации, которая должна быть доведена до мнения населения. Помимо информационной функции, СМИ выполняют в обществе образовательную, воспитательную, контролируемую и другие функции. СМИ помогают налаживать диалог между органами государственной власти и населением путем обсуждения социально значимых вопросов. СМИ способны консолидировать население, активизировать его социальную позицию, побуждать к активным действиям или удерживать от их совершения.

Следует отметить, что для того, чтобы стать реальным, значимым институтом гражданского общества, СМИ должны быть независимы от государства, они должны действовать, руководствуясь принципами гражданского общества, такими как добровольный порядок создания и деятельности, независимость, самоуправление, плюрализм, конкуренция. Тогда они смогут быть не только официальным рупором государственной власти, но и реальным средством по воздействию на органы государства путем выражения мнения населения по тем или иным вопросам.

Практически аналогичную классификацию институтов гражданского общества предлагает В.Д. Паначев, предлагая, наряду с экономическими, социальными, политическими и информационными институтами гражданского общества, выделять институты духовно-культурной сферы гражданского общества [15, с. 59]. К институтам духовно-культурной сферы гражданского общества В.Д. Паначев относит учреждения культуры, например, музеи, театры, филармонии, образовательные учреждения, спортивные организации, религиозные организации и группы. Представляется, что данная классификация институтов гражданского общества является более полной.

Подводя итог вышесказанному, можно согласиться с В.А. Ильиным, что «современное гражданское общество – это общество, достиг-

шее партнерских отношений с государством и бизнесом, а также способное контролировать государство и богатство страны» [16, с. 10]. Через институты гражданского общества граждане участвуют в жизни государства, влияют на его решения, заставляя считаться со своим мнением.

Институты гражданского общества присутствуют в любой сфере жизни общества: политической, социальной, духовно-культурной, экономической, информационной. Они представлены объединениями граждан в любой организационно-правовой форме, не могут быть четко перечислены, поскольку их перечень носит открытый характер. Посредством участия в данных институтах граждане осуществляют взаимодействие с органами государственной власти, влияют на их деятельность.

Литература

1. Баранов П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003.
2. Аристотель. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1986.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1989.
4. Гегель Г. В.Ф. Философия права. М., 1999.
5. Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб., 1874.
6. Сердобинцев К.С. Взаимодействие общества и власти в контексте проблем модернизации и развития институтов гражданского общества в России // Вопросы философии. 2011. № 4.
7. Синчук Ю.В., Харичкин И.К. Политические институты гражданского общества в практике международных отношений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 4 (812).
8. Нарыкова С.П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 6.
9. Усватов И.С. К вопросу о структуре гражданского общества: определение понятия

Bibliography

1. Baranov P.P. Institutes of civil society in the legal space of modern Russia: dis. ... PhD in Law. Rostov-on-Don, 2003.
2. Aristotle. Collected Works. Moscow, 1986.
3. Rousseau J.-J. On the social contract. Treatises. Moscow, 1989.
4. Hegel G.V.F. Philosophy of law. Moscow, 1999.
5. Stein L. The doctrine of management and management law with a comparison of literature and legislation of France, England and Germany. St. Petersburg, 1874.
6. Serdobintsev K.S. The interaction of society and government in the context of the problems of modernization and development of civil society institutions in Russia // Problems of Philosophy. 2011. № 4.
7. Sinchuk Yu.V., Kharichkin I.K. Political institutions of civil society in the practice of international relations // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2018. № 4 (812).
8. Narykova S.P. Legal state and civil society: myths and problems (to the question of civil society) // Economic and humanitarian studies of regions. 2014. № 6.
9. Usvatov I.S. On the question of the structure of civil society: defining the concept of the institution of civil society // Gaps in Russian legislation. 2009. № 4.
10. Iskakov I. Zh. Civil society and its institutions in modern Russia: dis. ... PhD in Law. St. Petersburg, 2004

института гражданского общества // Проблемы в российском законодательстве. 2009. № 4.

10. Искаков И.Ж. Гражданское общество и его институты в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004

11. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 05.12.2017) «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. № 15. Ст. 1277. 2005.

12. Грудцына Л.Ю. Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Современное право. 2007. № 12-1.

13. Официальный сайт Министерства юстиции России. URL: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok>.

14. Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru>.

15. Паначев В.Д., Панченко С.Л. Институциональный анализ средств массовой информации гражданского общества // Вестник Пермского государственного технического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 9.

16. Ильин В.А. На трудном пути к сильному гражданскому обществу // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24).

11. Federal Law of 04.04.2005 № 32-FL (as amended on 05.12.2017) «On the Public Chamber of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. № 15. Art. 1277. 2005.

12. Grudtsyna L.Yu. The content and classification of civil society institutions in Russia // Modern law. 2007. № 12-1.

13. Official site of the Ministry of Justice of Russia. URL: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok>.

14. Russian public initiative. URL: <https://www.roi.ru>.

15. Panachev V.D., Panchenko S.L. Institutional analysis of the mass media of civil society // Bulletin of the Perm State Technical University. Socio-economic sciences. 2011. № 9.

16. Ilyin V.A. On the difficult path to a strong civil society // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2012. № 6 (24).

Касаткин Сергей Николаевич
Kasatkin Sergei Nikolayevich

доцент кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Theory and History of State and Law, The Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Associate Professor, the Department of Theory of Law and Philosophy, the Samara State University of Economics, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: kasatka_s@bk.ru.

КРИТИКА ДЖ. ОСТИНА В ПОСТХАРТИАНСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: К РЕВИЗИИ ОСНОВАНИЙ*

Criticism of J. Austin in post-hartian jurisprudence: to the revision of grounds

Статья обращается к восприятию командной теории права Джона Остина (1790–1859) в современной англо-американской юриспруденции, начиная с Г.Л.А. Харта. Обсуждается противоречивость оснований такой оценки: отвергая учение Дж. Остина, как «несоответствующее фактам», его критики сами вводят концепции, которые страдают от схожих дефектов, претендуя при этом на статус легитимных вариантов теоретического осмысления права. Как следствие, в статье подчеркивается проблемность и неабсолютность стандарта соответствия правовой теории фактам (действующего в контексте иных ценностно-методологических ориентиров), а также обоснованность более широкого горизонта в оценке учения Джона Остина.

Ключевые слова: Дж. Остин, Г.Л.А. Харт, юридический позитивизм, методология юриспруденции, стандарты оценки правовых теорий, понятие права, «перспектива участника».

The paper addresses to perception of John Austin's (1790–1859) command theory of law in modern Anglo-American jurisprudence starting from H.L.A. Hart. The contradiction of grounds for such assessment is discussed: rejecting J. Austin's doctrine as «failing to fit facts», his critics themselves introduce conceptions that suffer from similar defects, while claiming a status of legitimate versions of theoretical understanding of law. Therefore the article emphasizes problematic and non-absolute character of the standard of consistency of legal theory with facts (operating within a context of other value and methodological guidelines) as well as validity of a wider horizon in assessing John Austin's doctrine.

Key words: J. Austin, H.L.A. Hart, legal positivism, methodology of jurisprudence, standards for assessing legal theories, concept of law, «participant's perspective».

В современной западной юриспруденции учение выдающегося британского правоведа, одного из основателей юспозитивизма, Джона Остина традиционно воспринимается в критическом ключе и во многом рассматривается лишь как исторический образец правовой теории. Определяющей для такой трактовки в англо-американской мысли стала оценка доктрины Дж. Остина, как «не соответствующей фактам», предложенная в 1950 – 60-х гг. другим известным британским правоведом Гербертом Хартом. Г.Л.А. Харт не просто указал на отдельные содержательные дефекты трак-

товки права как приказа суверена, но настаивал на коренном пороке учения Дж. Остина – его неспособности надлежащим образом объяснить нормативность права и тем самым его понятие/природу. В противоположность этому Г. Харт предлагает концепцию права как союза первичных и вторичных правил, методологически основанную на учете восприятия и практик права самими участниками правового общения, т.е. их «внутренней точки зрения» [24, ch. 4–5], формируя новый стандарт теоретизирования о праве в англо-американской мысли. Между тем, реализация такого

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции».

подхода содержит в себе проблему: в духе установок Г. Харта многие современные правоведы, с одной стороны, оспаривают учение Дж. Остина и иные концепции права, имеющие существенные расхождения с «внутренней точкой зрения» участников юридической практики, с другой – допускают такие отступления в собственных рассуждениях о праве, порождая вопросы о содержании, значении и роли стандарта фактуальной адекватности правовой теории.

В свете сказанного настоящая статья обращается к рассмотрению критики учения Дж. Остина в англо-американской мысли и установлению (с опорой на позицию Брайана Бикса [8] и ряда других исследователей) связанных с ней проблемных методологических следствий. Такой ракурс позволяет не только иначе взглянуть на идеи британского правоведа XIX века, но и прояснить некоторые установки, используемые сегодня в построении и оценке теорий права.

Итак, фигура британского правоведа XIX века Джона Остина традиционно рассматривается в качестве одного из родоначальников юридического позитивизма [30; 33; 41; 29, p. 7; 48] и аналитического правоведения [47, p. 67–69; 26, p. 7, etc.; 42; 20, p. 18]. Как и другой именитый британский мыслитель Джереми Бентам, Дж. Остин критически настроен в отношении синтеза доктрин общего права и естественного права, доминировавшего в британской юриспруденции вплоть до первой половины XIX столетия. В противовес этому Дж. Остин пытается выстроить «науку о праве», которая бы обеспечивала адекватное и строгое описание базовых правовых понятий и тем самым предлагала юристам ясные и эффективные инструменты практической деятельности [3, vol. 2., p. 1107–1108]. Правовед начинает с определения области юриспруденции, разграничивая правильное и неправильное употребление терминологии «права» («*law*»). Основой для такой лингвистической ригоризации, по сути, выступает установление эмпирических референтов юридического дискурса (в духе концепции языка Дж. Бентама, связывающего состоятельность терминов с наличием у них аналогов в мире фактов [6, p. 251 ff.]). В этой перспективе Дж. Остин объясняет право через приказы или «команды» суверена. По его мнению, правовая норма, как вид команды,

включает выраженное знаками или словами желание одного разумного существа в отношении другого о должном поведении, желание, подкрепленное санкцией, т. е. возможностью причинения вреда на случай неисполнения [4, p. 24, 18, etc.]. При этом правовая норма должна исходить от суверена – лица (или совокупности лиц), которое в независимом политическом сообществе не имеет привычку подчиняться схожему вышестоящему лицу и которому привычно подчиняется большинство данного сообщества [4, p. 16, etc.].

Став авторитетным образцом теоретизирования о праве и повлияв на оформление юридико-позитивистской традиции, учение Джона Остина породило критику по ряду различных направлений [43, p. xx ff.]. Для англо-американской юриспруденции второй половины XX века (и, так или иначе, для континентальной правовой мысли [30; 10; 5, p. 2]), в сущности, «канонической», становится трактовка учения Дж. Остина, введенная другим английским правоведом, Гербертом Хартом (1907–1992) [23; 22, s. 2; 24] и разделяемая адептами различных течений в философии права (включая таких авторов, как Джозеф Раз [39, s. 3], Джон Финнис [18, ch. 1], Рональд Дворкин [15, ch. 2], Нейл Маккормик [31] и др.).

Г. Харт признает ценность учения Дж. Остина и использует последнее в качестве точки отсчета в формировании надлежащей теории права. Он принимает идею раздельного изучения права, как оно есть и каким оно должно быть, развивает проект аналитической (понятийной) юриспруденции на базе методологии философского анализа языка, поддерживает позитивистский тезис о разделении права и морали [22, s. 2; 24, ch. 1, 8–9]. Вместе с тем Г. Харт отвергает состоятельность отстаиваемого предшественником описания права в целом ряде аспектов. Так, по его мнению, сведения Дж. Остином юридических правил к приказам не учитывает либо не дает надлежащего объяснения разнотипности содержания правовых предписаний (устанавливающих как обязанности, так и правомочия), многообразию их источников (включая правовой обычай и судебный прецедент), а также сфере их распространения (охватывающей самих субъектов правотворчества) [24, ch. 2–3]. Неудовлетворительной видится Г. Харту и предлагаемая Дж. Остином идея юридически неограничен-

ного суверена, трудно соотносимая с практиками не только республиканских, но и монархических государств с их нормами и процедурами передачи власти, распределением полномочий между различными властными субъектами и «рассеиванием» суверенитета в обществе [24, ch. 4]. Главным же пороком учения Дж. Остина, по мысли критика, является неудовлетворительное объяснение центральной для права идеи правила, не позволяющее отграничить его от простых привычек/поведенческих обыкновений: существование правила подразумевает не только наличие единообразия в групповом поведении («внешний аспект»), но и его принятие членами сообщества в качестве образца собственных действий и основания оценки действий других («внутренний аспект») [24, ch. 4–5]. Отсюда, определяющей методологической установкой для Г. Харта выступает необходимость учета правовой теорией «внутренней точки зрения» участников правового общения, учета того, как они воспринимают и практикуют действующее в обществе право, используют его в качестве основания собственного поведения. Подобная – «герменевтическая» – установка формирует новый общий стандарт в англо-американской философско-правовой мысли XX века [22, p. 13–14; 18, ch. 1; 7], обуславливая «проверочный тест», который не проходит доктрина Дж. Остина. Последняя «не соответствует фактам» [24, p. 78, 80, etc.], т.е. тому, как право воспринимается и практикуется гражданами и должностными лицами, а значит, она должна быть отвергнута, оставаясь тем самым лишь примером исторического учения, ошибки которого образуют урок для студентов-юристов и основу для исследователей в создании более адекватных концептуализаций права [34, p. 218 ff.].

Несмотря на широкое распространение изложенной трактовки учения Джона Остина в англо-американской (и в целом западной) юриспруденции, таковая, однако, вызывает и ряд существенных возражений.

С одной стороны, приведенная «каноническая» трактовка дает не вполне справедливое прочтение Дж. Остина, не учитывает содержащихся у него контраргументов против многих замечаний современных критиков, а также отказывается от возможного более тщательного переформулирования суждений британского мыслителя для нейтрализации или

уменьшения их несоответствия текущим практикам и пониманию права членами конкретных сообществ. Это, среди прочего, касается разделяемых Дж. Остином стандартов методологической строгости, обуславливающих характер и содержание даваемых им дефиниций [32, ch. 1; 47, p. 88, etc.; 33, p. 198 ff.], наличия у правоведа представлений об управомачивающих предписаниях [43, p. xxiii] и о своеобразной «внутренней точке зрения», связанной с мотивацией правомерного поведения [27, p. 2 ff.], контрдоводов относительно сути и универсальности авторской идеи суверена [21; 43, p. xxiii ff.; 12, p. 63 ff.] и пр.

С другой стороны, что особенно важно, концепции сегодняшних правоведов – критиков Дж. Остина, также сталкиваются с обвинениями в несоответствии фактам, продолжая при этом позиционироваться в качестве легитимных вариантов теоретического осмысления права [8, p. 2 ff.].

В этом плане весьма показателен случай самого автора «канонической» интерпретации Дж. Остина, Герберта Харта. Как известно, Г. Харт отстаивал взгляд на право как на систему первичных и вторичных правил, укорененную в принятом в обществе «правиле признания», устанавливающем критерии юридического без необходимого обращения к морали; при этом он допускал наличие в праве пограничных случаев, где судебное решение не может строиться лишь на юридических правилах и требует выбора/усмотрения [24]. Такой взгляд, изменив «интеллектуальный ландшафт» англо-американской юриспруденции, породил массу критической литературы и фундаментальных полемик, структурирующих содержание философско-правовых исследований и академических курсов по сей день [19; 2]. При этом среди адресованных Г. Харту критических замечаний представлены и те, что во многом схожи с его возражениями против доктрины Дж. Остина. В их числе можно назвать следующие:

1. Г. Харт отвергает как состоятельность общей дефиниции понятия права, так и уместность понятия правила в качестве используемой здесь родовой категории [24, ch. 1], оспаривая соответствующие методологические приемы в юриспруденции, включая подход Дж. Остина. Между тем, как отмечают критики, Г. Харт одновременно практикует

объяснение права как союза первичных и вторичных правил [24, ch. 5], по сути, имплицитно делая то, что Дж. Остин, проводя границы правовых понятий, делает открыто [32, ch. 1].

2. Оспаривая установку Дж. Остина, центрирующую страх санкций как главный мотив подчинения правовым предписаниям (аналогичную точке зрения «плохого человека» («*bad man*») О.У. Холмса, не разделяющего ценности права, но лишь просчитывающего возможные санкции за свое поведение [25]), Г. Харт ставит во главу угла «внутреннюю» точку зрения «озадаченного» человека, принимающего предписания права как легитимные основания собственных и чужих действий [24, p. 40, etc.]. При этом, однако, такой методологический акцент не подкрепляется какими-либо эмпирическими аргументами и, на деле, девальвирует разнообразный опыт альтернативных установок в отношении права [45].

3. В продолжение Г. Харт, в разрез с Дж. Остином и др., выводит санкции и принуждение за пределы необходимых элементов понятия права [24, ch. 3]. На фоне важности и распространности принуждения в известных правопорядках, данная позиция означает сомнительный крен в сторону абстрактно-понятийного в противовес актуально-эмпирическому, сужает и проблематизирует предметное поле общей теории права [45].

4. Аналогичным образом Г. Харт трансформирует образ правопорядка, заменяя фигуру суверена, как его основание, на систему метаправил, прежде всего, правило признание, определяющее критерии юридической действительности [24, ch. 5]. Однако, как и конструкция Дж. Остина, такая модель имеет свои ограничения по сфере применения, исключая из анализа множество сообществ с доминированием неформальных механизмов правотворчества и разрешения споров [40, p. 23–25] или с жесткой властной иерархией и опорой на насилие [45]. Более того, допуская существование системы, где вторичные правила признания, изменения и суда, определяющие действие первичных обязывающих правил, находятся под контролем должностных лиц [24, ch. 6], Г. Харт, вопреки собственной критике Дж. Остина, также не дает четкого разграничения между правопорядком и «правлением шайки разбойников» [16].

Как известно, эти и многие другие критические выпады не привели к исключению

Г. Харта и формируемых им образцов теоретизирования из системы современной философско-правовой мысли. Наоборот, они стимулировали дальнейшее развитие позитивистского подхода и подходов его оппонентов, а также общей методологии правоведения. Иначе говоря, случай Г. Харта, как и иные примеры в юриспруденции, показывает, что несоответствие правовой теории фактам вовсе не означает ее краха и окончания дискуссии. Адепты теории, при желании, могут сохранить ее силу и авторитет, прибегая к механизмам защиты от обвинений в отступлении от практик и восприятия участников правового общения [8, p. 5 ff.].

Такие защитные механизмы различны. С одной стороны, это могут быть стратегии «компромиссов», согласно которым отклонение от фактов признается допустимой платой за уяснение или постижение теорией важных моментов изучаемой предметности. Теория, как и любая модель, неизбежно подразумевает упрощение или искажение, связанное с «редукцией сложности жизни к простой картине», и чем более глубоким будет считаться предлагаемое теоретиком «проникновение в суть» предмета, тем большие фактуальные девиации в деталях будут оправдываться [9; 8, p. 6, 7]. Вопрос здесь заключается в проблемном согласовании того, что понимается под целью, ценностью или «успехом» правовой теории, легитимирующими ее «отступление» от фактов, будь то объяснение части самосознания соответствующего общества [39, s. 3], наилучшая морально-политическая интерпретация его юридической практики [14, ch. 2, 3, etc.], выбор модели, общественная вера в которую приведет к наилучшим последствиям [34, p. 371 ff.], исследование роли права в осуществлении добра [13, p. 10 ff.] или его соотнесение с моральными требованиями по достижению общего блага [17], и т.п. [8, p. 5–8]. С другой стороны, это могут быть альтернативные стратегии защиты. Так, совместно принимаемые и взаимосвязанные убеждения, составляющие «сеть» теории, доступны «растягиванию»/переинтерпретации, обеспечивающей их приспособление к изначально «непримиримым» фактам [38]. Другой вариант – нейтрализация самих фактов (их трактовки), противоречащих выдвигаемой теории. В этой перспективе «неудобные» высказывания судей,

юристов и простых граждан о праве могут признаваться неподлинными и причинно объясняться действием существующих презентационных и языковых конвенций, политическим/социальным давлением, или самообманом [8, p. 8–9].

Как следствие, апелляция к *prima facie* «понятному» и «самоочевидному» стандарту соответствия фактам как в построении правовых теорий, так и в их критике / оценке не является каким-либо абсолютным (и даже необходимым) аргументом в обосновании. С одной стороны, «факты» всегда теоретически нагружены, конструктивны [37], а значит, требование фактуальной адекватности подразумевает метатеорию о том, что такое факт, какова точка отсчета или перспектива его концептуализации, каковы основания проверки (истинности) теоретических утверждений, и пр. С другой стороны, теория всегда соединяет в себе ценности и факты, а ее «успех», как бы он не определялся, выступает более фундаментальным и комплексным критерием оценки, несводимым к соответствию фактам. Он задается и меняется в зависимости от социально-практического контекста употребления теории, ее ценности (в том числе «популярности») для пользователей и иных заинтересованных лиц, ее восприятия и востребованности в той или иной эпохе, традиции, сообществе, правовом порядке и т.д. [1, гл. 12].

Критика любого правового учения как «не соответствующего фактам» базируется на ряде мировоззренческо-методологических презумпций, подлежащих учету. Отсюда, в свете доводов Б. Бикса и других исследователей, типичный для англо-американской мысли тезис о фактуальной неадекватности учения Джона Остина видится скорее упрощенным, а само такое учение – открытым для легитимизации. Здесь допустимы как более убедительное переформулирование доктрины британского правоведа и / или противоречащих ей «фактов» либо ее «компромиссное» обоснование, трактующее отступление от фактов в качестве допустимой платы за достижение важной цели – глубинного понимания права.

При этом переоценка доктрины Дж. Остина может вестись по-разному, в том числе в зависимости от толкования его методологических интенций [47, p. 67–69; 12, p. 81–83; 8, p. 10–11]: рассмотрения его проекта в каче-

стве понятийного анализа права как элемента юридической «науки» (того, что необходимо истинно в отношении любой правовой системы) [47, p. 88; 29; 32] и / или в качестве его эмпирического описания (того, что истинно в отношении известных правовых систем) [33, p. 2, 192, etc.] (не считая более экстравагантных трактовок Дж. Остина как «реалиста» подобно Н. Макиавелли и Т. Гоббсу [11, p. 70, etc.] или «комплементариста» в духе Ф. Аквинского [32]).

Тогда, например, «понятийный» вариант репрезентации командной теории Дж. Остина может связывать ее объяснительную ценность / «инсайт» с утверждениями о том, что, во-первых, право сущностно связано с властью; во-вторых, что его лучше понимать (и практиковать) в качестве «нисходящего» института, нормы которого установлены государством для граждан, а не наоборот; в-третьих, что любая правовая система представляет собой целостность с фактически неограниченной властью [12, p. 49–77; 8, p. 10–11]. В свою очередь «эмпирический» вариант может подчеркивать акцент Дж. Остина на значении санкций и принуждения в реальных правовых порядках в противовес их исключению из «логически необходимых» свойств права в традиции после Г. Харта (отсекающей огромный и важный пласт опыта правовых систем в различных исторических и культурных средах) [28; 36; 46; 45]. Возможны и варианты сквозной или синкретичной репрезентации подхода Дж. Остина, показывающие его потенциал [42, p. 96; 20, p. 29]. Сюда, например, относимы методологические аргументы в пользу ценности для правовой теории перспективы «плохого человека» (учитывающего в праве лишь негативные для себя следствия), эмпирически не менее важной, чем перспектива «озадаченного» и законопослушного человека [45, p. 14 ff.], а также близкий аргумент, расценивающий децентрацию «внутренней точки зрения» как достоинство учения Дж. Остина и, наоборот, недостаток концепции Г. Харта (чрезмерно сосредоточенной, в духе юснатурализма, на том, как право формирует (моральные) основания поведения) [44].

Сказанное не означает полного отрицания существующей квалификации и автоматического первенства доктрины Дж. Остина по отношению к Г.Л.А. Харту и др., но скорее принятие более широкого горизонта в осмыслении

ее места и ценности в системе координат теоретизирования о праве. Даже в свете предложенной методологической ревизии взгляды Дж. Остина по-прежнему будут вызывать – обоснованную – критику: это касается и явной неуниверсальности эмпирической картины права в командной теории, и спорности объяснения ею идеи права через власть и принуждение на фоне господствующих сегодня и базовых для теории ценностей и политических ориентиров. При этом, однако, спорность, чуждость или провальность правовой доктрины в одном контексте не исключает ее возможной близости или успешности – в других. Отсюда верным видится резюме, данное Б. Биксом: «...Успех или провал теории... [есть больше] вопрос восприятия и оценки среди ее потребителей. Правовые теории... возникают в ответ на интеллектуальные вопросы и практи-

ческие проблемы... [своего] времени... И хотя они могут быть приспособлены или переопи-саны таким образом, чтобы казаться чуткими к вопросам и проблемам другого периода, неизбежно наступит время, когда теория, когда-то считавшаяся влиятельной и важной... начнет казаться причудливой и бесполезной новому поколению мыслителей... Для одного поколения понимание, предлагаемое Остином (или Кельзенем, или Разом), может казаться центральным, а [ее] отклонения [от фактов] – тривиальными, тогда как для более позднего поколения такое понимание будет незначительным или малопривлекательным, а отклонения – фатальными... И если [сегодня] теория Джона Остина видится менее устойчивой, чем когда-то, это может говорить о нас и о том, что нас беспокоит, в той же мере, в какой и о его теории» [8, p. 13–14].

Литература

1. В поисках теории права: коллективная монография. СПб., 2020.
2. Касаткин С.Н. Основной труд Герберта Л.А. Харта (на публикацию русского издания книги «Понятие права») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. № 2. 2007.
3. Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law. 4th rev. ed. 2 vols. London, 1879.
4. Austin J. The province of jurisprudence determined. Cambridge, 1995.
5. Bayyn J.C. The Province of Jurisprudence Underdetermined // Neutrality and Theory of Law. Dordrecht, 2013.
6. Bentham J. Of Laws in General. London, 1970.
7. Bix B. H.L.A. Hart and the Hermeneutic Turn in Legal Theory // Southern Methodist University Law Review. Vol. 52. 1999.
8. Bix B. John Austin and Constructing Theories of Law // The Legacy of John Austin's Jurisprudence. Dordrecht, 2013.
9. Bix B. Reductionism and Explanation in Legal Theory // Properties of Law: Essays in Honour of Jim Harris. Oxford, 2006.
10. Bobbio N. Dalla struttura alla funzione. Nuovi studi di teoria del diritto. Milano, 1977.
11. Cotterrell R. Scholar in Law: English Jurisprudence from Blackstone to Hart. New York, 1996.

Bibliography

1. In search of the theory of law: a collective monograph. St. Petersburg, 2020.
2. Kasatkin S.N. The main work of Herbert L.A. Hart (for the publication of the Russian edition of the book «The Concept of Law») // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. The «Right» series. № 2. 2007.
3. Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law. 4th rev. ed. 2 vols. London, 1879.
4. Austin J. The province of jurisprudence determined. Cambridge, 1995.
5. Bayyn J.C. The Province of Jurisprudence Underdetermined // Neutrality and Theory of Law. Dordrecht, 2013.
6. Bentham J. Of Laws in General. London, 1970.
7. Bix B. H.L.A. Hart and the Hermeneutic Turn in Legal Theory // Southern Methodist University Law Review. Vol. 52. 1999.
8. Bix B. John Austin and Constructing Theories of Law // The Legacy of John Austin's Jurisprudence. Dordrecht, 2013.
9. Bix B. Reductionism and Explanation in Legal Theory // Properties of Law: Essays in Honour of Jim Harris. Oxford, 2006.
10. Bobbio N. Dalla struttura alla funzione. Nuovi studi di teoria del diritto. Milano, 1977.
11. Cotterrell R. Scholar in Law: English Jurisprudence from Blackstone to Hart. New York, 1996.

12. Cotterrell R. *The Politics of Jurisprudence: A Critical Introduction to Legal Philosophy*. 2nd ed. London, 2003.

13. Coyle S. *From Positivism to Idealism*. London, 2007.

14. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, Ma., 1986.

15. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, 1978.

16. Dyzenhaus D. *The Demise of Legal Positivism?* // *Harvard Law Review*. Vol. 119. 2005.

17. Finnis J. *Law and What I Truly Should Decide* // *American Journal of Jurisprudence*. Vol. 48. 2005.

18. Finnis J. *Natural law and natural rights*. 2nd ed. Oxford, 2011.

19. Green L. *Introduction* // *Hart H.L.A. The Concept of Law*. 3rd ed. Oxford, 2012.

20. Halpin A. *Austin's Methodology? His Bequest to Jurisprudence* // *The Legacy of John Austin's Jurisprudence*. Dordrecht, 2013.

21. Harris J.W. *The Concept of Sovereign Will* // *Acta Juridica (Essays in Honour of Ben Beinart, vol. II)*. Cape Town, 1979.

22. Hart H.L.A. *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, 1983.

23. Hart H.L.A. *Introduction* // *Austin J. The Province of Jurisprudence Determined and The Uses of the Study of Jurisprudence*. London, 1954.

24. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford, 1994.

25. Holmes O.W. *The Path of the Law* // *Harvard Law Review*. Vol. 10. 1897.

26. Hutchinson A. *The Province of Jurisprudence Democratized*. Oxford, 2009.

27. Kramer M. *John Austin on Punishment* // *University of Cambridge Faculty of Law Research Paper*. № 45. 2011.

28. Lamond G. *Coercion and the Nature of Law* // *Legal Theory*. Vol. 7. 2001.

29. Lobban M. *The Common Law and English Jurisprudence 1760–1850*. Oxford, 1991.

30. Lцwenhaupt W., von. *Politischer Utilitarismus und бърgerliches Rechtsdenken: John Austin und die «Philosophie des Positiven Rechts»*. Berlin, 1972.

31. MacCormick N. *Legal Obligation and the Imperative Fallacy* // *Oxford Essays in Jurisprudence (Second Series)*. Oxford, 1973.

32. Moles R.N. *Definition and Rule in Jurisprudence: A Critique of H.L.A. Hart's Response to John Austin*. Oxford, 1987.

12. Cotterrell R. *The Politics of Jurisprudence: A Critical Introduction to Legal Philosophy*. 2nd ed. London, 2003.

13. Coyle S. *From Positivism to Idealism*. London, 2007.

14. Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, Ma., 1986.

15. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. 2nd ed. Cambridge, 1978.

16. Dyzenhaus D. *The Demise of Legal Positivism?* // *Harvard Law Review*. Vol. 119. 2005.

17. Finnis J. *Law and What I Truly Should Decide* // *American Journal of Jurisprudence*. Vol. 48. 2005.

18. Finnis J. *Natural law and natural rights*. 2nd ed. Oxford, 2011.

19. Green L. *Introduction* // *Hart H.L.A. The Concept of Law*. 3rd ed. Oxford, 2012.

20. Halpin A. *Austin's Methodology? His Bequest to Jurisprudence* // *The Legacy of John Austin's Jurisprudence*. Dordrecht, 2013.

21. Harris J.W. *The Concept of Sovereign Will* // *Acta Juridica (Essays in Honour of Ben Beinart, vol. II)*. Cape Town, 1979.

22. Hart H.L.A. *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, 1983.

23. Hart H.L.A. *Introduction* // *Austin J. The Province of Jurisprudence Determined and The Uses of the Study of Jurisprudence*. London, 1954.

24. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. 2nd ed. Oxford, 1994.

25. Holmes O.W. *The Path of the Law* // *Harvard Law Review*. Vol. 10. 1897.

26. Hutchinson A. *The Province of Jurisprudence Democratized*. Oxford, 2009.

27. Kramer M. *John Austin on Punishment* // *University of Cambridge Faculty of Law Research Paper*. № 45. 2011.

28. Lamond G. *Coercion and the Nature of Law* // *Legal Theory*. Vol. 7. 2001.

29. Lobban M. *The Common Law and English Jurisprudence 1760–1850*. Oxford, 1991.

30. Lцwenhaupt W., von. *Politischer Utilitarismus und бърgerliches Rechtsdenken: John Austin und die «Philosophie des Positiven Rechts»*. Berlin, 1972.

31. MacCormick N. *Legal Obligation and the Imperative Fallacy* // *Oxford Essays in Jurisprudence (Second Series)*. Oxford, 1973.

32. Moles R.N. *Definition and Rule in Jurisprudence: A Critique of H.L.A. Hart's Response to John Austin*. Oxford, 1987.

33. Morison W.L. John Austin. Stanford, 1982.

34. Morrison W. Jurisprudence: From the Greeks to Post-Modernity. London, 1995.

35. Murphy L. The Political Question of The Concept of Law // Hart's Postscript. Oxford, Ch. 11. 2001.

36. Priel D. Sanction and Obligation in Hart's Theory of Law // Ratio Juris. Vol. 21. 2008.

37. Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge, 1981.

38. Quine W.V.O., Ullian J.S. The Web of Belief. New York, 1970.

39. Raz J. Between Authority and Interpretation. Oxford, 2009.

40. Roberts S. Order and Dispute. Harmondsworth, 1979.

41. Rumble W. The Thought of John Austin, Jurisprudence, Colonial Reform, and the British Constitution. London, 1985.

42. Rumble W.E. Doing Austin Justice. The reception of John Austin's Philosophy of Law in Nineteenth-century England. London, New York, 2005.

43. Rumble W.E. Introduction // Austin J. The province of jurisprudence determined. Cambridge, 1995.

44. Schauer F. Positivism Through Thick and Thin // Analyzing Law. Oxford, 1998.

45. Schauer F. Was Austin Right After All?: On the Role of Sanctions in a Theory of Law // Ratio Juris. Vol. 23. 2010.

46. Stavropoulos N. The Relevance of Coercion: Some Preliminaries // Ratio Juris. Vol. 22. 2009.

47. Stone J. Legal System and Lawyer's Reasoning. London, 1964.

48. The Legacy of John Austin's Jurisprudence. Dordrecht, 2013.

33. Morison W.L. John Austin. Stanford, 1982.

34. Morrison W. Jurisprudence: From the Greeks to Post-Modernity. London, 1995.

35. Murphy L. The Political Question of The Concept of Law // Hart's Postscript. Oxford, Ch. 11. 2001.

36. Priel D. Sanction and Obligation in Hart's Theory of Law // Ratio Juris. Vol. 21. 2008.

37. Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge, 1981.

38. Quine W.V.O., Ullian J.S. The Web of Belief. New York, 1970.

39. Raz J. Between Authority and Interpretation. Oxford, 2009.

40. Roberts S. Order and Dispute. Harmondsworth, 1979.

41. Rumble W. The Thought of John Austin, Jurisprudence, Colonial Reform, and the British Constitution. London, 1985.

42. Rumble W.E. Doing Austin Justice. The reception of John Austin's Philosophy of Law in Nineteenth-century England. London, New York, 2005.

43. Rumble W.E. Introduction // Austin J. The province of jurisprudence determined. Cambridge, 1995.

44. Schauer F. Positivism Through Thick and Thin // Analyzing Law. Oxford, 1998.

45. Schauer F. Was Austin Right After All?: On the Role of Sanctions in a Theory of Law // Ratio Juris. Vol. 23. 2010.

46. Stavropoulos N. The Relevance of Coercion: Some Preliminaries // Ratio Juris. Vol. 22. 2009.

47. Stone J. Legal System and Lawyer's Reasoning. London, 1964.

48. The Legacy of John Austin's Jurisprudence. Dordrecht, 2013.

Баженова Елена Альбертовна
Vazhenova Elena Albertovna

доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Theory and History of State and Law, the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, PhD in Law.
E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com

РОНАЛЬД ДВОРКИН О ГРАЖДАНСКОМ НЕПОВИНОВЕНИИ

Ronald Dworkin about civil disobedience

Рональд Дворкин – один из наиболее известных либеральных теоретиков гражданского неповиновения. Консервативные и радикальные критики либеральной парадигмы сходятся в том, что интерпретация Дворкина умаляет роль демократии как практики коллективного самоуправления и самоопределения, однако расходятся в оценке методов неповиновения, поддерживаемых либералами. Если консерваторы критикуют Дворкина за пренебрежение инструментами диалога и ценностью закона в демократическом обществе, то радикалы подчеркивают неэффективность либерального акцента на ненасильственном характере неповиновения.

Ключевые слова: Рональд Дворкин, гражданское неповиновение, права человека, демократия.

Ronald Dworkin is one of the most prominent liberal theorists of the civil disobedience who views disobedience through the lens of the rights that citizens have in respect of the state. Both conservative and radical critics of the liberal paradigm agree that Dworkin's interpretation diminishes the role of democracy as a practice of collective self-government and self-determination but disagree on the methods of disobedience supported by liberals. While the conservatives criticize Dworkin for disregarding the procedures of dialogue and the value of law in a democratic society, the radicals stress the ineffectiveness of the emphasis liberals place on the non-violent nature of disobedience.

Key words: Ronald Dworkin, civil disobedience, human rights, democracy.

Вопрос о том, существует ли моральная обязанность подчиняться закону, интересовал философов со времен античности [1]. Сегодня благодаря Генри Дэвиду Торо, Махатме Ганди и Мартину Лютеру Кингу этот вопрос приобрел новое измерение, а именно: существует ли право на гражданское неповиновение или даже обязанность гражданского неповиновения. Либеральная интерпретация гражданского неповиновения, представленная, в первую очередь, взглядами Джона Ролза и Рональда Дворкина, считается наиболее успешной [6, р. 37], хотя и она нередко подвергается критике. В статье исследуются представления Рональда Дворкина о гражданском неповиновении в сравнении с взглядами ряда других как либеральных, так и нелиберальных мыслителей.

Дворкин рассматривает гражданское неповиновение сквозь призму прав граждан по отношению к государству. В отличие от других авторов, обсуждающих неповиновение в терминах прав (Дж. Рац, Д. Лефковиц), Дворкин считает основой гражданского неповиновения

не право на политическое участие, а все права человека по отношению к государству, которые важны для его достоинства, его положения как личности, если эта личность вправе рассчитывать на равное внимание и уважение к себе. Это та составляющая прав людей по отношению к государству, к которой государство не проявляет уважения [5].

В нашем обществе человек действительно иногда имеет право (в сильном смысле этого слова) нарушить закон. Гражданин обладает этим правом в тех случаях, когда закон несправедливо ущемляет его права по отношению к государству. То есть, если человек обладает моральным правом на свободу слова, то у него есть и моральное право нарушить любой из законов, которые правительство, в силу этого морального права гражданина, было не вправе принимать. Право на неповиновение закону – это не отдельное право, каким-то образом связанное с совестью и дополняющее другие права по отношению к государству. Оно есть просто особенность прав гражданина по

отношению к государству, и его в принципе невозможно отрицать, не отрицая при этом существования самих этих прав [2, с. 262].

Под правом на неповиновение Дворкин понимает нечто большее, чем моральное право индивида действовать согласно своим убеждениям и совести. Он разграничивает слабый и сильный смысл высказывания о праве на определенные действия. В слабом смысле это высказывание означает, что некто поступает правильно, совершая такие действия, а в сильном – что было бы несправедливо мешать ему их совершать или, по крайней мере, что нужны какие-то особые причины, оправдывающие подобное вмешательство [2, с. 257–258].

Это основополагающее различие нелегко разглядеть из-за сложностей, связанных с идеей права поступать по совести; в последнее время большинство дискуссий о политических обязательствах вращалось вокруг данной идеи, но она только отвлекает от важнейших политических вопросов. Является ли совесть индивида спокойной или нет, возможно, играет решающую, или центральную, роль, когда речь идет о том, совершил ли он нечто неправильное с этической точки зрения, нарушив закон; но оно совсем необязательно играет решающую, или хотя бы центральную роль, когда речь идет о том, имеет ли он право (в сильном смысле) поступать таким образом. Человек не имеет права (в сильном смысле) следовать любым требованиям своей совести, но он может иметь право (в сильном смысле) делать что-то другое, даже если совесть этого не требует [2, с. 260].

В отличие от Дворкина, Ганди полагал, что у человека нет права делать то, что является неправильным [14, р. 416]. Он использовал понятие «право на гражданское неповиновение», подразумевая моральный авторитет, позволяющий человеку нарушить закон. Такой авторитет должен быть заслужен предыдущим поведением лица, решившегося на нарушение [14, р. 423].

Г.Д. Торо придерживался довольно индивидуалистической и либертарианской трактовки гражданского неповиновения (повторяющейся темой его эссе является желание быть оставленным правительством в покое). Тем не менее, Торо говорит не о праве, а об обязанности неповиновения [4, р. 41]. Он с презрением относится к голосованию как средству общественных изменений, и бранит тех, кто ничего не делает, кроме как голосует – кто в том, что

касается «мнения», против рабства и войны, «однако в действительности ничего не предпринимает, чтобы положить им конец» [16]. Торо считает, что граждане, скорее, должны отказаться от уплаты налогов, а честные чиновники – уйти в отставку со своих постов. Долг устранить от поддержки зла и несправедливости объясняет по Торо обязанность гражданского неповиновения [4, р. 44; 16].

Неясность в вопросе о том, является ли гражданское неповиновение правом или обязанностью (долгом), на мой взгляд, обнаруживает важное различие. Говоря о праве на неповиновение, обычно имеют в виду, что индивидуальные предпочтения должны быть защищены от чрезмерного давления со стороны большинства, обладающего законодательной властью. Индивид вправе добиваться учета своих предпочтений. Дворкин пишет об утилитаризме как теории, которую он в целом поддерживает: «Утилитаризм утверждает, что люди рассматриваются в качестве равных, когда предпочтения каждого, сравниваемые с точки зрения только лишь их интенсивности, взвешиваются на одних и тех же весах, без учета личностей и заслуг» [7, р. 154].

Когда неповиновение видится в качестве долга, это указывает на власть над человеком ценности, руководящей им в акте неповиновения. Такая власть подразумевает, скорее, не индивидуальное предпочтение (хотя его и не исключает), но всеобщий характер ценности, ради которой индивид рискует нарушить закон. Человек, чувствуя себя обязанным проявить неповиновение, не просто отстаивает свои предпочтения перед лицом большинства, а предлагает проект общего блага, способный претендовать на общественную поддержку.

Кажется, нечто похожее имеет в виду Ролз, когда говорит, что в поисках морального оправдания для акта неповиновения актер обращается не к принципам персональной морали или религии (не говоря уже о личном интересе), но, скорее, к «широко разделяемому пониманию справедливости, лежащему в основе политического порядка» [12]. Ролз также подчеркивает, что неповиновение должно осуществляться «в рамках верности закону», что, среди прочего, выражается в принятии возможности наказания [12].

Дворкин смотрит на этот вопрос иначе. Он пишет, что «всякое общество, претендующее на

признание прав, должно отказаться от идеи общего долга соблюдать закон в любой ситуации» [2, с. 268]. Для Дворкина рост уважения к закону – это просто польза, утилитаристский принцип [2, с. 264], а не ценность. В этом смысле Дворкин как никто далек, например, от Сократа, прямо связывавшего повиновение закону и справедливость (48b–50c) [3, с. 103–106].

Показательно в данном отношении разграничение, которое Дворкин проводит между неповиновением, основанным на честности, моральной целостности (*integrity-based disobedience*) и неповиновением, основанным на справедливости (*justice-based disobedience*). В этом позиция Дворкина отличается также от позиции Ганди, полагавшего, что второй тип неповиновения является разновидностью первого. По мнению Ганди, индивиды должны прибегать к гражданскому неповиновению лишь в случае, если дело, за которое они выступают, является справедливым, и даже в этом случае – когда несправедливость столь велика, что наша совесть и самоуважение не позволяют ее терпеть. «Существует множество несправедливых законов, которым хороший гражданин повинуетя постольку, поскольку они не наносят вред его самоуважению и моральному существованию» [13].

Дворкин приводит в пример афроамериканцев, нарушавших закон в ходе движения за гражданские права: «Они садились за запрещенные для них обеденные столы, добиваясь права есть жирные гамбургеры рядом с людьми, которые их ненавидели. Мы бы упустили суть, если бы сказали, что они были там, потому что не могли, сохраняя честность, делать то, что требовал от них закон... Они действовали, чтобы оказать сопротивление и отменить программу, которую они считали несправедливой» [8].

Ганди тоже чувствовал себя униженным и оскорбленным, когда в Южной Африке его вышвырнули из вагона первого класса, несмотря на то что у него был билет в этот вагон. По мнению Винита Хаксара, Ганди стал бы утверждать, что уважающий себя человек не должен мириться с такой несправедливостью. Ганди сказал бы, что, когда государство преследует других людей, честный человек может отмежеваться от этого государства посредством гражданского неповиновения и отказа от сотрудничества. Для Ганди аргумент от справедливости связан с аргументом от чест-

ности и самоуважения. А когда такой связи нет, не следует нарушать закон, чтобы противостоять несправедливости [14, р. 412].

Вспомним, что для Торо мотив устранения от поддержки несправедливости и зла является центральным в обосновании гражданского неповиновения. Данное отличие во взглядах Дворкина от представлений Сократа, Торо и Ганди свидетельствует, на мой взгляд, об узком понимании Дворкиным справедливости. Цель неповиновения для него – продвинуть понимание справедливости, которого придерживается страдающее меньшинство. Для Сократа, Торо и Ганди, напротив, ведущим при обосновании неповиновения является мотив неучастия в несправедливости, приносящей вред обществу в целом. Так, Ганди не противопоставляет интересы правительства и тех, кто оказывает неповиновение. Он называет непови누ющегося «филантропом и другом государства» [10]. Открыто выражая готовность понести наказание, люди, нарушающие закон, делают шаг к тому, чтобы показать свое искреннее желание участвовать в поиске подлинной справедливости и морали [14, р. 411].

В некоторой степени мотив поиска справедливости не чужд и Дворкину. Он признает важность рассмотрения чиновниками, решающими вопрос о наказании, доводов гражданина: «Если гражданин утверждает, что имеет моральное право не служить в армии или право выражать свой протест тем способом, какой находит наиболее эффективным, то чиновник, который сочтет нужным ему ответить, а не просто силой принудить к повиновению, должен ответить на доводы этого гражданина; он не может просто сослаться на закон о призыве или на решение Верховного Суда, придавая им особое, не говоря уже, решающее значение. Иногда чиновник, добросовестно вникающий в морально-этические доводы гражданина, может прийти к выводу, что притязания этого гражданина небезосновательны или даже правильны» [2, с. 268].

Государство, пишет Дворкин, не сможет восстановить уважение к закону, не представив каких-либо оснований уважать закон [2, с. 280]. Нарушение закона в ходе гражданского неповиновения – это способ проверки данного закона на соответствие принципам справедливости и честной игры [2, с. 289–290].

Такой взгляд связан с либеральным подходом Дворкина к демократии (Даниэль Марковиц называет этот подход «демократия как

разум»). Демократия здесь рассматривается как частный случай применения более общих принципов справедливости, которые, как и политический авторитет демократических решений, ими обосновываемых, могут быть оценены путем абстрактного рассуждения о справедливости и демократии, в отрыве от эмоциональных последствий действительного участия в демократической политике [15, р. 1905].

Трудности в обеспечении демократией равного распределения политической власти приводят Дворкина к отказу от акцента на демократических процедурах в пользу содержательной в широком смысле концепции, рассматривающей демократию как форму правления, «с наибольшей вероятностью способную дать содержательные решения и результаты, направленные на то, чтобы обращаться со всеми членами сообщества с равной заботой» [9].

В противовес либеральному взгляду на неповиновение Марковиц выдвигает идею демократического неповиновения, связанную с республиканским взглядом на демократию. Либеральное и демократическое неповиновение различаются, согласно Марковицу, в трех отношениях: природы преследуемых целей; методов, в особенности, места, которое отводится в практике неповиновения принуждению; а также взгляда на институциональную структуру, наиболее подходящую для протестных движений.

Либеральное неповиновение стремится навязать конкретную стратегию, которая согласовывалась бы с либеральными идеалами свободы и равенства, тогда как демократическое неповиновение направлено на преодоление инерции демократических институтов, мешающих демократическому суверену взяться за вопрос из-за того, что существенные соображения, касающиеся данного вопроса, исключаются из общественной или законодательской повестки [15, р. 1940]. Характерная для демократического неповиновения ситуация складывается, когда инерционные институты демократической политики объединяются, чтобы полностью исключить из политической повестки вариант стратегии, пользующийся значительной поддержкой граждан, – когда ни одна крупная политическая партия не поддерживает данную стратегию, основные средства массовой информации ее игнорируют, и положение дел не меняется при обращении к законным формам протеста [15, р. 1938–1939].

Либеральное неповиновение, по Марковицу, стремится принудить правительство к отказу от определенных стратегий и практик. Сторонники либерального неповиновения могут обратиться к убеждению и заставить большинство рассмотреть аргументы, которые, возможно, изменят его мнение. Как замечает Дворкин, требование участников движения за гражданские права о том, что белое большинство не может легитимно подчинять черное меньшинство законам Джима Кроу, было подкреплено тем фактом, что большинство не желало или, по меньшей мере, перестало желать навязывать этот кастовый режим перед лицом открытого, организованного и ясно выраженного неповиновения [8]. Выступающие за гражданские права «принудили [большинство] рассмотреть аргументы, которые могли изменить его мнение, даже хотя поначалу казалось, что оно не хочет этого делать» [8]. Сторонники либерального неповиновения в этом случае, пишет Марковиц, прибегли к методам, которые стимулировали демократический пересмотр политики в области законодательства о гражданских правах в 1960е. Однако это лишь инструментальное использование разума. Основания для либерального неповиновения не исчезают просто потому, что большинство остается при своем мнении. Тогда протестующие могут по-прежнему отказываться от повиновения, прибегая к принуждению [15, р. 1941].

Основание для демократического неповиновения той или иной стратегии, напротив, лишается силы, если неповиновение достигает успеха в том, чтобы вызвать демократическое участие в отношении этой стратегии, даже если суверен подтверждает следование ей. Демократическое неповиновение никогда не принуждает общество отказаться от стратегии, но должно убедить его сделать это. Такое неповиновение не принуждает к определенному результату демократического участия, но может принуждать к факту участия [15, р. 1941].

Что касается институциональных структур для протестных движений, то в случае с либеральным взглядом тесная связь между проблемой, оправдывающей неповиновение, и результатом неповиновения, обуславливает институционально укорененный характер организаций, ведущих кампании по неповиновению. Такие организации, как правило, пользуются постоянной поддержкой «электората» и обладают

четкой позицией по конкретным вопросам политической повестки [15, р. 1942]. Кампании демократического неповиновения, напротив, предпринимаются недолговечными альянсами меняющихся групп, которые объединяются вокруг негативных по существу усилий, направленных на дестабилизацию – как свободная коалиция антивоенных организаций, направлявшая противодействие американскому присутствию во Вьетнаме [15, р. 1943].

Трактовка Дворкиным гражданского неповиновения связана с его взглядом на повиновение закону как утилитарный принцип, обеспечивающий эффективность одобряемой большинством социальной политики [2, с. 272]. Не случайно Дворкин отвергает модель, рекомендуемую устанавливать равновесие между правами индивида и требованиями общества в целом [2, с. 270]. Коллективные цели не являются для него легитимным противовесом индивидуальным правам. Таким противовесом могут быть лишь права других индивидов: «“Уравновешивание” уместно тогда, когда государству приходится выбирать между конкурирующими правами, например, между правом южанина на свободу объединений и правом чернокожего на равное образование» [2, с. 272].

Республиканский взгляд на неповиновение, отстаиваемый Марковицем, напротив, исходит из представления о том, что люди свободны постольку, поскольку ими управляют законы, принятые ими же самими. Демократический процесс, надлежащим образом структурированный и организованный, превращает граждан из изолированных индивидов в участников демократического суверена, с которым они себя идентифицируют и волю которого воспринимают как свою собственную, даже если перевес оказался не на их стороне. Участники хорошо функционирующего демократического процесса сохраняют индивидуальную свободу, поскольку принимают на себя авторство коллективных решений, вырабатываемых в ходе этого процесса [15, р. 1912].

При таком взгляде повиновение закону приобретает характер морального принципа, связанного с убежденностью индивида в справедливости коллективных политических решений: при их принятии он имел возможность высказаться и поэтому несет за них ответственность. Это в чем-то похоже на Сократа, который, хотя и полагает, что не нужно следовать мнению большинства в вопросах спра-

ведливости («Критон», 47d–48a), тем не менее, задает Критону вопрос: «...Ежели ты признал что-либо справедливым, нужно ли это исполнять или не нужно?» (49e) [3, с. 103–105]. Подобный взгляд, вопреки первоначальному впечатлению, не делит общество на большинство и меньшинство и не противопоставляет друг другу их интересы.

В свете сказанного проясняется позиция Дворкина по вопросу о наказании за неповиновение. Дворкин настаивает, что обществу следует быть терпимым к проявляющим неповиновение. Так, прокурор может воспользоваться своей свободой решать, применять ли уголовный закон в конкретном случае. Он может не доводить дело до суда, и это право прокурора не означает попустительства, ведь он использует его лишь когда у него есть веские причины.

Наиболее очевидная причина состоит в том, что эти люди поступают так из лучших побуждений, в отличие от тех, кто нарушает закон из корысти или же с целью свергнуть существующее правительство. Если мотив учитывается при проведении различий между ворами, почему же тогда не учитывать его при проведении различий между уклоняющимися от военной службы? Другая причина практическая: наше общество причинит себе ущерб, наказывая группу людей, среди которых – а к «отказникам» это, безусловно, относится – многие из наиболее сознательных и законопослушных граждан. Заключая таких людей в тюрьму, мы еще больше отчуждаем их от общества; отчуждаем и многих из тех, кого угроза тюрьмы удерживает от открытых действий [2, с. 282].

В отличие от Дворкина, Ганди полагает, что с теми, кто не повинуется закону, необходимо поступать без поблажек, если только не окажется, что они правы. Однако, как отмечает Хаксар, это в любом случае делает несправедливое обращение с неповиновущимися крайне вероятным, поскольку чиновники будут либо отрицать их правоту, либо, если они ее признают, сами должны будут уйти в отставку, и их заменят те, кто убежден в неправоте оказывающих неповиновение и в том, что они заслуживают наказания [14, р. 421–422].

Хаксар предпочитает позицию Ганди позиции либералов, поскольку, по его мнению, при либеральном подходе движения, проповедующие крайне аморальные взгляды, также могут претендовать на толерантность, даже если они нарушают закон [14, р. 422]. Вряд ли можно

согласиться с аргументацией Хаксара. Дворкин, обсуждая вопрос о наказании тех, кто отказывается от службы в армии, пишет, что «мало кто из «отказников» согласился бы жить в обществе, где убежденные сторонники расовой сегрегации были бы вольны нарушать ненавистные им законы о гражданских правах» [2, с. 283]. По Дворкину, ключевым здесь является вопрос сомнения в конституционности нарушаемого закона (в данном случае – закона о призыве). Он спорит со сторонниками «доктрины о политических вопросах», по мнению которых решение задач, связанных с внешней или военной политикой, следует поручить другим ветвям власти [2, с. 285]. Дворкин полагает, что постольку, поскольку вопросы войны и призыва непосредственно связаны со справедливостью, они могут относиться к юрисдикции суда [2, с. 286]. Дворкин, таким образом, выступает сторонником судебного активизма, полагая, что для суда уместно брать на себя разрешение дел, в которых затрагиваются серьезные проблемы политической морали.

В противовес такой позиции, сторонники республиканского взгляда считают, что суд должен избегать роли окончательного арбитра в политических конфликтах [15, р. 1922;]. Напряженность между конституционным контролем и демократией даже сильнее, чем напряженность между политическим неповиновением и демократией. Конституционный контроль (осуществляемый назначенными, а не избранными судьями) признает демократические законы недействительными, тогда как политическое неповиновение ограничивается лишь собственно открытым неповиновением таким законам [15, р. 1929].

Предпочтения Дворкина в пользу толерантности к практикующим гражданское неповиновение, а также в пользу судебного разрешения вопросов о конституционности сомнительных законов согласуется, на мой взгляд, с тезисом Марковица о том, что либеральное неповиновение стремится принудить правительство к отказу от тех или иных политик и практик. В случае легитимности и демократического характера порядка, породившего сомнительный закон, политическое неповиновение имеет автократический оттенок [15, р. 1898].

Возможно, что именно опасения такого рода побудили Ганди рассматривать неповиновение как подразумевающее диалог между

неповиновущимися и властями, – диалог, способствующий просвещению не только его участников, но и общества в целом [14, р. 421]. Опыт, полагает Ганди, показал, что простое обращение к разуму не действует на людей с устойчивыми убеждениями. «Глаза их понимания открываются не аргументами, а страданиями Сатьяграхи. Сатьяграхи стремится добаться до разума при помощи сердца» [10]. Для того, чтобы эта тактика работала, участники неповиновения должны не только быть готовы претерпеть наказание, но и призывать власти наказать их.

Интересно, что радикальные критики либеральной парадигмы в чем-то разделяют претензии консерваторов, а в чем-то идут дальше либералов. С одной стороны, они упрекают либералов в недостаточном внимании к идее демократии как самоуправления и коллективного самоопределения, а также в недооценке преобразовательных возможностей неповиновения [6, р. 40–41]. С другой – они позитивнее, чем либералы, оценивают роль насилия в практике неповиновения. Сведенное только к ненасильственным действиям, неповиновение, по их мнению, теряет свою эффективность. Как отмечает Робин Селикейтс, даже если согласиться с тем, что гражданское неповиновение по определению символично, оно не может быть сведено исключительно к этому измерению. Без моментов действительной конфронтации (рассматриваемых во многих случаях как насильственные) оно потеряет свое символическое воздействие и будет сведено к простому обращению к совести власть имущих и большинства, лишившись всякой перспективы возыметь практический эффект [6, р. 42–43].

Отметим в качестве итога, что либеральная интерпретация гражданского неповиновения, отстаиваемая Дворкиным, критикуется, главным образом, за умаление роли демократии как практики коллективного самоуправления и самоопределения. Исходя из в целом мажоритарной трактовки демократии, Дворкин рассматривает неповиновение в терминах прав меньшинства по отношению к большинству. Согласно консервативным критикам, такая интерпретация отводит недостаточную роль процедурам диалога между общественными и политическими группами, полагаясь на автократические инструменты конституционного контроля либо кампаний, ведущихся институционально укорененными организациями.

Пренебрегает она и ценностью повиновения закону, упуская роль страдания при наказании как аргумента, способного убедить общество в правоте неповиновения. С позиций радикальных оппонентов, либеральная интерпретация,

напротив, недостаточно подчеркивает преобразовательный потенциал неповиновения и значение решительных, порой насильственных действий активистов и протестных групп для достижения целей неповиновения.

Литература

1. Баженова Е.А. Сократ о повиновении закону // Труды Института государства и права РАН. Т. 15. № 2. 2020.
2. Дворкин Р. О правах всерьез. М., 2004.
3. Платон. Критон // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. 1990.
4. Alton S.R. In the Wake of Thoreau: Four Modern Legal Philosophers and the Theory of Nonviolent Civil Disobedience // Loyola University Chicago Law Journal. Vol. 24. Issue 1. 1992.
5. Brownlee K. Civil Disobedience In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2017 Edition, Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/entries/civil-disobedience/#Rig>.
6. Celikates R. Rethinking Civil Disobedience as a Practice of Contestation – Beyond the Liberal Paradigm // Constellations. Vol. 23. № 1. 2016.
7. Dworkin R. Rights as Trumps. In: Waldron J. (ed.). Theories of Rights. Oxford, 1984.
8. Dworkin R. A Matter of Principle. Cambridge, 1985.
9. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge, 2000.
10. Gandhi M. Non-Violent Resistance. New York, 1961.
11. Gandhi M. Young India 1919–1922. Madras, 1924.
12. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, 1971.
13. Haksar V. The Right to Civil Disobedience // Osgoode Hall Law Journal. Vol. 41. № 2, 3. 2003.
14. Selected Writings of Mahatma Gandhi. Duncan R. (ed.). London, 1971.
15. Markovits D. Democratic Disobedience // The Yale Law Journal. Vol. 114. 2005.
16. Thoreau H.D. On the Duty of Civil Disobedience // The Project Gutenberg. Last updated: January 18, 2018. URL: <http://www.gutenberg.org/files/71/71-h/71-h.htm>.

Bibliography

1. Bazhenova E.A. Socrates on obeying the law // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Vol. 15. № 2. 2020.
2. Dvorkin R. On rights in earnest. Moscow, 2004.
3. Platon. Kriton // Collected works in 4 vols. Vol. 1. 1990.
4. Alton S.R. In the Wake of Thoreau: Four Modern Legal Philosophers and the Theory of Nonviolent Civil Disobedience // Loyola University Chicago Law Journal. Vol. 24. Issue 1. 1992.
5. Brownlee K. Civil Disobedience In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Fall 2017 Edition, Edward N. Zalta (ed.). URL: <https://plato.stanford.edu/entries/civil-disobedience/#Rig>.
6. Celikates R. Rethinking Civil Disobedience as a Practice of Contestation – Beyond the Liberal Paradigm // Constellations. Vol. 23. № 1. 2016.
7. Dworkin R. Rights as Trumps. In: Waldron J. (ed.). Theories of Rights. Oxford, 1984.
8. Dworkin R. A Matter of Principle. Cambridge, 1985.
9. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge, 2000.
10. Gandhi M. Non-Violent Resistance. New York, 1961.
11. Gandhi M. Young India 1919–1922. Madras, 1924.
12. Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, 1971.
13. Haksar V. The Right to Civil Disobedience // Osgoode Hall Law Journal. Vol. 41. № 2, 3. 2003.
14. Selected Writings of Mahatma Gandhi. Duncan R. (ed.). London, 1971.
15. Markovits D. Democratic Disobedience // The Yale Law Journal. Vol. 114. 2005.
16. Thoreau H.D. On the Duty of Civil Disobedience // The Project Gutenberg. Last updated: January 18, 2018. URL: <http://www.gutenberg.org/files/71/71-h/71-h.htm>.

Москаленко Сергей Григорьевич
Moskalenko Sergey Grigorievich

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, PhD in History, Associate Professor.
E-mail: moskalenko1963@mail.ru

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК ОСНОВА
КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ
ГЕТЕРОГЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ СЕТТИНГЕ**

**Political and legal mentality as the basis of constructive interaction in the modern
heterogeneous socio-cultural setting**

В статье анализируются важнейшие аспекты проблемы влияния политико-правового менталитета на сегменты гетерогенных сообществ с точки зрения из позитивной коммуникации для усиления степени толерантной индивидуальной и массовой идентификации.

Ключевые слова: политико-правовой менталитет, гетерогенные сообщества, политико-правовая стабильность, толерантная идентификация.

The paper analyzes the most important aspects of the problem of the influence of political and legal mentality on segments of heterogeneous communities from the point of view of using positive communication to strengthen the degree of tolerant individual and mass identification.

Key words: political and legal mentality, heterogeneous communities, political and legal stability, tolerant identification.

Понятие «менталитет» как и термин, его обозначающий, окружены наибольшим количеством полемически заостренных суждений, разнонаправленных мнений, предельно субъективных интерпретаций, часто делающие принципиально невозможным или, во всяком случае, трудно осуществимым даже минимальный академический анализ смыслового контекста феномена, понятия и термина. Вместе с тем становится все более очевидным, что отказ из-за указанных трудностей от инструментального или фундаментально-концептуального использования понятия «менталитет» крайне серьезно обедняет исследование всего спектра аспектов политико-правовых феноменов, относящихся как к наличной эмпирически социальной реальности, так и к историческим явлениям. Так как наиболее результативный и богатый последствиями вклад в отношении проблемы менталитета внесли французские историки-модернисты из школы «Анналов», опиравшиеся на значительно больший процент фактографичности в аргументировании, чем их оппоненты из других областей социального знания, именно их теоретическое

и ставшее на его популяризации интуитивное постижение феномена на долгое время превратилось в основу для любой концептуализации проблематики менталитета. В изобилии, подчас граничащем с хаосом, суждений о менталитете, более или менее адекватных объекту и феномену, тем не менее, достаточно ясно прорисовывается интуитивное тяготение к трактовке менталитета как коллективных, связанных с коллективным бессознательным, способах восприятия, понимания и оценки реальности сообществами любого генеза, размеров, времени существования и локализации [1–3]. В то же время не вызывает особых сомнений то обстоятельство, что разнообразнейшие и изобильные суждения о феномене и понятии «менталитет», имея бесспорное к ним отношение, не бывают полностью тождественны с ними как с объектом суждения. Что-то остается не охваченным, и подчас это «что-то» становится наиболее важным и ускользающим из-под академических попыток включения в категориально-сетевой аппарат.

Очевидно, что по генезису своих базовых психологических структур-основ, менталитет

ближе к биологическим факторам и естественно-природным основам функционирования человеческих сообществ, чем к социально-генетическим, так как коренится в гендерных, возрастных, этнических характеристиках. В последнее время, тем не менее, стало вполне очевидно, что значение культурно-исторической, социальной генетики не отнюдь следует преуменьшать, но, в каком бы аспекте не подвергался анализу феномен менталитета, становится ясно, что это преимущественно предрассудочная область, то есть все то в человеке, что существует, проявляет себя и действует до подключения ресурсов рассудка, интуитивно, архетипично, не поддается попыткам полностью удовлетворительного дефинитивного охвата, оставаясь доступной почти исключительно дескриптивной панорамизации. Проблематика концептуализации менталитета чрезвычайно и особенно актуальна в политико-правовой сфере, ведь воздействие ментальных доминант на государственную, правовую, культурно-историческую жизнь очень велико и часто имеет решающее значение. Вне анализа менталитета невозможен аргументированный дискурс по всему спектру метаправовой проблематики, становятся смутными глубинные механизмы правовой психологии, правовой регуляции как социокультурного феномена. Для минимального дескриптивного охвата проблемы менталитета в аспекте его влияния на политико-правовую сферу социума, необходима ориентация на достаточно жесткие методологические правила. Первое из этих правил предполагает в качестве важнейшего условия корректной фиксации существенных признаков менталитета данной культурно-исторической единицы-популяции охват максимальных временных отрезков. Это дает возможность достаточно точного выявления и описания доминирующих признаков менталитета, оказывающих решающее влияние на политические конструкции, специфику правовой регуляции и правосознания, разворачивающихся на протяжении значительных исторических периодов времени: от веков до тысячелетий. Второе методологическое правило требует массовости охвата представителей данной культурно-исторической популяции, а именно – систематизации аналитической работы, касающейся политико-правового и в целом культурно-исторического существования

не только наличного, но и всех, по возможности, достоверно установленных, верифицируемых и фактографически достоверно реконструированных поколений.

Третье методологическое правило заставляет исследователей разделительно воспринимать, описывать и понимать феномены индивидуальной и массовой (корпоративной, гендерной, этнической, возрастной) психологии, ведь подчас понятие «менталитет» и в общей, и в специфической политико-правовой трактовке употребляется в качестве синонима к понятиям «национальный характер», «национальная коллективная психология», «сублимированное этническое коллективное бессознательное» и т.п. Классификация типов и форм менталитета до сих пор имеет в большей степени интуитивные, чем дискурсивные основания. Очевидно, что европейцы, например, для интуитивного восприятия индусов или африканцев – это нечто целостное, обладающее отчетливыми ментальными доминантами. При этом из интуитивного охвата уходит существенная внутренняя ментальная разница между германскими, романским, славянскими народами европейского культурно-исторического ареала. Политико-правовые феномены и конструкции, эволюционно выработанные в тех или иных культурно-исторических ареалах, имеют прямую и тесную связь с ментальными структурами создавшего данный культурно-исторический ареал народа или группы народов. В сознании современного человека с детских лет со всей очевидностью присутствует смысловая и оценочная связь феноменов и понятий «демократия», «личность», «свобода», «справедливость» с культурно-историческим творчеством античных греков и римлян. Эти явления со всей аксиоматической очевидностью вырастали на основе доминант преимущественно греко-римской культуры и особенно политико-правовых конструкций, которые эта культура сформировала. Вне античных полисов с их демократией и корпоративной структурой вряд ли бы возникла сама идея равноценности человеческой личности, ее интересов с интересами организованных сообществ, с государством.

Античная эпоха всемирной истории до сих пор является источником примеров адекватной политико-правовой симметризации гетерогенных интересов в полисегментных, сложно

организованных сообществах. Баланс, противовесы, компенсаторы, структурно-политические и юридические маневры, позволявшие максимально эффективно гармонизировать казалось бы абсолютно не комплиментарные, разнонаправленные интересы разнообразных политико-правовых структурно-функциональных единиц порождались потребностями полиса, становились реальностью на почве полисных форм гражданского античного менталитета. Проблема индивидуальной и массовой менталитетной идентификации в политико-правовой сфере современного мира оказывает важнейшее влияние на возможности сбалансированного развития государств и внутри государственных политико-правовых структур, взвешенной координации различных по типам и разнонаправленных интересов и идентификаций социальных, этнических, культурных, профессиональных, идеологических форм структуризации объединений людей. Логически и фактографически фиксируются только два типа менталитетной политико-правовой идентификации: отрицательный тип, заключающийся в противопоставлении одних сообществ другим без акцента на антикомплиментарности, одной части сообщества другой или иным частям в рамках данного сообщества, в противопоставлении сообществ или групп сообществ друг другу с усилением антикомплиментарности, и положительный тип менталитетной политико-правовой идентификации, являющийся результатом поиска созидательного контакта вне антикомплиментарного противопоставления сообществ или частей сообществ, без акцентирования внимания на агрессивной наступательной конфликтогенности процесса их контактирования. Современный мир, по мере его культурно-исторической и политико-правовой эволюции, в процессе корректировки и оптимизации научного познания тенденций его развития, предстает перед нами акцентированно гетерогенной средой, широкой сферой культурно-исторического, социально-культурного и функционального взаимодействия крайне разнообразных субъектов.

Гомогенность генетического структурирования и институционального функционирования важнейших для всемирной истории культурно-исторических сообществ, например, античного мира, романо-германской Европы, ушла в далекое прошлое. Стремительно уси-

ливающиеся на наших глазах процессы глобализации и мультикультурализма вовсе не так прямолинейно, как это казалось совсем недавно, ведут к однообразной космополитической гомогенизации, к структурно-функциональной стандартизации, к унифицированному упрощению культурной, социальной и политико-правовой организации социума, всемирно-деструктивные последствия формирования которой пессимистически прогнозировал К.Н. Леонтьев в конце XIX в. Внушительные масштабы миграционных процессов в современном мире, набравшие силу как только это позволила мировая транспортная и правовая инфраструктура, не увеличили степень гомогенизации, а, напротив, привели к доминированию и жесткой фиксации гетерогенных менталитетных идентификаций. Попытки гомогенизировать мировое сообщество пропагандой прогрессивности стирания гендерных, этнических, культурных различий как социально значимых зачастую приводили в некоторой, подчас достаточно отчетливо выраженной гомогенности предпочтений, вкусов, стандартов моды в самых разных сегментах современного мира, вызывая, вслед за этим, гораздо более выраженную и эмпирически абсолютно очевидную реакцию, основанную на предпочтениях и определенной гипертрофии индивидуальных и массовых гетерогенных характеристик. Особенно ярко, хотя и несколько неожиданно, в контексте усиления глобализационных тенденций в ряде ведущих стран мира (США, Германия, Франция, Великобритания) стали обозначаться акцентированные этнические предпочтения и коррелирующие с этно-расовыми феноменами религиозные спецификации во всевозможных модификациях. Понятно, что уменьшение степени разрушительности потенциала гипертрофии гетерогенности в современном мире можно только через обеспечение доминирования вариантов массовой и индивидуальной идентификации толерантного типа над ее противоположными конфликтогенными вариантами. Сложно преодолимым барьером для этого становится все еще активированный статус уходящих в инстинктивно-архетипические (биологические) глубинные личностные предрассудки. Основным из них является предрассудочно-инстинктивный страх перед «чужими», воспринимаемыми и оцениваемыми вне-логически, то есть в

пределах действия генетической поведенческой программы, как злонамеренные «враги», как часто смертельная угроза для выживания популяции. Во внелогических предрассудках самих по себе, то есть в инстинктивном разделении на «своих» и «чужих» для современного человека нет ничего фатально неодолимого, катастрофически неуправляемого и тотально конфликтогенного. Предрассудочная, коррелирующая с биологическими реакциями и инстинктами, основа личности сопровождается проявлениями рассудочной или рациональной составляющей как нередко неприятной, причиняющей человеку беспокойство, но без особого труда контролируемой личностью, сообщениями и государством бэкграунд. Определенные проблемы начинаются не в той области, где предрассудки имеются в наличии, и их как-то корректируют, вовремя сублимируют, адекватно адаптируют к специфической ценностно-культурной социальной ситуации, а там, где предрассудки не воспринимаются в качестве таковых, их не видят такими, совершенно не корректируют, с ними не ведется адекватная социокультурная работа. Однако хуже всего становится тогда, когда возникают социальные ситуации-паттерны, способствующие тому, что примитивные внелогические предрассудки приобретают статусные характеристики политико-идеологических или еще сложнее – тоталитарных религиозных доктрин, становятся регуляторами и мотиваторами, движущими силами для возникновения различных модификаций атолерантных, тоталитарных, экстремистских и террористических групп, сообществ, движений [4–6].

В такой ситуации, например, оказались все ведущие государства мира перед первой мировой войной. Были сметены все ограничения на создание образа врага, на использование аморальных способов визуальных и текстовых изображений врагов. Безбрежная шовинистическая пропаганда трансформировалась в центральную часть государственной политики и политико-правового менталитета как военного времени, так и сложного послевоенного кризисного развития 1918–1939 гг. Почти неконтролируемую алармистскую реакцию должна была вызывать такая трансформация на массовом – национальном, расовом уровнях. С точки зрения сублимирования разрушительных комплексов на уровне индивидуаль-

ной психологии, возможны ситуации преодоления био-психологически обусловленных предрассудков и поведенческих стереотипов, но после модификации предрассудка, превращения его в институционализированный социо-исторический и социо-культурный артефакт, в массовый феномен политико-правового менталитета – уже нет.

Единственно возможным средством противодействия является усиление по всем линиям возможностей для толерантного типа внешней и внутренней идентификации граждан. Препятствование «биологизации» поведенческих мотивов в массовом политико-культурном поле является осуществимой задачей, предполагающей ряд логически и культурно-исторически взаимосвязанных этапов. Первым этапом должно стать решительное воспрепятствование во внелогической части личности, то есть предрассудочной области, которую личность не контролирует полностью рассудком, манипулированию в публичном пространстве оценочными суждениями с любыми целями. Внелогически, для любого человека этнос, раса, гендерное, профессиональное или возрастное сообщество, с которыми он себя идентифицирует, будут позитивными, «хорошими», а все другие, находящиеся по разным причинам вне его идентификации – негативными, «плохими» в той или иной степени. В сфере этнической идентификации личности, наиболее прочно связанной с биологическими инстинктивными стереотипами и социокультурной генетикой, любые ограничения на оценки будут уместными особенно. Этот этап с необходимостью дополняется вторым этапом – максимальным элиминированием эмоций и базовых условий для их проявления, как значимых факторов из коммуникативной сферы представителей разных и часто некомплементарных идентификаций путем максимальной формальной регламентации контактов между ними. Для лиц, впавших в тяжелые формы алкоголизма, самый эффективный способ контролировать социальное поведение – это абсолютное исключение не только употребления алкоголя, но и, в первую очередь, любых эмоционально-оценочных упоминаний ситуаций, связанных с его употреблением. Для ксенофобов, склонных следовать биологическим мотивациям, как собственным, так и инспирированным извне, лучший способ ограничения

инстинктов – это максимальная регламентация контактов, не оставляющих таким образом возможностей для прорыва бессознательных неконтролируемых эмоций в сферу принятия личностно важных политико-правовых решений. Реализации этих этапов будет в особой степени способствовать открытая артикуляция, адекватная атрибуция материальных целей и претензий всех субъектов социо-культурного пространства и применение методов достижения этих целей и интересов, сформированных на основе уважения к материальным интересам иных групп и выстроенных на этой основе приоритетов. Известный дореволюционный юрист Николай Коркунов трактовал природу правового регулирования как общественные регламентационные рамки для позитивизации и констративизации процесса контактирования и столкновения интересов. Детализированные рамки создают максимально позитивный эффект.

Литература

1. Крупеня Е.М. Политико-правовая активность личности М., 2009.
2. Дробышевский С.А., Протопопова Т.В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве М., 2014.
3. Любашиц В.Я., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества. Ростов н/Д, 2017.
4. Ильинская С.Г. Толерантность. Ростов н/Д, 2007.
5. Медушевский Н.А. Основы толерантности и правовой культуры М., 2018.
6. Бродский Ю. Толерантность, нетерпимость, идентичность: простейшие математические модели взаимодействия культур. М., 2011.

Стабильное государство с единым политико-правовым пространством возможно только на основе максимально отчетливого артибутирования и артикуляции мотивов и интересов гетерогенных элементов политического сообщества, с избавлением от политических, административных и правовых предпочтений привилегированным частям. Формирование массового менталитета на основе отказа от комплиментарности к эмоциональной мотивации этно-расовыми инстинктами, от ксенофобии является единственным вариантом политико-правового выживания больших гетерогенных сообществ. Внелогические предрассудки нельзя истребить, они слишком глубоко уходят в докультурные слои психической жизни, но их можно радикально ограничить или адекватно сублимировать, чему в решающей степени будет способствовать рациональная терпимость и общение в области столкновения интересов в прочных рамках детализированных юридических регламентаций.

Bibliography

1. Krupenya E.M. Political and legal activity of the individual. Moscow, 2009.
2. Drobyshevsky S.A., Protopopova T.V. The Idea of human dignity in political and legal doctrines and law. Moscow, 2014.
3. Lyubashits V.Ya., Ovchinnikov A.I., Mamychev A.Yu. Sociocultural (archetypal and mental) foundations of the public-power organization of society. Rostov-on-don, 2017.
4. Ilinskaya S.G. Tolerance. Rostov-on-don, 2007.
5. Medushevsky N.A. Fundamentals of tolerance and legal culture. Moscow, 2018.
6. Brodsky Yu. Tolerance, intolerance, identity: the simplest mathematical models of interaction between cultures. Moscow, 2011.

**Лапшин Игорь Ефимович
Lapshin Igor Efimovich**

доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Академии физической культуры и спорта Южного федерального университета кандидат педагогических наук, доцент.

Associate Professor, the Department Theoretical Foundations of Physical Education, the Academy of Physical Culture and Sports of the Southern Federal University, PhD in Pedagogics, Associate Professor.
E-mail: ielapshin@yandex.ru

**Лубский Роман Анатольевич
Lubsky Roman Anatolyevich**

профессор кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor, the Department of Administrative Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Philosophy, Associate Professor.
E-mail: roma-thebest@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Features of legal regulation of youth policy in the Russian Federation

В статье рассматриваются отличительные характеристики нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации, обусловленные практическими особенностями ее реализации. Эти особенности, отрефлексированные на уровне обыденного сознания, функционирующего на уровне повседневности, сформировали такие представления о молодежной политике, которые позволяют рассматривать ее в качестве особого вида социальных коммуникаций. В свою очередь, нормативная и функциональная специфика правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации заключается в том, что она может рассматриваться как симбиоз официальных правил, установленных международным и внутригосударственным законодательством, представляющим собой совокупность государственных целевых программ и стратегий, а также норм федерального, регионального и муниципального права, предназначенных для урегулирования социальных отношений в соответствующей сфере.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, волонтерская деятельность, молодежные инициативы, законодательная форма правового регулирования, подзаконная форма нормативно-правового регулирования молодежной политики.

Отличительные характеристики нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации обусловлены практическими особенностями ее реализации в условиях современной российской социальности. Эти особенности, отрефлексированные

The paper deals with the distinctive characteristics of the normative and legal regulation of youth policy in the Russian Federation, due to the practical features of its implementation. These features, reflected at the level of everyday consciousness, functioning at the level of everyday life, have formed such ideas about youth policy that allow us to consider it as a special type of social communication. In turn, the normative and functional specificity of the legal regulation of youth policy in the Russian Federation is that it can be considered as a symbiosis of official rules established by international and domestic legislation, which is a set of state target programs and strategies, as well as norms of federal, regional and municipal law intended to regulate social relations in the relevant area.

Key words: youth, youth policy, volunteer activities, youth initiatives, legislative form of legal regulation, subordinate form of legal regulation of youth policy.

на уровне обыденного сознания, функционирующего на уровне повседневности, сформировали такие представления о молодежной политике, которые позволяют рассматривать ее в качестве особого вида социальных коммуникаций, приобретающих свою актуальность, когда

речь идет либо о необходимости выполнения государственных планов и программ, предусматривающих реализацию условных мероприятий, направленных на повышение качества и уровня жизни молодежи, либо о потребности проявить заботу о «подрастающем поколении» [5, с. 79–80].

В свою очередь, нормативная и функциональная специфика правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации заключается в том, что она может рассматриваться как симбиоз официальных правил, установленных международным и внутригосударственным законодательством, представляющим собой совокупность государственных целевых программ и стратегий, а также норм федерального, регионального и муниципального права, предназначенных для урегулирования социальных отношений в соответствующей сфере.

Социальные аспекты актуальности исследования особенностей нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации обусловлены, прежде всего, необходимостью создания правовых условий и обеспечения соответствующих государственных гарантий, позволяющих привлечь молодых людей к решению государственно значимых задач на основе системы мер, предусматривающих различные формы социального и профессионального стимулирования их активной общественной деятельности. Решение этих задач неразрывно связано с необходимостью решения иных, более частных задач, приобретающих свою актуальность в связи с необходимостью компенсации государственных затрат на образование (обучение) молодого специалиста, обязанного выполнить социальный контракт перед государством, отработав определенный срок по специальности, либо в сфере распространения государственных грантов или заказов, либо в какой-либо иной сфере социального обслуживания.

Практическая актуальность исследования особенностей нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации обусловлена отсутствием единых нормативных представлений о возрасте молодого человека, закрепленных на уровне федерального закона, что, с одной стороны, существенно ограничивает основные векторы социальной и, как следствие, профессиональной мобильности молодых людей, с другой – не позволяет осуществлять практическую госу-

дарственную поддержку тех или иных представителей российской молодежи.

Исследование альтернативных моделей реализации молодежной политики, осуществляемой в постсоветском российском обществе в контексте особенностей ее нормативно-правового регулирования, позволило сделать вывод о том, что в его структурах устойчиво воспроизводятся различные институты советской государственности. Национальная молодежная политика не является исключением: особенности ее реализации обусловлены воспроизводством особых «номенклатурных технологий», сложившихся еще в эпоху существования СССР. Понимание общих принципов реализации этих технологий позволяет объяснить те или иные решения, принимаемые в сфере молодежной политики и сегодня [6, с. 108–123].

«Новейшая» история нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации, как представляется, начинается отсчет с весны 1991 г. Именно в это время вступил в силу Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», принятый с целью нормативно-правового обеспечения юридических гарантий реализации прав, свобод и интересов молодых граждан и их объединений. В настоящее время Закон СССР от 16 апреля 1991 г. № 2114-I «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» утратил юридическую силу, что в целом не умаляет его особого значения в контексте изучения особенностей нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации.

В этом законе было впервые сформулировано понятие «государственная молодежная политика», предусмотрен специальный раздел, «проясняющий» законодательство о государственной молодежной политике, зафиксированы основополагающие начала правового регулирования базовых направлений государственной молодежной политики. В рамках этих направлений особое внимание законодателя, в частности, было уделено требованиям, предъявляемым к правовым аспектам реализации конституционных прав и свобод молодых людей, обеспечивающим участие молодежи в сфере государственного управления молодежной политикой, а также формам ее реализации, предполагающим участие негосударственных общественных объединений и организацию специализированных социальных фондов.

Вместе с тем необходимо отметить еще одну особенность нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации в 90-х гг. XX века, которая заключалась в отсутствии единой национальной стратегии, предусматривающей наличие специализированных учреждений государственной власти, уполномоченных, с одной стороны, управлять молодежной политикой и «молодежной инфраструктурой», с другой – принимать ответственные решения, направленные на реализацию соответствующих социальных программ федерального уровня.

Нормативно-правовое регулирование молодежной политикой в нашей стране приобрело новое качество в 1992 г. в связи с изданием Президентом Российской Федерации Указа «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики». Его историческое, правовое и доктринальное значение состояло и до сих пор состоит в том, что благодаря этому акту молодежная политика впервые приобрела статус «приоритетного направления социально-экономической политики государства» [11].

Впоследствии сфера нормативно-правового регулирования молодежной политикой в Российской Федерации расширилась за счет Постановления № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации», принятого Верховным Советом РСФСР 3 июня 1993 г. Несмотря на свой рекомендательный и отчасти декларативный характер, в национальной правовой доктрине этот подзаконный акт до сих пор рассматривается в качестве первого стратегического ориентира государственной молодежной политики в Российской Федерации. Это обусловлено тем, что именно в рамках этого нормативного акта в современном российском законодательстве понятия «молодежь» и «государственная молодежная политика» приобрели правовое содержание.

Нормативно-правовое регулирование молодежной политикой в Российской Федерации осуществляется также на основе закрепления ее основополагающих начал и различных вариантов социальной поддержки, оказываемой государственными учреждениями власти детским социальным объединениям, выступающим в качестве одного из объектов национальной молодежной политики.

Помимо этого отдельные вопросы, затрагивающие особенности правового статуса мо-

лодежи и координации основных форм ее социальной активности, регламентируются целым рядом федеральных законов, а также совокупностью федеральных целевых программ под общим названием «Молодежь России». Правовое регулирование различных аспектов государственной молодежной политики в России, осуществляемое на основе федеральных программ, сформировало вид национальной государственно-правовой традиции [2].

Так, в конце 1994 г. принимается первая Федеральная программа «Молодежь России». Эта Федеральная программа была оформлена в виде документа, закрепляющего стратегические ориентиры и цели национальной молодежной политики в современном российском обществе. Основное внимание в этой программе уделялось вопросам воспитания чувства гражданственности и патриотизма у различных представителей российского молодежного сообщества.

На рубеже веков в российском обществе происходит корректировка основных векторов осуществления молодежной политики. В 2000 г. принимается еще одна федеральная целевая программа «Молодежь России», рассчитанная на период с 2001 по 2005 г. Основной целью этой программы провозглашалось создание максимально комфортных условий, способствующих воспитанию у российской молодежи активной гражданской позиции, позволяющей ускорить процесс личностной самореализации в условиях социальных трансформаций [3, с. 92–98].

В связи с истечением сроков действия этой федеральной программы, а также в связи с тем, что ее цели были достигнуты не в полной мере, принимается новая федеральная целевая программа «Молодежь России», рассчитанная на период с 2006 по 2010 г. Необходимость принятия этой программы обусловлена, по мнению ее разработчиков, целым комплексом причин, среди которых нужно выделить: во-первых, отсутствие у российской молодежи навыков гражданской активности, социальной организации и мотивации к социальной организации, во-вторых, беспринципность при выборе способов достижения желаемой цели, бескомпромиссность и пренебрежение правом, порождающими различные формы девиантного или противоправного поведения, реализация которых превращает молодых людей в объект изощренных социальных манипуляций, осуществляемых деструктивными социальными

силами, действующими как внутри страны, так и из-за ее пределов [7, р. 1405–1412].

В этой Программе молодежная политика рассматривается как отдельное направление государственной деятельности, направленной на создание благоприятных условий, обеспечивающих социальную активность и включенность молодежи в процесс принятия социально значимых решений, что обуславливает «социально-государственную» направленность Программы. Существенную роль в контексте определении стратегических правовых ориентиров национальной молодежной политики сыграло Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г., утвердившее основы государственной молодежной политики в России на период до 2025 г. [9].

Это Распоряжение, изданное во исполнение предписаний и положений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, рассчитанной на период до 2025 г., формулирует базовые подходы к перспективному развитию российской молодежной политики и формированию эффективных способов ее реализации в целях нравственного и духовного воспитания отечественной молодежи [12].

Для этого в 2015 г. был разработан и введен в действие перечень основных мероприятий, предполагающих реализацию основополагающих начал национальной молодежной политики вплоть до 2025 г. [10]. Этот перечень предусматривал обновление нормативно-правовой базы национальной молодежной политики в сфере воспитания, образования, формирования навыков «экологического мышления», а также патриотической культуры. В 2015 г. была принята национальная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [8].

Рассматриваемые подзаконные акты по существу выступили в качестве правовых ориентиров, способствовавших последующему принятию деклараций, законов и изданию подзаконных актов, регламентирующих различные аспекты реализации государственной молодежной политики на уровне Российской Федерации и ее субъектов. В качестве таких актов, прежде всего, необходимо отметить федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации», определивший российское правительство в качестве основного источника принятия мер, предусматривающих реализацию основных направлений молодежной политики в Российской Федерации [13].

Вместе с тем национальная молодежная политика, проводимая в современном российском обществе, приобретает новое содержание и соответствующие контуры правового оформления после принятия специального федерального закона о молодежной политике, который предназначен для восполнения пробелов в нормативно-правовом урегулировании вопросов национальной молодежной политики и решения новых задач [14].

Принятие специального федерального закона о молодежной политике в Российской Федерации, с одной стороны, позволило сформулировать новые понятия в сфере молодежной политики («специалист по работе с молодежью»), с другой – расширить семантические характеристики понятий «молодежь», «молодая семья», «молодые специалисты». При этом федеральный закон обозначил «новые» правовые императивы и векторы реализации молодежной политики: волонтерская деятельность, молодежные инициативы, здоровый образ жизни, государственная поддержка детей-сирот.

По замыслу федерального законодателя принятие закона о молодежной политике в современной России должно способствовать созданию благоприятных условий, позволяющих утвердить нормативную практику законодательного регулирования национальной молодежной политики на федеральном уровне. До сих пор эти вопросы регламентировались либо в редакции специализированных федеральных законов, закрепляющих нормы, предписывающие осуществление молодежной политики региональным или муниципальным органам публичной власти в рамках регионального [4] или муниципального [1, с. 1–8] нормотворчества.

Помимо законодательной формы правового регулирования молодежной политики существует и так называемая «подзаконная» форма, сложившаяся в современном российском правовом поле и реализуемая палатами Федерального Собрания Российской Федерации, которые компетентны, с одной стороны, принимать юридически значимые решения, оформленные в виде постановлений, предназначенных для урегулирования тех или иных аспектов национальной молодежной политики, с другой – создавать молодежные парламентские институты и структуры.

Среди федеральных актов подзаконного нормотворчества необходимо, прежде всего, отметить Распоряжение Президента России, изданное 24 июня 1993 г., № 459-рп

«О праздновании Дня молодежи» (27 июня), Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2005 г. № 76 «О Дне российского студенчества» (25 января), а также Указ Президента России от 16 мая 1996 г. № 727 «О мерах государственной поддержки общественных объединений, ведущих работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи». Этот Указ утверждает совокупность организационно-правовых мер государственного стимулирования социальных объединений, осуществляющих патриотическое воспитание. «Подзаконная» форма нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации реализуется также в рамках постановлений и распоряжений федерального правительства, осуществляющего правотворческие, а также исполнительно-распорядительные функции.

«Региональный» уровень нормативно-правового регулирования молодежной политики, как вид правового регулирования, по существу, на сегодняшний день определяет содержание национальной молодежной политики в целом. Отличительными особенностями регионального уровня регулирования молодежной политики являются, во-первых, более интенсивные формы регионального законодательства, во-вторых, собственный механизм реализации в рамках конституционного (уставного) нормотворчества.

Литература

1. Бутова Т.В., Дунаева А.И., Удачин Н.О. Проблемы реализации молодежной политики на муниципальном уровне // Вестник евразийской науки. 2014. № 3.

2. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: научная монография / под общей редакцией В.А. Лукова. М., 2013.

3. Крупенникова Л.Ш., Лубский Р.А. Модальные модели правового и политического поведения различных социальных в трансформирующемся российском обществе (на материалах социологических исследований) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9.

4. Лубский Р.А. Нормативно-правовая база организации и деятельности органов государственной власти // Регионоведение: учебное пособие. Ростов н/Д, 2002.

Таким образом, анализируя особенности нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации можно сделать следующие выводы.

Во-первых, молодежная политика в Российской Федерации реализуется на трех основных уровнях нормативного правового регулирования, осуществляемого на основе государственных целевых программ и стратегий, федерального и регионального законодательства, а также муниципального правотворчества.

Во-вторых, по сравнению с федеральным уровнем нормативно-правового регулирования региональное законодательство в сфере молодежной политики носит более интенсивный, оперативный и полифункциональный характер. Как правило, в субъектах Российской Федерации имеются региональные законы о молодежной политике в конкретном регионе. Законодательство о государственной молодежной политике имеется в восьмидесяти одном субъекте Российской Федерации, в семидесяти пяти субъектах имеются «молодежные» законы, а в двадцати двух из них законы, обеспечивающие правовые формы опеки молодежных и детских объединений.

В-третьих, в российском обществе интенсивными темпами развивается не только региональное, но и муниципальное правотворчество в области национальной молодежной политики.

Bibliography

1. Butova T.V., Dunaeva A.I., Udachin N.O. Problems of implementation of youth policy at the municipal level // Journal of Eurasian science. 2014. № 3.

2. The state youth policy of the Russian and world practice in the implementation of the society of the innovative potential of new generations: monograph / under the general editorship of V.A. Lukov. Moscow, 2013.

3. Krupennikova L.S., Lubsky R.A. Modal model of the legal and political behaviour of different social in a transforming Russian society (on materials of sociological research) // Humanitarian, socio-economic and social Sciences. 2017. № 8-9.

4. Lubsky R.A. Normative-legal base of the organization and activity of state authorities // Regional studies: a textbook. Rostov-on-Don, 2002.

5. Lubsky R.A. Paternalism as a subject of scientific discourse // Philosophy of Law. 2012. № 5 (54).

5. Лубский Р.А. Патернализм как предмет научного дискурса // *Философия права*, 2012. № 5 (54).

6. Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: дис. ... док. филос. наук. Ростов н/Д, 2015.

7. Lubsky A.V., Lubsky R.A., Chernobrovkina N.I. Mental Programs and Models of Economic Behavior in the Russian Society // *Journal of Applied Economic Sciences*. Vol. XI. Iss. 7(45). 2016.

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 (ред. от 20.11.2018) «О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы”» (с изм. и доп. от 01.09.2019). СПС «КонсультантПлюс».

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Основы государственной молодежной политики в России на период до 2025 года». СПС «КонсультантПлюс».

10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2018 г. № 2985-р «О плане мероприятий по реализации в 2019–2021 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». СПС «КонсультантПлюс».

11. Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 1992 г. № 1075 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики». СПС «КонсультантПлюс».

12. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями). СПС «КонсультантПлюс».

13. Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс».

14. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». СПС «КонсультантПлюс».

6. Lubsky R.A. Russian statehood as a social reality: methodology of multidimensional research, types, specifics of development: dis. ... doc. philos. sciences. Rostov-on-Don, 2015.

7. Lubsky A.V., Lubsky R.A., Chernobrovkina N.I. Mental Programs and Models of Economic Behavior in the Russian Society // *Journal of Applied Economic Sciences*. Vol. XI. Iss. 7 (45). 2016.

8. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 30, 2015 № 1493 (ed. of 20.11.2018) «On the State program “Patriotic Education of Citizens of the Russian Federation for 2016–2020”» (with amendments and additions from 01.09.2019). LRS «ConsultantPlus».

9. Order of the Government of the Russian Federation of November 29, 2014 № 2403-r «Fundamentals of state youth policy in Russia for the period up to 2025». LRS «ConsultantPlus».

10. Decree of the Government of the Russian Federation № 2985-r of December 28, 2018 «On the action Plan for the implementation in 2019–2021 of the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025». LRS «ConsultantPlus».

11. Decree of the President of the Russian Federation № 1075 of September 16, 1992 «On priority measures in the field of State youth policy». LRS «ConsultantPlus».

12. Decree of the President of the Russian Federation № 1666 of December 19, 2012 «On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025» (as amended). LRS «ConsultantPlus».

13. Federal Constitutional Law № 4-FKZ of November 6, 2020 «On the Government of the Russian Federation». LRS «ConsultantPlus».

14. Federal Law № 489-FZ of December 30, 2020 «On Youth Policy in the Russian Federation». LRS «ConsultantPlus».

Рожковский Виталий Борисович
Rozhkovsky Vitaly Borisovich

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ростовского юридического института МВД России доктор философских наук, доцент.

Professor, the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.

E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

**ФИЛОСОФИЯ СВОБОДЫ Н.А. БЕРДЯЕВА В КОНТЕКСТЕ
КРИТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ИМ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ЗАПАДНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОНЦЕПЦИЙ**

**N.A. Berdyaev's philosophy of freedom in the context of his critical assessment
of the European culture and western social conceptions**

В статье раскрывается критическая оценка Н.А. Бердяевым развития европейской культуры и цивилизации, приведшее к постулированию и воплощению в советский период истории России западных социальных концепций. Анализируется связь между экзистенциальными идеями Бердяева о духовной свободе личности и смысле истории и его политико-правовыми взглядами.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев, свобода духа, европейская культура, социальные концепции, духовное творчество, смысл истории, социализм, религиозный смысл революции.

The paper reveals N.A. Berdyaev's critical assessment of the development of the European culture and civilization, which led to the postulation and implementation of Western social conceptions in the Soviet period of the Russian history. The connection between Berdyaev's existential ideas about the spiritual freedom of the individual and the meaning of history and his political and legal views is analyzed.

Key words: N.A. Berdyaev, freedom of spirit, European culture, social conceptions, spiritual creativity, the meaning of history, socialism, the religious meaning of the revolution.

В современной России можно наблюдать продолжающийся активный поиск и формирование стратегий дальнейшего развития, находящие свое выражение в создаваемых концепциях национальной политики по различным областям социальной жизни. Все более очевидным за последние десятилетия становится отказ от западных идеологических моделей и ценностных установок и поддержка традиционных для России ценностей и их носителей – социальных институтов семьи, религии и ряда других, способствующих не только самобытному развитию российской культуры и общественных отношений, но и национальной безопасности государства. В этом отношении дальнейшая разработка идеологических элементов национальной политики идет в русле тех идей, которые еще в XIX–XX веках развивались русскими философами консервативного и религиозного направления.

Среди таких философов, ссылки на которых в своих публичных выступлениях

использует и Президент Российской Федерации В.В. Путин, можно назвать И.А. Ильина, Н.А. Бердяева и некоторых других. Николай Александрович Бердяев – выдающийся русский мыслитель «серебряного века», творчество которого было многогранным, включало широкий круг проблем в области философской антропологии, теории познания, философии культуры и истории, социальной философии и оказало влияние на формирование интеллектуально-духовного горизонта русской религиозно-философской среды первой половины XX столетия. Философские размышления Бердяева о судьбах России в эпоху революций и глубоких социально-политических трансформаций в контексте социальных учений времени явились проникновенными и даже пророческими.

Экзистенциально-философские взгляды Бердяева по своему генезису, по его собственному признанию, носят дуалистический характер – это дуализм духа и природы, свободы и

детерминации, личности и общности и др. Для него определяющим является стремление исходить не из понятия абстрактного субъекта познания, а из полноты духовной жизни человека, из его порыва в вечность, и строить, таким образом, философию духа как диалектику божественного и человеческого в рамках всемирного социально-исторического процесса. Неслучайно «стержневой идеей» всего творчества Бердяева некоторые исследователи признают тему свободы [1, с. 443], как имеющую источник в духе человека, в данной ему Богом способности к внутреннему личностному самоопределению. Ведь для того, чтобы принадлежать духовному миру, человеку необходимо проявить свободу, даже совершить «подвиг свободы». Но постичь сущность свободы нелегко, ведь она не есть предмет или вещь, ее нельзя сделать предметом одного рационального, отвлеченно-интеллектуального рассмотрения. Так же, как нельзя овеществлять личность, природа и духовное достоинство которой не могут получать полное воплощение в каких бы то ни было социальных отношениях и быть полностью обусловленными социальными качествами или, например, политической конъюнктурой. Свобода личности, по убеждению Бердяева, связана с «иррациональным содержанием жизни», с «бесконечностью бытия», даже с «бездной бытия» [2, с. 94]. Свобода, таким образом, несет, по Бердяеву, религиозно-духовный смысл связи человека с трансцендентной сферой и наполняется тем или иным содержанием из этой сферы. Развертыванию в экзистенциально-философском ключе идеи свободы посвящена специальная книга Бердяева «Философия свободного духа».

Однако в идее свободы с самого начала кроется важнейшая проблема человеческого существования. Ведь человек – существо не только духовное, но и душевно-телесное, а значит подчиненное закономерностям бытия. Его свобода всякий раз в истории необходимым образом находит свое выражение, объективацию в артефактах культуры, социальных отношениях, мире техники и др. В этой объективации своей жизни человеку проще подчиняться тем или иным вещественным связям и сложившимся закономерностям, то есть быть конформистом, приспособленцем. Не все хотят нести бремя или крест личностной свободы, заключающийся в необходимости поддер-

жания и развития порыва духовного творчества. Представляется, что спокойствие и стабильность в состоянии «необходимости» предпочтительнее. Реальность такова, что «человек легко отказывается от свободы во имя спокойствия и благополучия, он с трудом выносит непомерное бремя свободы и готов скинуть его и переложить на более сильные плечи» [2, с. 93]. В качестве примеров такого отказа человека и человечества от бремени свободы Бердяев называет те или иные формы социального устройства, в частности, теократию и социализм.

Духовно-творческий опыт самого Бердяева не был застывшим опытом, и многие христианские аспекты в понимании свободы были им приняты и доведены до значимого философского осмысления. Одно из ключевых религиозно-философских положений Бердяева: «Бог принимает лишь свободных, ... ждет от свободного ответа человека на Божий зов» [2, с. 92–93]. Нет ценности в каком-либо принужденном действии, даже самом возвышенном, и даже со стороны Бога. И христианское спасение человека вне его свободного действия не может состояться. Иными словами, ценность и смысл человеческого существования не могут состояться без проявления человеком свободы духа.

С проблемой свободы у Бердяева связаны размышления о сути духовного творчества (творчество представляется переходом небытия в бытие посредством проявления свободы духа) и постижения духовно-религиозного смысла исторических событий, даже эсхатологического (конечного) смысла духовного творчества. Проблема творчества, под которым Бердяев понимал иррациональный порыв духа как отдельной личности человека, так и целого народа, или общества, в свою очередь, была связана с рассмотрением проблемы смысла истории. В истории порыв духа находит свое оригинальное воплощение, но, вместе с тем, воплощаясь, он объективируется и затем застывает, выхолащивается в своих мертвых формах. Опасность такой объективации наиболее отчетливо видна на примере развития современной технической цивилизации, которая, принеся удобство материальному существованию человека, вместе с тем, принесла ему, по мнению Бердяева, и новый вид порабощения – подчинения своим же собственным творениям.

Известны яркие работы Бердяева, посвященные «смыслу истории» и «религиозному смыслу революции». В них смысл истории рассматривается как религиозно-духовный процесс обновления, «искупления греха». И в этом плане смысл революционных событий в России должен быть понят как как неизбежный опыт очистительных страданий, смывающих ветхие формы объективации духа.

Говоря об истории, Бердяев различает «время испорченное» (действительное) и «глубинное». Как романтик мысли, он не хочет принимать ставшие формы истории, культуры и социальности, или наличную действительность, которая, по его мнению, всегда есть «мещанство», всегда есть порабощение свободы духа. В истории, правда, возможны «прорывы» духа, но это лишь, согласно Бердяеву, разрушает историю, знаменует приближение эсхатологического конца времени. Более всего он обрушивается с критикой на установившийся в России строй, который сделал невозможной свободу духа и мысли. Вообще, именно исходя из положений своей экзистенциально-философской концепции свободы Бердяев строил и свои социально-философские и историософские взгляды, критически оценивая формы социального устройства, которые Россия переняла от западной цивилизации.

По убеждению Бердяева, уже в основе европейской цивилизации заложены катастрофы неслыханных войн и революций, поскольку «торжество буржуазного духа привело в XIX и XX веке к ложной и механической цивилизации, глубоко противоположной всякой подлинной культуре» [3]. Важно отметить, вслед за известным историком русской философии В.В. Зеньковским, что такое противопоставление культуры и цивилизации вводилось им еще до О. Шпенглера, сделавшего его в своей знаковой для начала XX века книге «Закат Европы». Европейская цивилизация, по Бердяеву, развила силы господства человека над миром, но последние сами властвуют над человеком, делая его рабом, убивая его душу. «Цивилизация Европы и Америки создала индустриально-капиталистическую систему – которая является истребителем духа вечности, духа святынь, капиталистическая цивилизация новейших времен убивала Бога, она была самой безбожной цивилизацией» [4, с. 134].

Вообще самую суть европейской культуры и цивилизации в ее историческом существовании, по Бердяеву, можно понять на примере революции русской, поскольку в ней присутствуют в немалой степени европейские идеи. При этом философ не обвиняет культуру Европы в том, что в России произошла революция. Нет, она – явление русской истории, но только произведенное чужими средствами и высказанная на чужом – европейском языке. Приходится констатировать, что русские соблазнились чувственно-материальным соблазном Запада, восприняли самый словарь его культуры: «социализм», «интернационализм», «демократия», что они подвержены чуждым его национальной идее влиянием. Это особенно относится к интеллигенции, которая не только изменила духу России, но и западную культуру совершенно неправильно интерпретировала. Она приняла истину «марксизма», но не самого Карла Маркса. На самом же деле истинная идея немецкого социализма, как и душа самого Маркса, а именно с германской нацией Бердяев ассоциирует преимущественно культурную европейскую мысль и силу цивилизации, строится на расовых и империалистических принципах, на истине мирового господства, цивилизаторства. Идея интернациональной социал-демократии, так соблазнившая русских революционеров, привела только к онемечению и порабощению души России, в то время как для немцев она была делом национальным.

Бердяев подробно останавливается на изложении взглядов Маркса; через них он показывает глубинные установки европейского мышления. «Он прекрасно сознает расовое призвание германцев цивилизовать славянский восток, в германизации славян он видит прогрессивный революционный процесс и даже почти классические формулы германского империализма» [5]. Как видно, подчеркивает Бердяев, Маркс понимал важность религиозного момента в мирозерцании русского народа, и все же у него была при этом «серьезная ненависть к славянству и к России» [5]. И вот эту гордую и беспринципную идеологию необдуманно взяла на вооружение отечественная революционная интеллигенция. Рассматривая обстоятельства революции 1917 года, Бердяев отмечает зависимость пришедших к власти большевиков от поддержки со стороны Германии. «Русский

революционный социализм у нас... оказался не патриотическим, не национальным и не государственным в момент величайшей опасности для родины, и на него легла зловещая тень германского влияния. Русский интернационализм есть изнанка германского империализма» [5]. Но марксизм был принят в России не столько как концепция социальной справедливости, сколько как теоретическое оправдание нигилизма – отрицание самоценности и самобытности духовной жизни.

Итак, по Бердяеву, в идеологии европейской цивилизации «духовность» отсутствует, поскольку ее основные интересы заключены в земном, в социальном бытии человека, чуждом христианской свободе духа. Но и социальное в материалистическом ракурсе этой идеологии – это чистейшая, нереализуемая утопия. Еще большей утопией считает Бердяев коммунизм, который также принадлежит к вымыслам западной секулярной мысли. Потому что, как пишет он в работе «Истоки и смысл русского коммунизма», коммунизм относится враждебно ко всякой религии и это составляет его основоположное мирозерцание. «Коммунизм по своей идее хотел бы осуществить не только справедливость, но и братство между людьми, – пишет Бердяев. – Но наивно думать, что братство между людьми может быть осуществлено путем внешней принудительной социальной муштровки, путем привычки, как говорил Ленин. Для этого нужно действие глубинных духовных сил. Материалистический и атеистический коммунизм или обречен на неудачу и на гибель или на созидание общества, подобного механизму, в котором нельзя уже будет различать человеческого образа» [6, с. 139].

Именно поэтому всякая рецепция так называемых «общечеловеческих» ценностей европейской цивилизации таит в себе культурную деформацию и, как показал Бердяев, деформацию политическую, моральную, духовную. То, о чем предостерегали еще славянофилы И.В. Киреевский, А.С. Хомяков и др. в XIX веке теоретически, он очень выразительно высказал уже применительно к самим исторически действенным событиям, произошедшим в России в начале XX века.

Как никогда актуально звучит ныне приговор Бердяева европейской культуре и цивилизации на фоне событий Второй мировой войны: «конец Европы как монополиста культуры,

как замкнутой провинции земного шара, претендующей быть вселенной» [7]. По оценке Бердяева, «внутренне этот исторический поворот подготовлялся кризисом европейской культуры, крахом позитивизма и материализма новейшего европейского сознания... Европа давно уже стремится преодолеть себя, выйти за свои пределы. Европа не есть идеал культуры вообще... Задача в том, чтобы конец Европы и перелом истории были пережиты в духовном углублении и с религиозным светом» [7].

Одновременно с критической оценкой исторического этапа европейской цивилизации, сделанной им во время событий Второй мировой войны, Бердяев положительно оценил победу России в этой войне, поскольку всегда верил в ее мессианское предназначение. И одновременно он страдал от того, что после победы в этой войне советский социальный строй только укрепился. Теперь он ждал изменений к лучшему преимущественно от будущих духовно-преобразовательных процессов, происходящих в глубинах психологии русского народа, от какого-то очередного иррационального прорыва духа.

Некоторые идеи философии свободы Бердяева были подвергнуты обоснованной критике. Так, В.В. Зеньковский в своей «Истории русской философии» отмечал односторонность и противоречивость понимания Бердяевым смысла духовной свободы и духовного творчества.

Неоднозначными и спорными выглядят его политико-правовые представления, связанные с идеями духовной свободы. Во всяком случае, трудно научно обосновать суждение Бердяева, что государство, по сути, порождается насилием как следствием общей греховности человечества. Так, он пишет, что «государство есть соединяющая, упорядочивающая и организующая онтологическая сила, преломленная во тьме и грехе. Принуждающая и насилующая природа государства сама по себе не есть зло, но она связана со злом, есть следствие зла и реакция на зло. Принуждение и насилие может быть добром, действующим в злой и темной стихии» [8, с. 55]. Соответственно, по мнению Бердяева, и законы, устанавливаемые государством, представляют собой лишь инструмент, который позволяет праву ограничивать зло, но отнюдь не могут служить всесторонней оценкой личности человека и его

свободы, духовная природа которой выходит за пределы компетенции государства. Право, по Бердяеву, лишь охраняет и защищает свободу человека, но не может предписывать ей единственно верные нормы поведения и осуществлять полновесную карательную функцию. В этой оценке роли права и государства и применения им «насилия» суждения Бердяева были во многом противоположны идеям другого выдающегося русского мыслителя И.А. Ильина, который в своих этических и философско-правовых работах выступал за определенное оправдание применения силы государством и действия от лица «воплощенного добра» для ограничения зла, хотя и признавал, что такое применение силы (которое не следует отождествлять с «насилием») и ограничение с точки зрения христианского нравственного идеала по отношению к духовной природе личности не может быть совершенным. Проблемный нерв

полемики Бердяева и Ильина по теме свобода-насилие и духовная природа личности – ограничивающая сила государства и права и в наше время выглядит «оголенным», вызывающим в среде ученых самые различные оценки и выводы.

Вместе с тем идеи философии свободы Бердяева в контексте критической оценки им европейской культуры и цивилизации и выросших на ее основе социальных концепций могут быть использованы в качестве актуального предостережения от слепого копирования ориентиров развития Запада. Сделанные Бердяевым критические оценки современного развития европейской цивилизации и западных социальных теорий, воплощенных на практике в советский период истории России, представляются вполне обоснованными и могут быть использованы для разработки идеологических парадигм социальной жизни в современной России.

Литература

1. История русской философии: учебник / под ред. М.А. Маслина. М., 2008.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества. URL: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-berdyayev/19916-smysl-tvorchestva-nikolay-berdyayev/read/page-17.html>.
4. Зеньковский В. прот. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. М., 1997.
5. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. URL: <https://filosoff.org/berdyayev/tvorchestvo/duxovnye-osnovy-russkoj-revoljucii/pagen/18>.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
7. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. URL: http://www.odinblago.ru/konec_evropi.
8. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин, 1923.

Bibliography

1. History of Russian philosophy: textbook / ed. by M.A. Maslin. Moscow, 2008.
2. Berdyaev N.A. Philosophy of the free Spirit. Moscow, 1994.
3. Berdyaev N.A. The meaning of Creativity. URL: <https://iknigi.net/avtor-nikolay-berdyayev/19916-smysl-tvorchestva-nikolay-berdyayev/read/page-17.html>.
4. Zenkovsky V. prot. Russian Thinkers and Europe. Russian Russian Thinkers' Critique of European Culture. Moscow, 1997.
5. Berdyaev N.A. Spiritual foundations of the Russian Revolution. URL: <https://filosoff.org/berdyayev/tvorchestvo/duxovnye-osnovy-russkoj-revoljucii/pagen/18>.
6. Berdyaev N.A. The Origins and Meaning of Russian Communism. Moscow, 1990.
7. Berdyaev N.A. The Fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality. URL: http://www.odinblago.ru/konec_evropi.
8. Berdyaev N.A. The philosophy of inequality. Letters to enemies on social philosophy. Berlin, 1923.

Резникова Анна Викторовна
Reznikova Anna Victorovna

доцент кафедры «Мировые языки и культуры» Донского государственного технического университета
кандидат социологических наук, доцент.

Associate Professor, the World Languages and Cultures Department, the Don State Technical University,
PhD in Sociology, Associate Professor.
E-mail: annreznikova@yandex.ru

Мельников Алексей Русланович
Melnikov Alexey Ruslanovich

магистрант факультета «Юридический» Донского государственного технического университета.

Postgraduate, the Law Faculty, the Don State Technical University.
E-mail: alexxej.melnikoff@yandex.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ
И РАЗУМНАЯ АДАПТАЦИЯ «ЯЗЫКА ЗАКОНОВ»
В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВА КАК НАПРАВЛЕНИЕ
ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Systematization of law, improvement of legal technique and reasonable adaptation
of the «law language» as direction of the legal policy of the Russian Federation**

В статье дается краткая лингвистическая характеристика юридического языка, а также рассматривается проблема доступности современного «языка российских законов» для рядового гражданина – человека с обыденным правосознанием. В контексте правовой политики и юрислингвистики исследуются тенденции развития юридической техники и стилистики с их влиянием на общую понятность законодательства. На примере некоторых законов и подзаконных актов проводятся лингво-юридический и юридико-технический анализ, а также ретроспективное сравнение юридических формулировок с точки зрения доступности, четкости и разумной лаконичности. Выделяются и сравниваются способы изложения правовых норм и приемы адресации к федеральным органам исполнительной власти. С учетом научных трудов отечественных правоведов и некоторых положений зарубежного законодательства (на примере Республики Беларусь, Украины, Грузии и Республики Казахстан), а также достигнутых результатов исследования предлагается проработать новые направления федеральной правовой политики для развития правовой культуры, систематизации права и улучшения качества законов. Также даются отдельные рекомендации по обеспечению стабильности правового регулирования и государственного управления.

Ключевые слова: государственный язык, номинативная адресация, отсылочная норма, понятность, правовая политика, разумная адаптация, ретроспективное сравнение, систематизация права, стабильность, функциональная адресация, юридическая стилистика, юридическая техника, юридический язык, язык законов.

The paper provides a brief linguistic description of the legal language, and also examines the problem of comprehensibility of the modern «language of Russian laws» for an ordinary citizen who is a person with ordinary legal knowledge. In the context of legal policy, the author examines trends in the development of legal technique and stylistics with their impact on the general clarity of legislation. Using the example of some laws and by-laws, a linguistic-legal and legal-technical analysis is carried out, as well as a retrospective comparison of legal formulations in terms of accessibility, clarity and reasonable brevity. The ways of presenting legal rules and methods of addressing to federal executive authorities are distinguished and compared. To consider the scientific works of Russian lawyers and some provisions of foreign legislation (for example, the Republic of Belarus, Ukraine, Georgia and the Republic of Kazakhstan) as well as the results of the study, it is proposed to work out new directions of the Federal Legal Policy to develop legal culture, systematize law and improve the quality of laws. Some recommendations are also given to ensure the stability of legal regulation and public administration.

Keywords: state language, nominative addressing, reference rule, comprehensibility, legal policy, reasonable adaptation, retrospective comparison, systematization of law, stability, functional addressing, legal stylistics, legal technique, legal language, law language.

Правовая политика Российской Федерации является одним из направлений внутренней государственной политики. Очевидно, что при ее выработке и реализации, а также в процессе правотворчества особая роль отводится не только формальным требованиям юридической техники, но и соблюдению норм русского литературного языка (государственного языка Российской Федерации [1, ч. 1 ст. 68]). При этом можно наблюдать, что современный «язык российских законов» – сам по себе достаточно специфический – в последнее время идет по пути усложнения, которое представляется неоправданным и нецелесообразным. Кроме того, существуют также проблемы недостаточной системности и некоторой фрагментарности законодательства. Полагаем, что все это может создать труднопреодолимые лингвоюридические барьеры для «рядовых» носителей русского языка с обыденным правосознанием.

Среди ученых-лингвистов бытуют споры о функционально-стилевой принадлежности юридического языка. Традиционно считается, что это – специальный подстиль официально-деловой речи, но некоторые исследователи придают ему самостоятельное значение [16]. В наиболее полном своем смысле «язык права» – понятие достаточно емкое: оно включает в себя набор лингвистических средств для составления нормативных и правоприменительных актов, судебных решений и договоров. Более узкое понятие «язык закона» тоже следует толковать расширительно, распространяя его как на собственно законы, так и на другие нормативные правовые акты. Независимо от того, как соотносить официально-деловой стиль с юридическим языком, нельзя отрицать, что сам «язык закона» давно уже вышел за чисто лингвистические рамки и стал предметом междисциплинарных исследований. Взаимосвязь и взаимопроникновение между юриспруденцией и лингвистикой породили новую синтетическую науку – юрислингвистику, которая стоит «на стыке языка и права» [10]. Н.Д. Голев отмечает, что язык попадает в правовое поле как «объект юридического регулирования», «средство законодательной деятельности», «средство и объект правоприменительной деятельности» и «средство юридической науки» [9, с. 40].

В рамках исследования мы обратимся к сфере законодательной деятельности.

Как пишет Н.В. Сплавская, для «языка законодательства» характерна формализация, так как «юриспруденция не может обойтись без разумного формализма» [14, с. 20]. Общеизвестно, что многие правовые термины, а также традиции написания и построения законов были унаследованы из римского права. Российская Федерация – член романо-германской правовой семьи, тоже учла этот опыт. Не будет преувеличением сказать, что правовое регулирование жизненно важно для общественного организма, поэтому к «правовому языку» нужен особо тщательный подход. Следовательно, законотворческий процесс подразумевает не только юридическую, но и лингвистическую экспертизу законопроектов.

Однако многие современные продукты российского нормотворчества, хотя и идеальные с позиций принятой юридической техники, на наш взгляд, выглядят неудачно с психолингвистической точки зрения, а также не вполне логичны по своему изложению и построению. Главная проблема видится не столько в формализме, сколько в злоупотреблении канцеляризмами, не вполне грамотном использовании отсылочных норм и некоторой разрозненности законодательства, вследствие чего смысл многих правил может «потеряться» и стать неочевидным для «рядовых» граждан.

Проблема понятности «языка права» – уже не новая для российских исследователей, но еще далеко не исчерпанная. В 2018 г. силами М.М. Болоковой и И.С. Кич состоялась постановка юрислингвистических проблем перед «простыми обывателями» – гражданами, «которые никак не связаны с юридической сферой деятельности или только начинают ее осваивать» [8]. Целью опроса было выяснить: «возможно ли с первого раза уловить мысль автора закона, понятны ли юридические термины без трактовки и является ли на самом деле их перевод доступным».

Респонденты были разделены на три категории:

- 1) студенты 1 курса направления подготовки «Юриспруденция» (возраст не уточнен);
- 2) граждане в возрасте от 18 до 22 лет;
- 3) граждане в возрасте от 40 до 65 лет.

Первая группа однозначно ответила, что «язык закона» понятен «не всегда», что «для уяснения необходимо перечитывать», а «для разъяснения – обращаться к преподавателям»

(нам представляется, что основная трудность здесь состоит в чем-то принципиально новом и углубленном, а известная формула «грызть гранит науки» – всегда справедлива для любой отрасли знаний).

Вторая группа, в большинстве своем ответила, что «язык права им понятен всегда, и разъяснений не требуется» (на наш взгляд, это свидетельствует о логике, интуиции, эрудиции, информированности и технической грамотности), высказалась о «внедрении разговорного сленга» для большей понятности (что, однако, представляется нам неприемлемым с точки зрения исключительной значимости правового регулирования), связала разъяснение законов с развитием правосознания и предложила ввести праворазъяснительный предмет в общеобразовательных учреждениях (введение правового воспитания как дисциплины в общеобразовательных учреждениях считаем допустимым и уместным).

Третья группа сказала, что не важно, «как написан закон – сложно или просто», «понятен ли обществу язык права», ведь им «руководствуются органы государственной власти», и «важно, чтобы они (*здесь*: представители органов государственной власти) понимали суть законов, могли их правильно применять и грамотно толковать». Данная точка зрения весьма противоречива. Бесспорно, органы государственной власти и их представители должны понимать законодательство, чтобы осуществлять государственные функции, оказывать государственные услуги, нести свои должностные и служебные обязанности. Но ведь государственные органы – это далеко не единственные «адресаты» законов. В первую очередь, законы пишутся для людей, и, поэтому, юридическая техника и «язык законов» должны быть человеко-ориентированными.

Как уже было сказано, государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык [1, ч. 1 ст. 68]. Вместе с тем республики вправе устанавливать свои собственные государственные языки [1, ч. 2 ст. 68], которые могут использоваться, в том числе, для нужд параллельного делопроизводства наряду с федеральным языковым стандартом.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) запрещает какую бы то ни было дискриминацию, в том числе по

языковому признаку [1, ч. 2 ст. 19]. Поэтому народы Российской Федерации вправе говорить на своих родных языках и свободно выбирать язык для формальной и неформальной коммуникации – для общения, воспитания, обучения и творчества [1, ч. 2 ст. 26]. Однако во всех государственных и муниципальных органах и учреждениях, в том числе на территориях республик, закон строго предписывает использовать именно русский язык в качестве основного государственного языка.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», использование русского языка обязательно для всех государственных и муниципальных органов, учреждений и организаций [3]. Статья 11 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» предполагает работу всех публичных органов на русском языке, разрешая при этом использовать языки республик на соответствующих территориях [2]. Следовательно, правотворческая функция на всех уровнях публичной власти осуществляется, в первую очередь, также на русском языке. Процесс и результаты законодательной деятельности, от внесения законопроекта до обнародования принятого закона, ведутся строго на русском языке, хотя в республиках они могут публиковаться и в языковой адаптации [2, п. 3 ст. 11, ст. 12].

Все это выражает мощное национально-государственное начало российского федерализма, из которого закономерно вытекают поликультурализм и полилингвизм [13]. Однако представляется, что адаптация законов должна протекать не только в языковой, но и в психолингвистической плоскости. Другими словами, в пределах нашего государства закон должен быть понятен каждому гражданину – независимо от языка, национальности, места жительства, возраста и образования.

Незнание законов не освобождает от ответственности, но ценность правознакомства не сводится лишь к «избеганию» юридической ответственности, а соблюдение закона не должно быть продиктовано лишь страхом перед наказанием. Независимо от гражданства, каждый имеет право знать свои права и обязанности. Поэтому в качестве важнейших направлений государственной правовой политики следует выделить систематизацию права, улучшение юридической техники, а также совершенствование «языка законов», а именно

его разумную адаптацию с соблюдением доступности, четкости и разумной лаконичности.

Как пишет Э. Ф. Мамедов, «именно правильное языковое изложение юридических норм в тексте закона предопределяет его ясность, простоту, четкость и доступность для понимания» [11, с. 166].

Для соблюдения всех этих принципов полезно обратить внимание на некоторый опыт зарубежного нормотворчества. В качестве правового примера ближайшего зарубежья можно рассмотреть Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах» [6, п. 1 ст. 28], который закладывает основные требования нормотворческой техники – универсальные и созвучные с вышперечисленными идеями: логичность построения нормативного правового акта; краткость и точность изложения нормативных правовых предписаний; полнота правового регулирования общественных отношений; ясность, простота и доступность языка изложения нормативного правового акта; единство терминологии в законодательстве, единообразии и однозначности терминологии нормативного правового акта.

В рамках юрислингвистического исследования нужно обратить особое внимание на краткость, точность, ясность, простоту и доступность, так как в этих качествах напрямую выражен сам «язык закона». Краткость и точность изложения нормативных правовых предписаний означают, что их содержание должно быть конкретным, однозначным и достаточным [6, абз. 1 п. 3 ст. 28], а ясность, простота и доступность языка призваны обеспечить не только физическую досягаемость и формальную «зримость» законодательства, но и общую понятность правовых предписаний.

По нашему мнению, большинство современных российских законов составлены таким образом, что их восприятие и толкование может быть существенно затруднено для граждан, не обладающих специальными юридическими познаниями. Кроме того, нам представляется, что едва ли не каждый закон страдает от искусственно усложненных синтаксических конструкций и лексической перегруженности. Полагаем, что это не способствует повышению правовой культуры, но может вызвать у «рядовых» граждан иррациональный страх перед

«буквой» закона. Действительно, чтобы уяснить и объяснить закон, многим приходится, как минимум, искать необходимую информацию в сети «Интернет», а, как максимум, – обращаться за квалифицированной юридической помощью (зачастую – платной). Но, к сожалению, эти блага доступны далеко не всем, и не каждый имеет право на бесплатную юридическую помощь [4, ст. 20].

Анализируя форму и содержание объективного права, можно выделить ряд юридико-технических и лингво-юридических проблем, которые негативно сказываются на общей юридической стилистике, чрезмерно усложняют систему права и утяжеляют «язык закона».

Прежде всего, следует обратить внимание на обилие источников права и многочисленные отсылки, что во многом связано с недостаточной системностью и слабой кодификацией отечественного права. С. Н. Болдырев справедливо указывает на «частое злоупотребление отсылочными нормами» [7, с. 27], которое нередко превращается, по словам А.Р. Султанова, в «бег по кругу» [15]. Автор анализирует отсылки между правовыми актами разной или равной юридической силы, в том числе между источниками федерального судебного-судейского права, которые отсылают друг к другу и обратно. Теоретически это можно сравнить с международно-частноправовым феноменом «обратной отсылки», но только в пределах национального законодательства.

Опираясь на исследование С.Н. Болдырева [7] и анализируя систему действующего права, можно убедиться в том, что существует большое количество разрозненных актов судебного-судейского законодательства:

– Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»;

– Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»;

– Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»;

– Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»;

– Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»;

– Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»;

– Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации».

Такой нормативный «разброс» свидетельствует о слабой системности российского законодательства. Как уже было сказано, многие его отрасли представлены разрозненными фрагментами (в частности, экологическое право, медицинское право, избирательное право и право социального обеспечения), что может существенно затруднить рядовым гражданам ориентацию в нашем правовом пространстве – для правовой самоидентификации, квалификации «своей» ситуации, поиска нужной нормы или же просто для ознакомления. Если сравнить законодательство Российской Федерации с законодательством Республики Беларусь, то последнее выглядит более развитым в плане кодификации. Например, по сравнению с вышеперечисленными законодательными актами «о судах и о судьях», единый белорусский Кодекс о судостроительстве

и статусе судей [5] организован на порядок компактнее. В связи с этим интересен тот факт, что А.С. Пиголкин был противником юридического «мелкотемья» и выступал за всеобщую кодификацию российского права [12]. Поэтому белорусская кодификационная работа может послужить наглядным пособием для нашего законодателя. Кроме того, полезно будет обратить внимание на ранее упомянутый Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» (своего рода «закон о законах» – «рекурсивный» источник права, где законодательство определяет и структурирует само себя, а также предъявляет к себе юридико-технические и языковые требования) [6].

Как отмечает Э.Ф. Мамедов, «качество нормативного правового акта во многом зависит от языка, которым он написан» [11, с. 167]. А от качества нормативного правового акта (в частности, закона), в свою очередь, во многом зависят качество, эффективность и стабильность правового государства. А обращаются ли к закону рядовые граждане или профессиональные правоприменители – это уже вторичный вопрос. Все равны перед законом, и закон должен быть равно доступным для всех. Поэтому законодателю всегда следует подходить к своему творчеству со всей перспективной ответственностью, чтобы всецело удовлетворить конечных его адресатов и «потребителей».

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята Всенародным референдумом 12 декабря 1993 года с поправками, утвержденными в ходе Общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета. 4 июля 2020 года. № 144.

2. Закон Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (ред. от 31 июля 2020 г.) // Ведомости КПД и СС РСФСР. 12 декабря 1991. № 50.

3. Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (ред. от 5 мая 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 6 июня 2005. № 23.

4. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 26 июля

Bibliography

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the National Referendum on December 12, 1993 with amendments approved during the All-Russian Vote on July 1, 2020) // The Russian Newspaper. July 4, 2020. № 144.

2. The Law of the Russian Federation № 1807-1 of October 25, 1991 «On the languages of the peoples of the Russian Federation» (ed. of July 31, 2020) // Sheets of the CPD and the SS of the RSFSR. December 12, 1991. № 50.

3. The Federal Law № 53-FZ of June 1, 2005 «On the State Language of the Russian Federation» (ed. of May 5, 2014) // The Collection of the Legislation of the RF. June 6, 2005. № 23.

4. The Federal Law № 324-FZ of November 21, 2011 «On the Free Legal Aid in the Russian Federation» (ed. of July 26, 2019) // The Collection of the Legislation of the RF. November 28, 2011. № 48.

2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 28 ноября 2011 года. № 48.

5. Кодекс Республики Беларусь «О судостроительстве и статусе судей» от 29 июня 2006 года № 139-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2006.

6. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативных правовых актах» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. № 30. 2018.

7. Болдырев С.Н. Отсылка как прием юридической // Философия права. № 5 (66). 2014.

8. Болокова М.М., Кич И.С. Язык права: взгляд на проблему глазами простых обывателей // Фундаментальные и прикладные исследования в гуманитарных и естественных науках: экономические, социальные, философские, политические, Правовые, научные аспекты. Новосибирск-Краснодар-Армавир-Саратов, 28 декабря 2017 г.: Материалы Международной научно-практической конференции: В 3 частях. Энгельс, 2018.

9. Голев Н.Д. О специфике языка права в составе общенародного русского языка // Юридическая лингвистика. № 5. 2004.

10. Голев Н.Д. Постановка проблем на стыке языка и права // Юридическая лингвистика. № 1. 1999.

11. Мамедов Э.Ф. Язык закона: к вопросу о значении терминов и дефиниций в текстах нормативных правовых актов // Вестник ИГЛУ. № 1 (26). 2014.

12. Пиголкин Ю.И., Должанский О.В., Золотенкова Г.В., Аметрин М.Д., Золотенков Д.Д. Судебно-медицинская оценка биологического возраста трупа по морфологическим изменениям кожи // Судебно-медицинская экспертиза. М., № 4. 2018.

13. Резникова А.В. Поликультурное образование: диалог культур // Гуманитарные, социально-экономические и социальные науки. № 5. 2013.

14. Сплавская Н.В. Значение языка российского законодательства в современной законотворческой деятельности // Государство и право в XXI веке. № 1. 2014.

15. Султанов А.Р. Правотворческие ошибки и Европейский суд по правам человека // Российский судья. № 3. 2009.

16. Шепелев А.Н. Язык права как самостоятельный функциональный стиль: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2002.

5. The Code of the Republic of Belarus «On the judicial system and status of judges» № 139-Z of June 29, 2006 // The National Register of legal acts of the Republic of Belarus. 2006. № 107.

6. The Law of the Republic of Belarus № 130-Z of July 17, 2018 «On normative legal acts» // The National Register of legal acts of the Republic of Belarus. 2018. № 30.

7. Boldyrev S.N. Reference as a method of legal technique // Philosophy of law. № 5 (66). 2014.

8. Bolokova M.M., Kich I.S. Language of Law: Looking at the problem through the eyes of ordinary people / ed. by N.N. Panarin, S.S. Chernov // Fundamental and Applied Research in Humanities and Natural Sciences: Economic, Social, Philosophical, Political, Legal, Scientific Aspects. Novosibirsk-Krasnodar-Armavir-Saratov, December 28, 2017: Materials of the International Scientific and Practical Conference: In 3 parts. Engels, 2018.

9. Golev N.D. On the specifics of the language of law as part of the national Russian language // Legal linguistics. № 5.2004.

10. Golev N.D. Formulation of the problems at the intersection of language and law // Legal linguistics. № 1. 1999.

11. Mamedov E.F. Language of the law: to the question of the meaning of terms and definitions in the texts of normative legal acts // Bulletin of ISLU. № 1 (26). 2014.

12. Pigolkin Yu.I., Dolzhansky O.V., Zolotenkova G.V., Ametrin M.D., Zolotnikov D.D. Forensic medical assessment of the biological age of the corpse by morphological changes in the skin. Moscow, № 4. 2018.

13. Reznikova A.V. Multicultural education: a dialogue of cultures // Humanities, socio-economic and social sciences. № 5. 2013.

14. Splavskaya N.V. The value of the language of Russian legislation in modern legislative activity // State and law in the XXI century. № 1. 2014.

15. Sultanov A.R. Law-making errors and the European Court of Human Rights // Russian judge. № 3. 2009.

16. Shepelev A.N. The language of law as an independent functional style: dis. ... PhD in Law. Tambov, 2002.

Ходусов Алексей Александрович
Khodusov Aleksey Aleksandrovich

заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института
кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Criminal Law Disciplines, the International Law Institute, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: yustas-73@mail.ru

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И МЕХАНИЗМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ
СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗРЕШЕНИЯ
ПРОБЛЕМ ЕГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ**

**The main directions and mechanisms of modernization of the modern model
of the social state in the Russian Federation in the context of resolving
the problems of its state and legal foundations**

В статье раскрывается теоретическая основа социального государства и исторические аспекты его развития. Анализируются существенные характеристики социального государства. На примере Российской Федерации определяются основные характерные черты современного социального государства, выделяются направления его развития и механизмы достижения поставленных целей.

Ключевые слова: социальное государство, политика, социальная защита, модернизация, открытость, диалог, доверие.

The paper reveals the theoretical basis of the social state and the historical aspects of its development. It analyzes the essential characteristics of the social state. On the example of the Russian Federation, the authors determine the main attributes of the modern social state; distinguish the directions of its development and the mechanisms for achieving the formulated goals.

Key words: social state, politics, social protection, modernization, openness, dialogue, trust.

Проблемы государственно-правовых основ становления и развития социального государства традиционно относятся к числу ключевых в правоведении различных государств, в том числе России. Многими авторами проводятся актуальные научные исследования, методологически достаточно точно показывающие суть происходящего в политике, культуре и в обществе нашей страны. Однако в научных публикациях наблюдается некоторая неопределенность и противоречивость в подходах к пониманию сущности проблем социального государства. Ввиду наличия различных точек зрения к исследуемому объекту возникают многочисленные споры о природе современного социального государства и перспективах его трансформации.

Признание государства социальным является главной задачей каждой страны. Именно с целью получения титула «социальное госу-

дарство» стране предстоит пройти долгий путь на этапе своего существования, там, где работает институт общества и, интересы граждан являются высшей ценностью государства.

Социальное государство осуществляет социальное регулирование, которое связано с поддержанием общественной дисциплины, организацией и развитием общественных отношений, минимизацией социального неравенства и обеспечением социальных прав и свобод граждан.

Социальное государство должно обладать рядом характеристик. Первой из таковых можно назвать установление и фиксацию в государственных актах правового регулирования обязанностей государства перед гражданами. Второй характеристикой можно назвать необходимость органов государственного управления реализовывать возложенные на них социальные задачи и функции, при этом

в некоторых ситуациях – при помощи средств силы и силового воздействия. Это, безусловно, основано на требовании исполнения социальных функций ввиду установленных норм принуждения, например, при исполнении задач охраны общественного порядка (средства физического воздействия) или при распределении доходных источников для исполнения принятых социальных программ (средства мягкой силы).

В то же время само социальное государство заинтересовано в выполнении своих обязанностей. Воля к самосохранению вынуждает органы государственного управления применять для достижения установленной цели все допустимые правом средства управления.

В государстве, которое именует себя социальным, провозглашены человек как высшая ценность, его права и свободы как объект охраны, идеи развития общества и поддержки граждан как ценностные ориентиры. При этом его эффективность оценивается не через количество принятых федеральных законов, региональных программ и муниципальных актов применения, через призму достигнутых с их помощью результатов: динамика уровня и качества жизни, изменения в уровне доходов основных групп населения, уровни безработицы и иное. В социальном государстве все институты власти нацелены на установленные руководством страны задачи и цели развития.

Сегодня сущностные аспекты социального государства включают в себя вопросы развития социально-экономических отношений в стране между ее участниками: гражданами, организациями и непосредственно государством. В перечень таких вопросов входят качественные характеристики всех сфер социального блока, в том числе уровень жизни населения, объем доходных источников граждан, их занятость и т.д.

Согласно Конституции РФ 1993 наша страна – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [3]. То есть, основными качественными характеристиками РФ с точки зрения идей социального государства до поправок в основной закон страны 2020 года являлись свободное развитие человека и его достойная жизнь.

Для обеспечения данной конституционной гарантии Глава государства через органы государственной власти и местного самоуправления посредством реализации федеральных, региональных и муниципальных программ обеспечивал достижение запланированных показателей государственного развития, в том числе в рамках решения задач формирования социального государства.

Но государственное устройство и механизмы его поддержания требуют постоянной модернизации. Динамическое развитие общественных укладов, происходящее под воздействием внешних факторов влияния (международные отношения, интеграция ИТ-сферы во все сферы общественной жизни и др.) и внутренних особенностей их формирования (менталитет народов РФ, специфика русской психологии и т.д.), требует замены направлений и механизмов государственного управления. Социальная сфера страны также не является исключением.

По мнению автора, для поддержания статуса РФ как социального государства важно постоянно модернизировать механизмы достижения социальных целей и реализовывать наиболее перспективные и действительно необходимые на текущий момент времени направления модернизации.

На государственном уровне в 2020 году в нашей стране произошли яркие изменения направлений социального развития. Свое отражение они нашли в обновленной Конституции РФ. Для сравнения, слово «социальный» в различном применении встречается в основном законе страны 1993 года 16 раз, тогда как в обновленной редакции – 26.

Вместе с тем следует отметить, что характеристика России как социального государства в документах 1993 года и 2020 года не изменилась: это страна, в которой политика нацелена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Вместе с тем есть некоторые особенности современной политики РФ, направленной на поддержание статуса страны как социального государства.

Механизмами модернизации определены федеральная политика и федеральные программы, суть которых характеризует текущее состояние социальной сферы и определяет

направления развития страны, формируемые на принципах единоначалия правовых основ социальной сферы. К примеру, правовое регулирование отдельных вопросов социального развития, поддержания приоритетных социальных категорий должно гармонизировать на всех уровнях управления, то есть иметь общие правовые начала и принципы правоприменения.

Вопросы социальной защиты и социального обеспечения как направления модернизации также получили подтверждение в обновленной Конституции. Например, сегодня, с учетом складывающейся в мире тревожной ситуации со здравоохранением, государство должно переключать на себя заботу и поддержку за всеми гражданами страны. Механизмами такой поддержки явились материнский капитал, единовременные выплаты гражданам, субсидии малому и среднему бизнесу, наиболее пострадавшему из-за ситуации с коронавирусной инфекцией, выплаты на первого и второго ребенка, единовременное пособие на детей до трех лет, ежемесячные выплаты на детей с 3 до 7 лет и другие.

Следует отметить, что указанные механизмы новой модели социального государства нацелены на поддержку граждан и субъектов экономики. В основе применения обновленных механизмов поддержки лежит принцип адресности применения.

По мнению О.И. Карпенко, цель принципа адресности состоит не в идее охватить всех и каждого системой мер социального обеспечения, а напротив, не допустить, исключить возможность включения в категорию нуждающихся лиц тех, кто в действительности не нуждается и, в состоянии иметь собственный источник средств к существованию [1, с. 79].

Термин «адресность» в исследуемом аспекте подразумевает пересмотр имеющегося списка граждан, которым оказываются меры поддержки (помощи), в целях определения среди них, наиболее нуждающихся лиц, без получения которыми мер социальной поддержки будут нарушаться принципы социального государства. В такой ситуации в основе градации получателей мер социальной помощи с учетом принципа адресности лежит идея, связанная с имеющейся у людей потребностью.

В случае если пересмотр имеющегося списка граждан, которым оказываются меры поддержки (помощи), проводится в целях выявления наиболее уязвимой категории людей с точки зрения их социальных рисков (отсутствие заработной платы, инвалидность, потеря кормильца и т.д.), то в основе градации получателей мер социальной помощи с учетом принципа адресности лежит идея, связанная с определенной категорией граждан.

Вариантом применения принципа адресности можно назвать выплаты гражданам мер социальной поддержки в виде единовременных выплат, суть которых не завязана на имеющийся у гражданина доход. В такой ситуации их получают не только нетрудоспособные лица, но и люди, имеющие постоянный заработок. Именно на этом примере можно увидеть принцип гибкости и продуманности адресной социальной помощи.

Следует отметить, что идея адресности содержит и тезис о том, что поддержку нужно оказывать тем лицам, которые самостоятельно не имеют возможности выйти из затруднительной жизненной ситуации.

Грамотное и экономически целесообразное социальное управление невозможно без использования адресной социальной помощи. При этом критерии оказания такой помощи могут быть закреплены как на федеральном уровне, так и быть установлены и реализуемы на уровне организации. Локальная социальная помощь с учетом адресности характеризует хозяйствующий субъект (организацию) как социально ориентированный.

Одним из новых направлений развития в социальном государстве определено благосостояние граждан, доверие между ними и государством, социальная солидарность.

С.С. Солдатова указывает, что понятие «благосостояние граждан страны» взаимосвязано с такими концептуальными понятиями как «уровень жизни» и «качество жизни». При этом под «уровнем жизни» общепринято понимать – уровень потребления граждан материальных и нематериальных благ, а так же степень удовлетворения общества результатами функционирования производственной, финансовой, социальной систем [2].

Механизмами достижения задач повышения качества жизни граждан на федеральном уровне определяют следующее (рис. 1).

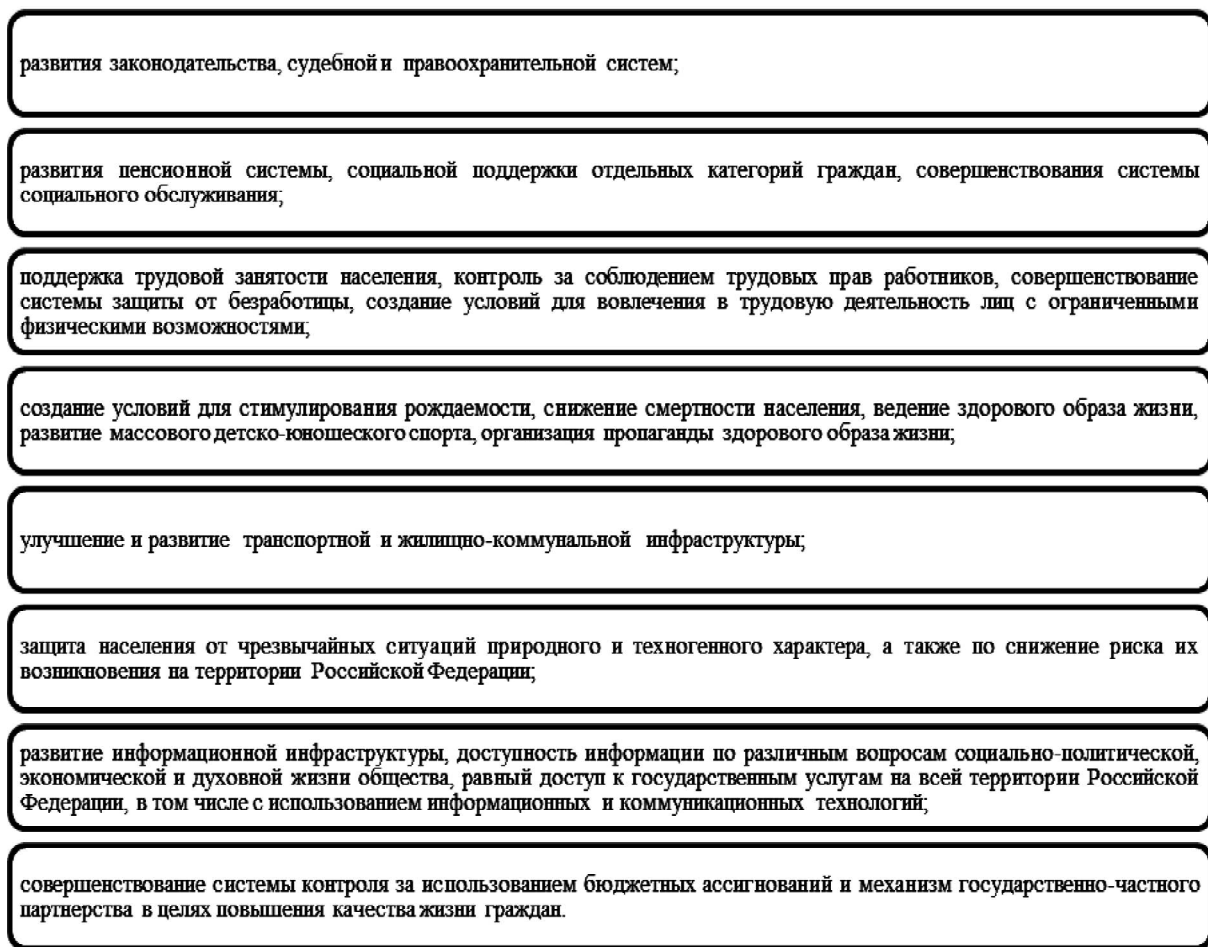

Рис. 1. Механизмы достижения задач повышения качества жизни граждан

Президент РФ В. Путин еще в 2019 году указывал, что чиновник «приходит на государственную или муниципальную службу решать насущные проблемы граждан», следовательно, должен иметь высокий профессиональный уровень, быть отзывчивым и сопереживающим человеком. Интересы общества и граждан – вот основной принцип, который быть в умах каждого современного чиновника и управленца. Высокомерия по отношению к получателям государственных (муниципальных) услуг быть не должно [4].

Модернизация государственного аппарата является одним из механизмов повышения уровня доверия к правительству. Инициативы по улучшению, по идее, делают качество предоставления государственных услуг более явным и повышают его. Это, в свою очередь, приводит к удовлетворенности граждан, что приводит к повышению доверия к правительству.

Еще одним способом повышения доверия является рост уровня открытости государственного и муниципального управления.

Первое направление оценки открытости органов государственной власти – это открытость информации.

Сегодня этот критерий оценивается на основании оценки сайтов федеральных органов власти по объему и качеству предоставления информации, оценка реагирования на информационные запросы граждан и на информационные запросы журналистов.

Перспективным механизмом достижения роста уровня открытости власти и, соответственно, укрепления социального государства является «открытый диалог», то есть организация взаимодействия государства и граждан, позволяющего последним влиять на принимаемые решения в процессе их выработки и имплементации, а не только на выборах. Открытый диалог подразумевает участие граждан и бизнеса в принятии государственных решений и возможность контролировать их качество.

Благодаря новым цифровым технологиям граждане могут участвовать в политических дебатах и влиять на принятие государственных

решений. Диверсификация каналов взаимодействия в государственном секторе повышает эффективность сотрудничества в поиске взаимовыгодных решений.

Органы государственной власти в России были информатизированы с 90-х годов прошлого века. Реализован ряд государственных программ по развитию цифрового правительства и информационного общества. Создана информационная инфраструктура, занимающаяся автоматизацией алгоритмизированных функций, разработкой федеральных реестров, баз данных, государственных информационных систем и цифровых государственных услуг на всех уровнях управления. Коммуникативными эффектами являются улучшение обратной связи, вовлечение граждан в обсуждение вопросов государственного управления, развитие инноваций.

Следует отметить, что, например, Европейская социальная модель также основана на демократии, в значительной степени опирающейся на социальное участие и вовлечение граждан в общество и общественные институты.

Поддерживаемой во всех странах Европы идеей является идея социального диалога, который воспринимается ими как основной метод, с помощью которого социальная сфера и экономика будут иметь поступательное развитие. Кроме того, эти страны оценивают и эко-

номическую сторону возможностей социального диалога. По их обоснованному мнению он экономически целесообразен, чем достижение целей военным путем.

В государствах, которые совсем недавно стали участниками Европейского Союза, социальный диалог не мог развиваться при прежних режимах, поддерживаемых Советским Союзом, и поэтому они должны были развивать его и создавать новые институты в ходе своего трансформационного процесса демократизации. По этим же историческим причинам во многих таких государствах гражданское общество характеризуется скудным участием в общественной жизни и недоверием к государственному управлению.

Кроме того, на европейском уровне Европейский социальный диалог рассматривается как уникальный и незаменимый компонент европейской социальной модели, имеющий четко определенную основу. Он реализуется посредством проведения дискуссий, консультаций, переговоров и совместных действий.

Все это – примеры механизмов модернизации современной модели социального государства в Российской Федерации. Опыт европейских государств является довольно перспективным в рамках определения дальнейших направлений модернизации социального государства в Российской Федерации.

Литература

1. Карпенко О.И., Павловская О.Ю. Адресная социальная помощь: история, современность, перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 1. 2018.
2. Солдатова С.С. Повышение уровня благосостояния граждан России: проблемы и перспективы. URL: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/bFBQJjB2vVby.pdf>.
3. Конституция Российской Федерации. URL: <http://konstitucija.ru/1993/1>.
4. Восстановление доверия – базовое условие успеха России. URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26948.1/4000269>.

Bibliography

1. Karpenko O.I., Pavlovskaya O.Y. Targeted social assistance: history, modernity, prospects // Law. Journal of the Higher School of Economics. № 1. 2018.
2. Soldatova S.S. Improving the well-being of Russian citizens: problems and prospects. URL: <https://elib.pnzgu.ru/files/eb/bFBQJjB2vVby.pdf>.
3. Constitution of the Russian Federation. URL: <http://konstitucija.ru/1993/1>.
4. Restoring trust is a basic condition for Russia's success. URL: <https://www.vologda.kp.ru/daily/26948.1/4000269>.

Кобец Петр Николаевич
Kobets Peter Nikolayevich

главный научный сотрудник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России доктор юридических наук, профессор.

Chief Research Assistant, the Center for Organizational Support of Scientific Activities, All-Russian Research
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

E-mail: pkobets37@rambler.ru

О ВАЖНОСТИ РАЗРАБОТКИ КОМПЛЕКСНЫХ МЕР НАИБОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНО ПРОТИВОДЕЙСТВУЮЩИХ УГРОЗАМ БИОТЕРРОРИЗМА

About importance of developing integrated actions that most effectively counteract bioterrorism threats

Сегодня специалисты различных областей и сфер жизнедеятельности все чаще начинают обращать внимание на проблематику противодействия биологическим угрозам, которые могут исходить от международных террористических организаций. Являясь разновидностью терроризма, биотерроризм, выступая в качестве особого явления не только представляет колоссальную опасность для всего живого, но также в случае складывания определенных неблагоприятных условий для современного общества, может выступить в качестве деструктивного механизма провоцирующего глобальные изменения в мире, которые в итоге приведут к изменениям мирового геополитического расклада сил, реформатированию нынешних общественных отношений и существующих в настоящее время параметров и характеристик социального пространства. Биологический террористический акт может повлечь не только массовые людские потери, но и затраты по его ликвидации.

Ключевые слова: противодействие терроризму, террористическая угроза, биооружие, биологический террор, борьба с биотерроризмом, биотехнологии, биоинженерия, борьба с преступностью, Всемирная организация здравоохранения, Организация Объединенных Наций, международное сотрудничество.

Today, the experts in various fields and spheres of the life activity are increasingly beginning to pay attention to the problems of the counteracting biological threats that may come from international terrorist organizations. As a form of terrorism bioterrorism is not only a special phenomenon that may be a tremendous danger to the whole creation, but also in case of certain unfavorable conditions for modern society, can act as a destructive mechanism that provokes global change in the world, which will eventually lead to changes in the global geopolitical spectrum, reformatting of current social relations and current parameters and characteristics of social space. A biological terrorist act can lead not only to the massive human loss, but also to the costs of its elimination.

Keywords: counterterrorism, terrorist threat, bio-weapons, biological terror, fight against bioterrorism, biotechnologies, bioengineering, fight against crime, World Health Organization, United Nations, international cooperation.

Террористическая активность затрагивает не только какие-то отдельные страны, эта деятельность все больше начинает приобретать транснациональный характер, поскольку рассматриваемый феномен с каждым годом наращивает свои преступные мощности. В ходе рассматриваемого процесса в XXI столетии претерпевают изменения не только цель, средства и подходы к выполнению террористических атак, но также происходит формирова-

ние и появление новых террористических направлений [1, с. 95]. И если на заре террористической деятельности в качестве цели проведения террористического акта террористами предусматривалось в основном уничтожение какой-то одной личности, то в современных условиях они нацеливаются на результат, который бы заканчивался многочисленными людскими жертвами и масштабными разрушениями [2, с. 42].

Первостепенное значение противодействию террористическим угрозам неоднократно подчеркивалось Президентом Российской Федерации В.В. Путиным [3], в том числе и в Посланиях Федеральному собранию Российской Федерации [4] и на расширенных заседаниях коллегий МВД России. Президентом страны указывалось на необходимость наращивания сил для упреждения и пресечения актов терроризма [5, с. 3].

В условиях начала нового тысячелетия в отечественных и зарубежных научных источниках не перестают обсуждаться проблемы, связанные с биологическим оружием. Во многом данное обстоятельство продиктовано наличием различных фактов, связанных с реализацией в отдельных государствах научно-исследовательских проектов и технологий, способствующих исследованию проблематики создания биологического оружия. При этом данные проекты по формальным признакам ни коем образом не нарушают нормы Конвенции 1972 г. по запрещению разработки, производству и накоплению биооружия.

По мнению представителей Организации Объединенных Наций (далее – ООН) и Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), биологический терроризм является одним из наиболее опасных видов проявления террора [6, с. 61]. А Генеральным секретарем Интерпола еще в 2005 г. было заявлено, что совершение биотеррористической атаки является вопросом времени [7].

По большому счету реальная опасность биологического терроризма обусловлена ростом числа специалистов-биотехнологов и наличием доступной информацией, которая касается технологии по производству биопрепаратов [8, с. 25].

В Российской Федерации и за рубежом все чаще появляются научные исследования по проблемам биологических угроз и биотерроризма. И неспроста большинство отечественных и зарубежных специалистов по рассматриваемой проблематике в своих научных исследованиях не оставляют без внимания проблемы биологического терроризма. Эта проблема с каждым годом становится все актуальнее, и вот почему. Так в частности, ученые Всероссийского центра катастроф «Защита» обеспокоены экспортом военных биологических лабораторий США в страны ближнего зарубежья –

Молдову, Украину, Грузию. Они также отмечают, что с каждым годом в мире значительно увеличивается число исследований в биологической сфере с недостаточно понятными целями и задачами. Кроме того, в условиях XXI столетия только в США произошло ряд случаев, в которых фигурировали особо опасные патогены [9, с. 45].

На Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. была проведена сессия, которая специально посвящалась вопросам влияния на экономику эпидемий. Во время работы сессии были обсуждены проблемы, связанные со снижением рисков возникновения чрезвычайных ситуаций, которые вызывают инфекционные заболевания.

Проблема биологического терроризма стара как мир. Во время ведения боевых действий в 1442 г. в Чехии, во время битвы при Карлштейне зараженные чумой трупы бросали в ряды наступавших противников, провоцируя большие человеческие жертвы [10, с. 15]. В прошлом столетии и начале нового тысячелетия биологическое оружие широко не использовалось при совершении террористических атак, однако обращение к историческим источникам свидетельствует о многочисленных случаях, когда биологические поражающие вещества были применены для военных целей [11, с. 12].

В современных условиях микроорганизмы, специально отобранные либо созданные искусственно для проведения акта биотерроризма представляют из себя биологические агенты. По оценкам зарубежных экспертов поражающими биологическими средствами могут обладать природные инфекционные агенты с новыми свойствами. Среди наиболее ярких примеров таких агентов выступают вирусы SARS и MERS [12, р. 185]. Иностранцы специалисты уверены, что применение новейшего биологического оружия, разработанного с помощью генетической инженерии, неизбежно приведет к апокалипсису.

До настоящего времени официального определения биотерроризма не существовало. Многолетнее исследование проблематики терроризма позволяет сделать автору данной работы определение термину биологический терроризм, как применение различных биологических агентов либо биологических компонентов, используемых при производстве биологического оружия для причинения ущерба жизни,

здоровья и общественной безопасности в политических либо идеологических целях.

Среди основных целей и задач лидеров биотерроризма является политическое и экономическое влияние, инструментами данной разновидности терроризма являются биологические агенты – возбудители опасных заболеваний [13, с. 55]. Важнейшая сдерживающая причина, по которой бактериологическое оружие раньше активно не использовалось при террористических атаках, это то, что практически невозможно предотвратить неконтролируемое распространение патогенов, которые имеют высокую вирулентность (способность штамма вируса вызывать заболевание) и кантагиозность (степень передачи вируса от больного организма здоровому).

К примеру, в результате проведенной биологической террористической атаки в США в 2001 г. посредством отправления в почтовой корреспонденции патогенных биологических агентов перестали нормально функционировать многие государственные учреждения и частные компании. На три года закрылся один из крупнейших в стране сортировочных почтовых центров, находящихся в г. Вашингтон, также был закрыт на несколько лет крупнейший сортировочный центр печатной корреспонденции США. Кроме того, в указанном почтовом центре ежедневно обрабатывалось около одного миллиона финансовых чеков для погашения кредитов и счетов [14, с. 42]. Идея проведения террористической атаки посредством пересылки в виде почтовой корреспонденции возбудителей инфекционного заболевания была сформулирована еще во время второй мировой войны канадским нобелевским лауреатом Фредериком Бантингом [15, с. 287].

По мнению зарубежных экспертов, если бы в США биотеррористы использовали для проведения террористического акта не возбудители инфекции сибирской язвы, а иные – легко распространяемые среди населения, то вполне вероятно, что жертв было бы гораздо больше, а террористический акт перерос в крупномасштабную эпидемию [16, р. 11]. В этой связи одним из важнейших направлений противодействия биотерроризму в США на сегодняшний день является разработка интеллектуальной системы немедленного реагирования на биотеррористические атаки. Кроме того, в США успешно развивается и финансируется ряд некоторых

целевых программ – «Биоцит», «Бионаблюдение» и др., которые способствуют разработке систем мониторинга городов биосенсорами по немедленному обнаружению биологических агентов [17, с. 182].

Возбудителями вирусных инфекций, которые очень быстро распространяются среди населения являются вирусы таких заболеваний, как натуральная оспа, геморрагические лихорадки Марбурга, Эбола, Ласса и др. Биологическое оружие может воздействовать пролонгировано, скрыто в том числе вызывая в течение короткого времени массовое количество жертв.

Эксперты в рассматриваемой сфере указывают на то, что наибольший эффект при применении биологического оружия достигается при использовании аэрозольного метода. При этом ими отмечается, что биологическое оружие может быть применено и через водные источники, продукты питания, различные предметы и др. Действие биологического оружия может быть скрытым и пролонгированным и в краткосрочный временной период применения заканчиваться массовыми людскими жертвами [18, с. 256].

Биотерроризм обладает определенными разновидностями. Он может иметь классические формы, как например теракты, проведенные в США в 2001 г., приведшие к летальным исходам, во время которых люди вскрывали конверты с почтовыми отправлениями, в которых находились споры сибирской язвы. В то же время имеют место быть акции по устрашению населения, в которых применяются не летальные патогены и токсины, вызывающие панику среди властей и остальной части граждан.

Проведенное исследование причин и условий способствующих проявлению особого интереса террористов к биологическому оружию показало, что его использование для совершения террористической атаки, в первую очередь, обусловлено особенностями этого оружия и преимуществами в сравнении с рядом других видов оружия массового поражения, среди которых имеют приоритет: скрытое применение биологического оружия, длительность его воздействия, возможное одновременное использование разных биоагентов, распространение эпидемии на большой территории, массовые жертвы за непродолжительный временной период, в то же время длитель-

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ный период и сложности по идентификации некоторых биологических агентов. Биоагенты обладают инкубационным периодом заболевания, во время которого их носитель преодолевает большое расстояние и не находится в первоначальном месте распространения. А также использование биологических агентов не влечет за собой разрушение и повреждение технических сооружений, оно гибко применяется и не уступает по поражающей характеристике другим видам оружия массового поражения.

В соответствии с высокой опасностью последствий, актов биотерроризма, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет, что обеспечению национальных интересов Российской Федерации будут мешать угрозы распространения оружия массового уничтожения и возможное его попадание к террористам. В этой связи мониторинг биобезопасности должен проводиться при обязательном анализе оперативной ситуации, информация о которой предоставляется различными способами наблюдения за санэпидемсостоянием потенциально опасных объектов и их территорий.

Решением данных вопросов должны заниматься высоко подготовленные специалисты различных областей и сфер от эпидемиологов, биомедицины до иммунологии. И даже несмотря на относительно хорошо развитую систему элементов мониторинга инфекционных заболеваний в Российской Федерации, автор полагает, что следует согласиться с мнением ведущих экспертов относительно необходимости создания единого центра мониторинга инфекционных заболеваний.

В сложившейся ситуации необходимо прикладывать усилия по формированию общенациональных планов противодействия биологическому терроризму, поскольку возможность биологической террористической угрозы становится реально опасной. Потенциальные угрозы, связанные с возможными террористическими актами биотеррористов, диктуют необходимость более активного обучения населения нашей страны основам борьбы с особо опасными инфекциями.

Литература

1. Кобец П.Н. Опыт и проблемы противодействия международному терроризму на объектах атомной энергетики // Научный портал МВД России. № 4 (44). 2018.

Проведенный анализ потенциальных биотеррористических атак свидетельствует о том, что проблематику, связанную с решением первоочередных задач по гарантированию безопасности и выработке совершенных способов недопущения актов биотерроризма, следует обсуждать не только в контексте обеспечения национальной безопасности, а также в ходе развития международного сотрудничества, так как только на такой основе возможен комплексный подход и решение рассматриваемой задачи.

Важно также подчеркнуть, что в настоящее время в нашей стране действуют Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, ФЗ «О противодействии терроризму», а также Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, однако ряд важных аспектов в сфере борьбы с биологическим терроризмом остались вне правоприменительной сферы. В этой связи ведущие отечественные правоведы отмечают о необходимости разработки дополнительного протокола о незаконном использовании и распространении биотехнологий к Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [19, с. 15].

Таким образом, анализ современных угроз и оценка их рисков, связанных с использованием биологического оружия террористическими организациями, позволяет автору утверждать, что ученые различных областей науки, военные специалисты, известные политики, представители гражданского общества в значительной степени озабочены возможными последствиями атак биотеррористов, которые в современных условиях становятся объективной реальностью, в которой деструктивные тенденции общественного развития могут превратиться в нежелательную перспективу для социума. В этой связи, не следует исключать варианты, при которых обеспечение биологической безопасности населения страны может стать важнейшим условием выживания государства.

Bibliography

1. Kobets P.N. Experience and problems of countering international terrorism at nuclear power facilities. Scientific portal of the Ministry of internal Affairs of Russia. № 4 (44). 2018.

2. Кобец П.Н. Совершенствование антитеррористических мер безопасности на объектах транспорта // Научный портал МВД России. № 1 (49). 2020.

3. Путин назвал борьбу с терроризмом одним из безусловных приоритетов России. URL: <https://ria.ru/20181011/1530446636.html>.

4. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации от 03.12.2015 г. б/н. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542>.

5. Путин В. Базовая задача – обеспечение кардинального перелома ситуации с преступностью // Профессионал. № 2. 2016.

6. Симанович Л.Н. Нормативно-правовое регулирование предупреждения химического и биологического терроризма в рамках международного сотрудничества // Национальная безопасность и стратегическое планирование. № 1 (17). 2017.

7. Интерпол предупреждает о биотерроризме. URL: <http://www.inopressa.ru/jposf/2005/11/22/12:06:44/Шерпо1>.

8. Онищенко Г.Г., Топорков А.В., Липницкий А.В., Викторов Д.В. Проблемы противодействия биологическому терроризму на современном этапе // Инфекционные болезни. Новости. Мнения. Обучение. № 1 (14). 2016.

9. Суранова Т.Г. Состояние нормативной правовой базы по классификации биологических угроз // Медицина катастроф. № 3 (9). 2016.

10. Соколова С.Н., Соколов С.А. К вопросу о биотерроризме и безопасности // Проблемы безопасности российского общества. № 1. 2013.

11. Симонова Е.А. Международно-правовые аспекты борьбы с биотерроризмом: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

12. Richards C.F., Burstein J.L., Waecherle J.F., Hutson H.R. Emergency Physicians and Biological Terrorism // *Annals of Emergency Medicine*. № 8. 1999.

13. Кобец П.Н. Противодействие терроризму в авиационной сфере: положительный опыт и проблемы. Российский следователь. № 9. 2018.

14. Тарасенко А.А., Мачалова Ж.Г., Лещева Н.А. Воздействие низкочастотного электромагнитного излучения на микроорганизмы // Ветеринарные науки. № 4 (16). 2014.

2. Kobets P.N. Improvement of anti-terrorist security measures at transport facilities. Scientific portal of the Ministry of internal Affairs of Russia. № 1 (49). 2020.

3. Putin called the fight against terrorism one of Russia's absolute priorities. URL: <https://ria.ru/20181011/1530446636.html>.

4. Message of the President to the Federal Assembly of the Russian Federation dated 03.12.2015 b/n. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542>.

5. Putin V. The basic task is to ensure a cardinal change in the situation with crime // *Professional*. № 2. 2016.

6. Simonovic L.N. Legal regulation of prevention of chemical and biological terrorism in the framework of international cooperation, national security and strategic planning. № 1 (17). 2017.

7. Interpol warns of bioterrorism. URL: <http://www.inopressa.ru/jposf/2005/11/22/12:06:44/Шерпо1>.

8. Onishchenko G.G., Toporkov A.V., Lipnitsky A.V., Viktorov D.V. Problems of countering biological terrorism at the present stage // *Infectious diseases. News. Opinions. Training*. № 1 (14). 2016.

9. Suranova T.G. State of the regulatory legal framework for classification of biological threats // *Disaster medicine*. № 3 (9). 2016.

10. Sokolova S.N., Sokolov S.A. On the issue of bioterrorism and security. Security problems of the Russian society. № 1-2013.

11. Simonova E. A. International legal aspects of the fight against bioterrorism: abstract of dis. ... PhD in Law. Moscow, 2007.

12. Richards C.F., Burstein J.L., Waecherle J.F., Hutson H.R. Emergency Physicians and Biological Terrorism // *Annals of Emergency Medicine*. № 8. 1999.

13. Kobets P.N. Counteraction to terrorism in the aviation sphere: positive experience and problems. *Russian investigator*. № 9. 2018.

14. Tarasenko A.A., Machalova Zh.G., Leshcheva N.A. Impact of low-frequency electromagnetic radiation on microorganisms // *Veterinary science*. № 4 (16). 2014.

15. Supotnitsky M.V. Biological warfare: introduction to the epidemiology of artificial epidemic processes and biological lesions. Moscow, 2013.

16. Martin J.W, Christopher G.W, Eitzen E.M. History of biological weapons: from poisoned

15. Супотницкий М.В. Биологическая война: введение в эпидемиологию искусственных эпидемических процессов и биологических поражений. М., 2013.

16. Martin J.W, Christopher G.W, Eitzen E.M. History of biological weapons: from poisoned darts to intentional epidemics // Textbooks of military medicine. Medical aspects of biological warfare / Ed. Z.F. Dembek. Washington, 2007.

17. Столяр В.П., Фесенко В.В., Захаров В.А., Правильникова И.В. Исследования по созданию систем интеллектуальной поддержки при биотерактах // В сборнике: Совершенствование гражданской обороны в Российской Федерации Материалы V Научно-практической конференции. 2008.

18. Седова М.А. Проблема биотерроризма в современном мире // В сборнике: Правовая система современной России: проблемы и перспективы их преодоления Материалы IV Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Под редакцией А.Ф. Марукова и М.Ю. Сергомасова. 2013.

19. Бобылов Ю.А. Новое биологическое оружие: Смена парадигмы российского геополитического мышления // Национальная безопасность и геополитика России. № 3-4. 2005.

15. darts to intentional epidemics // Textbooks of military medicine. Medical aspects of biological warfare / Ed. Z.F. Dembek. Washington, 2007.

17. Stolyar V.P., Fesenko V.V., Zakharov V.A., Pravilynikova I.V. Research on the creation of intellectual support systems for bio-attacks // In the collection: Improving civil defense in the Russian Federation Materials of the V Scientific and practical conference. 2008.

18. Sedova M.A. the Problem of bioterrorism in the modern world // In the collection: the Legal system of modern Russia: problems and prospects of overcoming them Materials of the IV all-Russian conference of students, postgraduates and young scientists. Edited by A.F. Marukov and M.Yu. Sergomasov. 2013.

19. Bobylov Yu.A. New biological weapons: Changing the paradigm of Russian geopolitical thinking // National security and geopolitics of Russia. № 3-4. 2005.

Ищенко Дмитрий Петрович
Ishchenko Dmitry Petrovich

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Senior Lecturer, the Department of Criminal Law and Criminology, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law.

E-mail: idp161@yandex.ru

Григорян Давид Кромвелович
Grigoryan David Kromvelovich

старший преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России кандидат политических наук.

Senior Lecturer, the Department of of criminalistics and operational-search activities, Rostov law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Politics.

E-mail: davo-davo23@mail.ru

Напханенко Игорь Павлович
Napkhanenko Igor Pavlovich

заведующий кафедрой «Административное право и уголовно-правовые дисциплины» Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines, the Rostov State Transport University, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: nip1966@yandex.ru

**ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**Basic principles and directions of counteraction to the extremist
and terrorist activities**

В предлагаемой статье на основе законодательно закрепленных принципов противодействия террористической деятельности раскрывается сущность и состояние современной международной и национальной террористической угрозы, принявшей в последние десятилетия XX – начале XXI вв. глобальный характер, реально угрожающий человеческой цивилизации, миру и спокойствию населения нашей планеты. На основе приведенной криминологической характеристики и практических примеров рассматриваются направления деятельности государственных органов и общественных организаций, объединений в противодействии экстремистской и террористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, террористическая угроза, государство, государственная политика, принципы, направления, закон, преступления, общество, общественные организации.

Based on the statutory principles of counteraction to the terrorist activities, this paper discusses issues and the state of the modern international and national terrorist threat, which got a global issue that really threatens human civilization, peace and tranquility of the population of our planet in the last decades of the XX century and the beginning of the XXI century. Basing on the mentioned criminological characteristics and practical examples, the authors study the areas of activity of the state bodies and public organizations, associations in the sphere of counteracting to the extremist and terrorist activities.

Keywords: terrorism, terrorist threat, state, state policy, principles, directions, law, crimes, society, public organizations.

На современном этапе развития общества общественные связи становятся сложнее. Появляются новые способы общения, огромные пласты информации постоянно находятся в

движении. Управление государственными и общественными институтами требует значительных усилий, осознания масштабов и проблем, требующих решения.

Социум всегда характеризовался наличием категории недовольных существующими порядками. Они всегда хотят что-то менять, но иногда средства, которые они выбирают не только незаконны, но и разрушительны, как для государства, так и для общества. Именно поэтому терроризм как общественно опасное явление получает устойчивую поддержку у недовольных индивидов. Вовлечение новых последователей и распространение идеологии обуславливает масштабы и опасность вспышки проявлений экстремизма и терроризма. Современный экстремизм, особенно религиозный, неотделим от терроризма, поэтому его следует рассматривать с позиции как наиболее опасного проявления экстремистской деятельности (его крайнюю форму).

Терроризм как наиболее разрушительное для государства и общества явление негативно воздействует и на развитие структурных элементов преступности угрожает всем сферам жизнедеятельности, влияет на политические, экономические, социальные, морально-психологические, социокультурные процессы в обществе [1]. Это сложное социальное явление, которое связано с насильственным и психологическим давлением на каждого человека.

На рубеже XX–XXI веков терроризм проявил себя на международном уровне. Масштабные теракты прошли во многих странах, Россия не стала исключением. Масштабные атаки терроризма в форме захватов заложников, взрывов жилых домов и в местах массового скопления людей произошли в городах Чечни, Буйнакске, Волгодонске, Моздоке, Москве, Санкт-Петербурге.

На первый взгляд может показаться, что экстремистская и террористическая угроза не самая опасная, число зарегистрированных преступлений данной категории в общей массе преступлений ничтожно.

Состояние преступности в Российской Федерации за период с января по декабрь 2019 характеризует количество зарегистрированных преступлений:

- всего 2 024,3 тыс. преступлений;
- преступлений террористического характера 1 806 (+7,6 %);
- преступлений экстремистской направленности 585 (-53,8 %) [2].

Но террористическая угроза носит системный характер, посягает на мир и согласие между различными национальными, религиоз-

ными и социальными группами российского общества, кроме этого на политическую и правовую стабильность, именно в этом их главная опасность [3].

Сегодня угроза терроризма не спадает, его проявления всегда неожиданны и все больше нацелены на мирное население. Современный терроризм развивается, приобретает большие возможности, техническую оснащенность, использует современные технологии, он вышел на высокий уровень международной организации, участвует в обороте больших финансовых средств, которые сложно проконтролировать. Происходит слияние терроризма с организованными преступными группами, занимающимися незаконным оборотом наркотиков, торговлей оружием, работоторговлей, вымогательством. Террористические организации имеют собственную структуру подразделений внутреннего управления, противодействия государству, распространения идеологии и вовлечения новых последователей.

Еще одна характеристика – это размытие национальных границ. Если раньше группировки дислоцировались на территории только одного государства, то сейчас в результате процесса глобализации терроризм стал международным, более того межконтинентальным. Эти особенности усложняют деятельность всех субъектов противодействия данному негативному явлению, поэтому борьба с ними также должна выходить на новый уровень.

Сущность терроризма как преступного явления раскрывает совокупность основных признаков. Так, общественная опасность заключается не только в угрозе жизни, здоровью и причинению материального ущерба, но и распространении радикальной идеологии.

Террористические акты носят публичный характер исполнения. Действия террористов направлены прежде всего на создание особой атмосферы напряжения, страха и ужаса для каждого человека. Психологическое воздействие является не конечной целью террористов, а лишь одним из способов их достижения, для понуждения государства и общества к определенным действиям.

Насилие, как способ воздействия, направлено в отношении конкретных лиц, но фактически воздействует на неопределенный круг лиц, распространяя ужас и хаос.

Исходя из исторических примеров и современных реалий, необходимо выделить три основных вида терроризма: политический, национальный и религиозный, которые также подразделяются на подвиды.

Политический терроризм отличает мотивация, цель – сопротивление, противопоставление легитимной государственной власти, действующим институтам государственного управления. Именно политический терроризм исторически появился первым и является самым масштабным.

Национальный терроризм реализуется по этническому признаку. Он проводится национально-политическими группами меньшинств, которые обосновывают превосходство определенной национальности или нации, пытаются добиться автономии или суверенитета.

Религиозный терроризм обоснованно признается самым опасным. Его основой является религиозный фанатизм, превозношение одной религии над всеми остальными.

Но к какому бы виду терроризм не относился, какие бы цели не преследовал, как бы не был подпитан политическими взглядами, это всегда явление криминальное, которое должно преследоваться по закону.

Несмотря на то что многие ученые и практики активно изучают данное направление, террористических организаций меньше не становится, многие аспекты остаются малоизученными.

Имея большой опыт борьбы с экстремизмом и терроризмом, выработаны и законодательно закреплены основные принципы и направления противодействия данным проявлениям. Выработанная концепция должна стать «спасательным кругом», который поможет искоренить данное явление.

Противодействие терроризму должно рассматриваться, как комплексная деятельность государственных органов и общественных организаций, объединений в пределах их компетенции в соответствии с национальным законодательством. Это прежде всего деятельность по реализации мер правового, политического, социально-экономического, идеологического и иного характера, направленная, в первую очередь, на предупреждение и, конечно, на пресечение, раскрытие преступлений террористического характера и осуществление уголовного правосудия в отношении террористов, минимизацию последствий актов терроризма [4].

Так, Федеральный закон «О противодействии терроризму» определяет основные принципы противодействия. К ним относятся:

- обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- законность;
- приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности;
- неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности;
- системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму;
- приоритет мер предупреждения терроризма;
- единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций;
- сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму;
- конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников;
- недопустимость политических уступок террористам;
- минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма;
- соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности [5].

Данные принципы охватывают всю систему искоренения терроризма в целом, т.е. они – составляющие основной цели государственной власти и государственных органов в данном направлении деятельности.

За долгие годы борьбы с терроризмом в мире и в России разработан ряд методов, механизмов и специальных технологий государственного реагирования и прогнозирования возникновения потенциальной угрозы зарождающихся процессов и вспышек террористических актов.

Мировой и российский опыт показывают, что применение только правоохранительных методов не дает результата, важно устранить

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

причины и условия терроризма, лишить его потенциальных последователей.

Эффективней и проще пресечь, чем разбирать ужасающие последствия огромных масштабов. Важную роль играет не устранение последствий, а предупреждение возникшей угрозы. Стратегия пресечения террористических актов на стадии их подготовки или даже только планирования – это тот результат, которого добиваются специальные службы для идеально эффективной борьбы с террористическими актами.

Учитывая эти факторы, следует не только разрабатывать меры профилактики по недопущению проявлений терроризма на территории страны, но и нейтрализовать угрозы извне.

Государство постоянно преобразовывает законодательство в сфере противодействия терроризму. Так, в Уголовном кодексе выделена глава 24, которая предусматривает ответственность за преступления против общественной безопасности. Особое место в этой главе уделено наступлению ответственности за терроризм, а также пропаганду радикальных идеологий. В основе лежит реализация принципа неотвратимости наказания, т.е. неизбежности применения. Кроме указанных норм, непосредственно предусматривающих санкции за указанные преступления, важно устранять законодательные и правоприменительные пробелы в сфере оборота оружия, наркотических средств и психотропных веществ, миграционные потоки, а также регулирования всех сфер общественных взаимоотношений в обществе.

На законодательном уровне нормативные правовые акты предусматривают меры предупреждения, затрагивая все сферы жизни социума. Однако реализация этих норм не всегда эффективна.

Например, ресурсы сети «Интернет» широко применяются для формирования и пропаганды деструктивных и радикальных идей. В свободном доступе размещаются материалы экстремистского и террористического характера, в том числе уже признанные судом экстремистскими, кроме того многочисленные инструкции по изготовлению оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств, наркотических средств, психотропных веществ. Несмотря на активную работу органов власти, она не достигает необходимых результатов, потому что доступ к ресурсам неограничен территориально. Эта сфера предоставления информации слабо подвержена оперативной цензуре.

Другое важное направление – это политическая сфера. Бесспорно, улучшение международных, межгосударственных отношений, заключение международных договоров, активное сотрудничество ослабят политические конфликты, снизят террористическую угрозу. Однако зачастую при принятии решений международная безопасность уступает место политическим, экономическим, а в ряде случаев амбициям лидеров некоторых государств.

В социально-экономической сфере важно минимизировать недовольство населения. Государство проводит оздоровление экономики регионов, нивелирует социальное неравенство, оказывает социальную помощь гражданам. Однако не всегда распоряжения и указания федеральной власти исполняются должным образом на уровне субъектов, присутствуют ошибки и просчеты, о чем в частности свидетельствуют обращения граждан во время проведения «прямой линии» с Президентом России.

Культурная сфера должна охватывать пропаганду гуманитарных, общечеловеческих ценностей, истинных религиозных догм и принципов. Деятельность всех институтов государства и общества должна быть направлена на внушение населению отторжения, неприятия проявлений экстремизма, террора и насилия.

Особое место в системе по предупреждению террористических актов занимают СМИ. В опубликовании информации заинтересованы не только органы государственной власти, но и сами террористы. Для них важно не только показать результаты их катастрофических действий, но и пропагандировать свои идеи. Поэтому важно не допустить, ограничить доступ последователей террористических организаций к технике, оборудованию и ресурсам информирования и особенно сети «Интернет».

Ярким примером тому является привлечение к уголовной ответственности в 2017 году Романа Терновского, который через свою страницу в Facebook размещал материалы с прямыми призывами к осуществлению экстремистской деятельности, пропагандировал деятельность экстремистской организации «Правый сектор». Следствием установлено, что подозреваемый является членом запрещенной Верховным судом РФ экстремистской организации, неоднократно принимал участие в пикетах, митингах и иных общественно-массовых мероприятиях [6].

Другой пример противоправной преступной деятельности: Северо-Кавказский окружной

военный суд приговорил к восьми годам заключения в колонии строгого режима 32-летнего дагестанца Сайфулу Махмудова за участие в боях на стороне сирийских террористов. В ходе судебного разбирательства установлено, что подсудимый с июня 2013 года по июнь 2015 года был участником запрещенной в России террористической организации «Исламское государство», в частности, он охранял лагерь боевиков, сопровождал перевозку террористов, обучал «новобранцев» военным навыкам и участвовал в боях при Алеппо и Ракке против сирийских правительственных войск [7].

С древнейших времен дезинформация выступает мощнейшим оружием. В нынешних реалиях ввести смуту в обществе довольно легко при помощи сети «Интернет», все чаще средства массовой информации из средства обмена информацией перерастают в мощный инструмент агитации и пропаганды, к сожалению, не всегда позитивных и конструктивных ценностей, настроений. В настоящее время пользователями высоких технологий и информационной перегруженности сложно отсечь правду от лжи.

Большая часть молодежи пользуется интернетом, как источником получения, обмена информацией. Западный развлекательный контент с их ценностями и мнением плотно укрепился в нашем обществе из-за чего сложно гарантировать создание правильного мнения о нынешнем государстве, поддержание определенного образа и укрепления патриотизма среди населения.

Получая большой объем противоречивой информации у молодежи может сформироваться неправильное общественное мнение и как следствие, формирование агрессии к согражданам и государственной власти.

Если говорить о конкретных действиях по предупреждению терроризма, то основные обязанности в этом направлении лежат на правоохранительных органах. К ним можно отнести: патрулирование улиц, парков; сопровождение железнодорожного, водного, воздушного транспорта; обеспечение безопасности на массовых мероприятиях; пограничный и таможенный контроль; проверка сотрудниками лицензионно-разрешительной системы; оперативная работа.

Предупредительная работа подразумевает под собой проведение оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, установлению лиц, причастных к террористической деятельности, и ликвидация точек их сосредоточения.

Для эффективной реализации данной задачи функционирует следующая система мер:

- противодействие идеологии терроризма;
- разработка и применение правовых, организационных, технических мер, направленных на защиту граждан и объектов, которые могут стать целью террористической организации;

- усиление контроля за соблюдением специальных административно-правовых режимов.

На современном этапе эффективно зарекомендовали себя такие формы предупреждения, как внутригосударственный политический, правовой, международный политический и институциональный контроль.

Внутригосударственный политический контроль над терроризмом и международным терроризмом включает в себя общеуголовную политику государства в отношении терроризма, как самостоятельное направление деятельности государства в сфере законодательства, определения структуры органов исполнительной власти, порядок и форму их функционирования, а также степень участия общественных институтов в борьбе с преступностью.

Для эффективного контроля и предупреждения терроризма в государстве должна эффективно реализовываться программа противодействия террористическому насилию по следующим направлениям:

- сотрудничество всех органов законодательной, исполнительной и судебной власти с общественными институтами и конечно средствами массовой информации;

- активизация разъяснительной и просветительской работы среди всех слоев населения, независимо от возрастных и социальных характеристик;

- улучшение подготовки сотрудников и не только правоохранительных органов по вопросам предупреждения преступности, включая разработку специальных курсов профессиональной подготовки по борьбе с терроризмом;

- обеспечение эффективного контроля за источниками повышенной опасности, в том числе над оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и другими опасными материалами, которые могут попасть в руки лиц для использования в преступных целях;

- эффективное противодействие проникновению на территорию Российской Федерации незарегистрированного оружия и контрабанды;

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

– расширение сотрудничества между различными правоохранительными и судебными органами, уделяя должное внимание уважению и соблюдению прав и свобод человека и гражданина нашей страны;

– разработка программ общего правового просвещения для расширения осведомленности общества с привлечением средств массовой информации для разъяснения населению опасности террористической угрозы;

– эффективная защита свидетелей, судей, работников правоохранительных органов, участвующих в судебных процессах по делам о террористических актах;

– разработка руководящих принципов для средств массовой информации для недопущения создания сенсаций и оправдания террористического насилия;

– определение направлений сотрудничества между государствами в уголовно-правовых вопросах на всех уровнях системы обеспечения соблюдения законов и уголовного правосудия.

Институционный контроль подразумевает создание систем, которые нацелены на борьбу и противодействие терроризму. В Российской Федерации эта система состоит из двух институтов: институт уголовной юстиции и система обеспечения национальной безопасности. Систему национальной безопасности России определяет Концепция национальной безопасности Российской Федерации [8].

Для обеспечения эффективной борьбы с терроризмом необходимо одновременное взаимодействие всех структур, обеспечивающих безопасность общества. Важно комплексное воздействие на все социально значимые структуры и факторы, способствующие прогрессированию терроризма. Все эти функции по ликвидации терроризма должны поддерживаться органами государственной власти и другими специализированными подразделениями, но при этом обязательно по ряду направлений привлечение общественности. Кроме этого, государственная власть должна активно финансово поддерживать антитеррористические службы как государственные, так и общественные.

Деятельность Министерства внутренних дел по борьбе с терроризмом играет значимую роль. Органы внутренних дел участвуют в противодействии терроризму в пределах своей компетенции путем разработки и реализации профилактических мер, обеспечения режимных

процессов, а также путем воспитания в людях нетерпимости и отторжения даже мыслей о занятиях преступной деятельностью, в особенности, террористической. Ведомственные структуры, обеспечивающие общественную безопасность, должны находиться в постоянной готовности на случай возникновения угрозы.

Важнейшее условие повышения результативности борьбы с терроризмом – это своевременное получение упреждающей информации не только о замыслах членов организаций по совершению террористических актов, источниках снабжения оружием, финансирования, но и о бытовых конфликтах населения, которые могут перерасти в межнациональные и межконфессиональные конфликты. Крайне важно своевременно отслеживать те или иные тенденции в обществе, чтобы своевременно принимать решения и определять острые актуальные проблемы. Возможность следить за уровнем напряженности в обществе и находить реальные причины этой напряженности, конфликтности, агрессивности поможет управлять ситуацией.

Как показывает практика, не меньшую опасность представляют проявления в форме так называемого «потребительского» экстремизма, когда споры между представителями этнических национальностей отдельные лица, желая прикрыть свою незаконную деятельность, выдают за существующую мнимую угрозу национальным чувствам.

Как пример, в ноябре 2019 года возник конфликт в Константиновском районе Ростовской области между местным казачьим атаманом и фермером, даргинцем по национальности. Последний, понимая, что представители казачества могут законным способом лишиться его пастбищ, умышленно придал экономическому спору межнациональный окрас, ссылаясь на притеснение его по национальному признаку. Без своевременного вмешательства правоохранительных органов данная ситуация могла перерасти в межнациональный конфликт со всеми вытекающими последствиями.

Другой конфликт с применением травматического и охотничьего оружия произошло в июне 2018 года в Заветинском районе Ростовской области между семьями этнических чеченцев, в ходе которого получили ранение три человека. При этом данный конфликт практически спровоцировал массовое этническое противостояние двух чеченских тейпов.

Только своевременно принятые сотрудниками полиции и региональными органами государственной власти совместные меры способствовали его локализации и позволили стабилизировать сложившуюся ситуацию в чеченском землячестве.

Аналогичное столкновение произошло в Орловском районе Ростовской области 22.10.2019, возникло на почве длительного неразрешения вопроса по использованию земель сельскохозяйственного назначения и выпасу скота между представителями семей чеченского и кистинского землячеств. В результате погибли три человека, и двое ранены [9].

Указанные примеры ярко показывают, как бытовые конфликты могут перерасти в межнациональные. Данные факторы требуют вновь проанализировать проблемы этнических анклавов, в том числе занимающихся законной деятельностью, таким как разведением скота либо выращиванием сельскохозяйственных культур.

Не меньшую опасность представляет информация о девиантном, потенциально опасном в своем развитии поведении отдельных представителей и групп, в частности при осуществлении прозелитской деятельности, принятие религиозных воззрений лицами, традиционно ее не исповедующими.

Так, в 2016 году задержана преступная группа в составе трех девушек славянской национальности гражданки Г., К., С., принявшие Ислам, исламские имена «Сумайя», «Хадиджа» и «Ясмينا», готовили проведение террористического акта путем взрыва на территории Ростовской области. Южным окружным военным судом осуждены по ч. 1 ст. 30 п. «а», 2 ст. 205, ч. 2 ст. 222.1 УК РФ [10].

Приведенные результативные примеры деятельности правоохранительных органов разнообразны и несомненно свидетельствуют о правильно выбранных направлениях и эффективности государственной политики про-

тиводействия террористической и экстремистской угрозе. Однако полагаем, что наличие данных проявлений говорит о недостаточном участии в данной деятельности всех институтов общества и государства. С точки зрения эффективности противодействия террористической и экстремистской угрозе необходимо стремиться к нейтрализации всех угроз, причин и условий. Возникающие конфликты, недовольство, несогласие должны решаться на основе правовых и общечеловеческих принципов и ценностей.

Говоря об основополагающих принципах жизнедеятельности нашего общества, важно отметить, что каждый представитель социума помнит о своих правах, однако забывает об установленных обязанностях.

Главным показателем проводимой работы должно быть отсутствие преступлений, угроз, конфликтов. Для достижения данного результата требуется участие всего общества, не допустимо формальное отношение, безучастность, активное задействование средств массовой информации, общественных организаций, объединений и наиболее перспективной части общества (его будущего) – молодежи.

Подводя итог, полагаем, что принятие законодательных и организационных мер в следующих направлениях положительно повлияет на государственную и общественную безопасность:

- осуществление цензуры и ограничение доступа к информации террористического, экстремистского содержания, а также, пропагандирующей и призывающей к противоправным действиям;

- пропаганды межконфессионального, межнационального согласия, взаимного уважения и неприятия идеологии терроризма;

- поиск и разработка новых форм воздействия в отношении «социально опасной» категории граждан, прежде всего – профилактического и воспитательного характера.

Литература

1. Алексеев С.Л. Криминология и превентивно-педагогическая подготовка будущих офицеров: монография под ред. Ю.М. Кудрявцева. Казань, 2013.

2. Состояние преступности в России за период январь-декабрь 2019 года: Статистические данные ФКУ ГИАЦ МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450>.

Bibliography

1. Alekseev S.L. Criminology and preventive and pedagogical training of future officers: monograph, ed. Yu.M. Kudryavtseva. Kazan, 2013.

2. The state of crime in Russia for the period January-December 2019: Statistical data of the PKU GIATS of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450>.

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

3. Курбанов А.А. Борьба с экстремизмом и терроризмом // Фэн-наука. № 3 (42). 2015.

4. Малиновский О.Н., Лихачев Н.А. К вопросу о международно-правовой борьбе с терроризмом // Жизнь права: Правовая теория, правовая традиция и правовая реальность. Материалы II Международной научно-практической конференции. 2017.

5. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в редакции от 18.03.2020) «О противодействии терроризму». СПС «КонсультантПлюс».

6. Экстремиста из «Правого сектора» задержали в Ростове. URL: <https://161.ru/text/gorod/58230721>.

7. В Ростове-на-Дону террориста осудили на восемь лет колонии. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4080963>.

8. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». СПС «КонсультантПлюс».

9. Полиция допрашивает фермеров «Новоселовского» по делу о перестрелке. URL: <https://161.ru/text/incidents/66280294>.

10. Двум студенткам-смертницам вынесли приговор в Ростове. URL: <https://161.ru/text/gorod/51235401>.

3. Kurbanov A.A. The fight against extremism and terrorism // Feng Science. № 3 (42). 2015.

4. Malinovsky O.N., Likhachev N.A. To the question of the international legal fight against terrorism // Life Law: Legal theory, legal tradition and legal reality. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. 2017.

5. Federal Law of 06.03.2006 № 35-FZ (as amended on 03.18.2020) «On countering terrorism». LRS «ConsultantPlus».

6. An extremist from the «Right Sector» was detained in Rostov. URL: <https://161.ru/text/gorod/58230721>.

7. In Rostov-on-Don, a terrorist was sentenced to eight years in a colony. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4080963>.

8. Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 № 537 «On the national security strategy of the Russian Federation until 2020». LRS «ConsultantPlus».

9. The police are interrogating the Novoselovsky farmers in the shootout case. URL: <https://161.ru/text/incidents/66280294>.

10. Two female suicide bombers were sentenced in Rostov. URL: <https://161.ru/text/gorod/51235401>.

Плясов Константин Анатольевич
Plyasov Konstantin Anatolievich

начальник Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Head of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: rui@mvd.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА И ВЫЕМКИ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Features of the search and seizure in cases of crimes in the field of foreign economic activity

В статье представлены результаты проведенного исследования, раскрыты особенности производства обыска и выемки по делам о преступлениях в сфере внешнеэкономической деятельности. Предметом исследования выступили закономерности предупреждения, раскрытия, расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: криминалистика, комплексная методика, следственные действия, внешнеэкономическая деятельность, обыск, выемка, тактические приемы.

The paper presents the results of the study, reveals the features of the search and seizure in cases of crimes in the field of foreign economic activity. The regularities of prevention, disclosure, and investigation of crimes in the field of foreign economic activity were the subject of this study.

Keywords: forensic science, complex methodology, investigative actions, international economic activity, search, seizure, tactical techniques.

«Новым двигателем мировой экономики должны стать суперсовременные технологии, при этом они определяют технологический суверенитет государства», – отметил Президент РФ В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме – 2019 [1]. В стране созданы предпосылки, фундамент для того, чтобы «выстраивать экономику нового типа с высокотехнологичной промышленностью, хорошим экспортным потенциалом...» [2].

Мировая экономика и торговля в 2020 году испытали колоссальное влияние последствий распространения коронавирусной инфекции COVID-19, обусловленные необходимостью введения мер, ранее никогда не применявшихся в мирное время: руководство стран ввели ограничения в сфере экономической деятельности, в том числе связанной с межстрановым движением рабочей силы, товаров, услуг.

Пандемия COVID-19, в совокупности с уже активно углубившимися трендами деглобализации и протекционизма, проявлениями торговых войн, усиливает негативное воздействие на результативность внешнеэкономической деятельности, делает угрозу спада внешнеэкономической

деятельности (далее – ВЭД) долгосрочной. Для России углубились старые и появились новые вызовы и так уже доказавшей свою неэффективность экспортно-сырьевой модели ВЭД: замедление темпов экономического роста, экономическая самоизоляция, экологические процессы, необходимость работы преимущественно онлайн и др.

Внеэкономическая деятельность России, таким образом, в 2019 году испытывала последствия краткосрочных глобальных изменений и более длительных тенденций, имеющих место почти десятилетие [3].

Вопросы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД сегментируются в рамках двух противоположных групп детерминант их научного познания в объективной действительности:

1. Риски, угрозы:

а) пандемия COVID-19; б) торговые войны; в) замедление мировой экономики; г) глобальный протекционизм; д) глокализация; е) рост преступности и ее качественные изменения.

2. Необходимость и возможности:

а) меры по созданию технологического суверенитета России; б) выстраивание экономи-

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

ки нового типа, с высокотехнологичной промышленностью, хорошим экспортным потенциалом.

В правоприменении основной единицей уголовно-процессуального и, соответственно, криминалистического познания выступает следственное действие.

Следственные действия, как уголовно-процессуальные средства борьбы с преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности, нами классифицированы по следующим направлениям:

I. Следственные действия вербального характера при расследовании преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности (5 727 из 10 623, то есть 53,91 % всех проведенных следственных действий, в среднем на одно уголовное дело приходится 12,53 таких действий).

II. Невербальные следственные действия при расследовании преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности: сущность, типичные проблемы и пути их разрешения (3 924 из 10 623, то есть 36,93 %, в среднем на одно следственное действие приходится 8,58 таких действий).

III. Следственные действия комплексной природы (972 из 10 623, то есть 9,16 %, и в среднем на одно следственное действие приходится 2,12 таких действий).

Следственные действия представляют собой группу процессуальных действий, предусмотренную уголовно-процессуальным законом, и обеспеченную мерами государственного принуждения, совокупность поисковых, познавательных и удостоверительных приемов, действий, операций, реализуемых при расследовании преступлений в сфере ВЭД, соответствующих типовым следам материального и идеального характера, направленных на эффективный поиск и фиксацию содержащейся в них доказательственной и иной криминалистически значимой информации.

Нами изучено 457 уголовных дел по делам о преступлениях в сфере ВЭД, на первоначальном этапе которых проведено 10 623 следственных действий. Из них по степени распространенности:

1. Допрос – 5 486 раз (51,64 %).
2. Осмотр – 3 352 раза (31,55 %).
3. Назначение и производство судебной экспертизы – 653 раза (6,14 %).

4. Задержание подозреваемого – 297 раз (2,79 %).

5. Очная ставка – 241 раз (2,26 %).

6. Получение образцов для сравнительного исследования – 214 раз.

7. Обыск. Выемка – 162 раза (2,01 %).

8. Проверка показаний на месте – 89 раз (0,83 %).

9. Освидетельствование – 78 раз.

10. Следственный эксперимент – 35 раз.

11. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами – 11 раз.

12. Опознание – 3 раза.

13. Наложение ареста на имущество – 2 раза.

Появление неблагоприятных, конфликтных и неординарных ситуаций влечет допущение следующих тактических и методических ошибок:

– отсутствие анализа ситуаций, возникающих как во время совершения (до, во время, после), так и при раскрытии и расследовании изучаемых категорий преступлений;

– непоследовательная версионная работа;

– отсутствие плановости при производстве следственных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– недостаточное использование арсенала криминалистической тактики (особенно остро проявляется при осуществлении тактических приемов и их комбинаций при производстве первоначальных следственных действий);

– отсутствие связанности следственных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– отсутствие деятельности субъекта предварительного расследования по выявлению новых эпизодов или эпизодов-предикатов;

– ненадлежащее взаимодействие субъектов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений в сфере ВЭД;

– не проводится ряд следственных действий (экспертизы, обыск, выемка и др.), когда это необходимо.

Ведущие криминалисты отмечают, что «при производстве расследования по подавляющему большинству уголовных дел, независимо от категорий преступлений, систематически возникает потребность в осуществлении следственных действий, направленных на изъятие широкого круга объектов, указывающих

на следы преступления и причастность к ним определенных лиц, выступающих орудием или средством преступного посягательства, а также отражающих иную информацию, позволяющую установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Процессуальными формами изъятия данных объектов является обыск и выемка, регламентированные ст. 182 и 183 УПК РФ» [4].

Типовые особенности проведения обыска и выемки связаны с предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) по делам о преступлениях в сфере ВЭД.

Укрупненными типовыми обстоятельствами преступлений в сфере ВЭД является то, что преступная деятельность субъекта таких преступлений, несмотря на принимаемые меры по маскировке и другим мерам сокрытия, так или иначе, отражается в документах (таможенных, гражданско-правовых, административных, корпоративных и т.д.).

В целом, выбор использования дознавателем или следователем выемки или обыска зависит от места проведения и наличия признаков фактического противодействия раскрытию и расследованию преступлений в сфере ВЭД.

Мы согласны с мнением тех ученых, которые считают, что расширение перечня объектов обыска не завершено, к примеру, имеют место «различные химические вещества, находящиеся в жидком или сыпучем состоянии (растворы, соли и пр.), используемые при изготовлении различных фальсификатов» [5–8].

Отметим, что при раскрытии и расследовании преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности обыск и выемка применяются недостаточно, даже в тех случаях, когда имелись фактические и юридические основания их производства.

Выемка, как и обыск, по делам о преступлениях в сфере ВЭД выступает действенным средством выявления скрываемых фактов о механизме преступной деятельности и его последствиях.

Места и объекты выемки соответствуют, как правило, результатам рассмотренных нами ранее следственных осмотров.

Как правило, перед началом производства выемки субъект ее производства знает лишь примерный перечень финансовых, таможенных, налоговых, бухгалтерских и других документов, а объем изъятых при выемке

документов по делам изучаемой категории всегда гораздо шире, нежели планируемый, при этом чрезвычайно важно изымать такую информацию как на электронных, так и на бумажных носителях.

Одной из актуальных проблем при расследовании преступлений в сфере ВЭД является поиск тайников или естественных ниш, используемых при перемещениях через границу. К наиболее эффективным методам, в данных случаях, по мнению правоохранителей, относятся: рентгенографический метод (100 % опрошенных) и метод наблюдения.

Считаем, что требует внедрения в ближайшее время как для производства таможенных и следственных осмотров, обыска следующая разработка российских ученых: им удалось создать самую высокочувствительную лазерную установку в мире, которая распознает взрывчатку на расстоянии до 50 метров. Это поможет предотвратить теракты на вокзалах, в аэропортах или, например, в метро. В отличие от тех же рамок металлоискателей, о наличии которых знает каждый, лазерные установки работают скрытно. Человек даже не будет догадываться, что его сейчас сканируют. Установка может следить за безопасностью из любого места на станции. Прибор улавливает даже мельчайшие частицы взрывчатки на одежде, руках или рюкзаке. Он работает по принципу радара. Только вместо электромагнитных волн от поверхности отражаются лучи света. И обратно они прилетают уже с информацией о всех веществах, которые встретили на своем пути [9].

Наблюдение бывает:

- а) визуальное (61,29 %);
- б) прощупывание и сопоставление размеров (53,18 %);
- в) простукивание и использование специальных осветительных приборов (49,57 %).

К признакам тайников, естественных ниш и иных признаков преступлений в сфере ВЭД, по мнению правоохранителей, относятся:

А. Явные:

- поведение преступника и связанных с ним лиц: психофизиологические реакции (неестественный смех); приготовленные действия (флирт с работниками таможни, придание завышенного значения своему статусу или персоне, конфликтность, спешка, инсценировка болезненности и т.д.);

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

- попытка уничтожить или сфальсифицировать объекты и предметы перемещения;
- невнятные объяснения о прохождении через зеленый коридор и наличии определенных объектов, подлежащих таможенному контролю или учету;
- наличие неизвестных или уникальных предметов при перемещении;
- и ряд других.

В. Скрытые:

– наличие мест для тайников, естественных ниш, приспособлений, использование которых возможно при перемещении через границу. Так, Г.Р.М., с целью получения материальной выгоды, в тайник принадлежащего ему автомобиля марки «ГАЗ-33022», регистрационный знак № ____, белого цвета, расположенного в грузовом отсеке, а также потолочной части кузова, целенаправленно изготовленный только лишь для перевозки товаров с целью сокрытия от таможенного контроля при въезде в РФ, загрузил различную табачную продукцию, а именно: сигареты с фильтром российского производства «Continent super slim5» в количестве 11 340 пачек (226 800 штук), «Continent compact» в количестве 8 290 пачек (165 800 штук), после чего выехал из Республики Южная Осетия в г. Владикавказ Республики Северная Осетия-Алания [10];

– использование материалов общебытового назначения (в т.ч. строительного мусора) и иных предметов для маскировки перемещения. Возможные места: наиболее вероятного хранения предполагаемых объектов незаконного перемещения, основанные на опыте и интуиции субъекта поиска; указанные в криминалистических рекомендациях.

По эффективности тактические приемы обыска, по мнению опрошенных, распределились следующим образом:

- метод «коммуникационной и психофизиологической разведки» (92,62 %);
- совместный или отдельные поиски (96,51 % и 87,59 %);
- метод микрообиска (64,29 %);
- одиночный и групповой поиск (56,82 % и 74,57 %);
- последовательный и выборочный методы исследования (63,01 % и 44,92 %);
- параллельное и встречное обследование (48,23 % и 30,2 %);
- метод сравнения однородных предметов или участков (19,71 % и 24,83 %).

Таким образом, в рамках данной статьи получены следующие выводы:

1. Основной практической единицей уголовно-процессуального и, соответственно, криминалистического познания выступает следственное действие.

2. Обыск и выемка, несмотря на незначительные количественные показатели (2,01 %), имеют особое значение для раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД.

3. По проанализированным уголовным делам количество выемок и обысков примерно одинаково (46,33 % и 53,67 % соответственно). Раскрытие и расследование преступлений в сфере ВЭД связано с укрупненными типовыми обстоятельствами, требующими разрешения к определенным следственным ситуациям различной периодизации. В процессе раскрытия и расследования преступлений в сфере ВЭД выемка производится, как правило, в целях изъятия известных документов, находившихся в том или ином предприятии, организации, учреждении, связанных с ВЭД.

4. Одной из актуальных проблем по преступлениям в сфере ВЭД является поиск тайников или естественных ниш, используемых при перемещениях через границу.

Литература

1. Темпы роста экономики и достижение национальных целей развития – ПМЭФ-2019 // Финансы. № 6. 2019.
2. Минфин России: итоги и масштабные задачи по приоритетным целям развития // Финансы. № 4. 2019.
3. Итоги внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в 2019 году / Доклад Министерства экономического развития

Bibliography

1. Economic growth rates and achievement of national development goals – SPIEF-2019 // Finance. № 6. 2019.
2. Ministry of Finance of the Russian Federation: results and large-scale tasks for priority development goals // Finance. № 4. 2019.
3. Results of foreign economic activity of the Russian Federation in 2019 / Report of the Ministry of Economic Development of the Russian

Российской Федерации (Департамент аналитического сопровождения внешнеэкономической деятельности). URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/itogi_vneshneekonomicheskoy_deyatelnosti_rossiyskoy_federacii_v_2019_godu.html.

4. Варданян А.В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов. Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы / Материалы Международной научно-практической конференции. Издательство: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Иркутск. 2019.

5. Варданян Г.А. Особенности проведения выемки по уголовным делам о преступлениях, связанных с производством и оборотом фальсифицированных лекарственных средств // Вестн. Том. гос. ун-та. № 389. 2014.

6. Варданян А.В., Алексиев О.Н. Использование знаний о способах преступлений против жизни и здоровья в выявлении и разоблачении ложного алиби // Юристы-Правоведь. № 6. 2008.

7. Варданян А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности // Вестн. Том. гос. ун-та. № 430. 2018.

8. Варданян А.В. Посткриминальное противодействие раскрытию и расследованию тяжких преступлений против личности // Юристы-Правоведь. № 1 (92). 2020.

9. URL: <https://www.1tv.ru/news/2019-02-07/360036>.

10. Приговор РФ по уголовному делу № 1-24/17, ст. 200.2 ч.1. г. Алагир 04 апреля 2017 года.

Federation (Department of Analytical Support of Foreign Economic Activity). URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/itogi_vneshneekonomicheskoy_deyatelnosti_rossiyskoy_federacii_v_2019_godu.html.

4. Vardanyan A.V. Novelties in the regulation of search and seizure as a need for modernization of tactical and forensic techniques. Actual problems of criminalistics and forensic examination / Materials of the International scientific and Practical Conference. Publishing house: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Irkutsk. 2019.

5. Vardanyan G.A. Features of carrying out the seizure in criminal cases on crimes related to the production and turnover of falsified medicines // Bulletin of Tomsk state university. № 389. 2014.

6. Vardanyan A.V., Alexienko O.N. The use of knowledge about the methods of crimes against life and health in identifying and exposing a false alibi // Yurist-Pravoved. № 6. 2008.

7. Vardanyan A.V. Criminalistic prevention in the system of state measures for crime prevention // Bulletin of Tomsk state university. 2018. № 430.

8. Vardanyan A.V. Post-criminal counteraction to the disclosure and investigation of serious crimes against the person // Yurist-Pravoved. № 1 (92). 2020.

9. URL: <https://www.1tv.ru/news/2019-02-07/360036>.

10. Sentence of the Russian Federation in criminal case № 1-24 / 17, Article 200.2 part 1. Alagir 04 April 2017.

**Федоренко Святослав Петрович
Fedorenko Svyatoslav Petrovitch**

доцент кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Theory of State and Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

E-mail: fsp018@yandex.ru

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Anticorruption: historical and legal aspect

В статье рассматривается проблема борьбы с коррупцией в правовой ретроспективе. Анализируются древнейшие памятники зарубежного и отечественного права в части антикоррупционного регулирования. Проводится сравнение ключевых идеологических концепций государств на стадии становления в сфере борьбы с коррупцией. Демонстрируются закономерности коррупционного поведения, возникающие на любой стадии развития государства. Анализируются древнейшие источники русского права и выделяются нормы антикоррупционного характера. Рассматривается эволюция правовой борьбы с коррупцией в правовой сфере от великокняжеского до имперского периода отечественной государственности. Формулируются выводы о закономерностях коррупционных проявлений и эффективных способах борьбы с данным явлением.

Ключевые слова: борьба с коррупцией, история борьбы с коррупцией, исторические закономерности развития антикоррупционного законодательства, ключевые аспекты борьбы с коррупцией в истории России и зарубежных стран, меры по предупреждению и пресечению коррупционных проявлений.

Каждое государство имеет свою историю возникновения, формирования и развития, а, следовательно, и историю борьбы с коррупцией. Эта проблема всегда стояла остро как в Древнем мире, так и в Средневековье, не решена она и в настоящее время. Ни одно государство не может заявить о полной победе над коррупцией. Данное обстоятельство во многом продуцируется самим принципом организации политической парадигмы, к которой политическое общество переходит после родоплеменной организации. Политика предполагает взаимоотношения, основанные на выгоде. Об этой особенности очень подробно и весьма убедительно писал Никколо Макиавелли [1, с. 123]. Выгода превращается в ключевой

The paper deals with the problem of anticorruption in historical and legal retrospect. This research analyzes the ancient significant sites of foreign and domestic law in terms of anti-corruption regulation. The author compares the key ideological concepts of states at the stage of formation in the field of combating corruption. The author demonstrates the regularities of a corrupt behavior that originate at any stage of the state's development. It analyzes the ancient sources of the Russian law and highlights the anti-corruption norms. The paper examines the evolution of the legal anticorruption in the legal sphere from the grand-ducal to the imperial period of the national statehood. The research paper formulates the conclusions about the regularities of corruption practices and effective methods of combating this phenomenon.

Keywords: anticorruption, anticorruption history, historical regularities of the development of anticorruption legislation, key aspects of the fight against corruption in the history of Russia and the foreign countries, measures to prevent and to suppress corruption.

интерес, а он может носить как законный, так и незаконный характер. Политика требует, чтобы люди, замещающие государственные должности руководствовались выгодами государства и общества, но этот принцип имеет свою изнанку, когда возникает стремление получить выгоду лично для себя, попирая государственные интересы. Вот здесь и генерируются коррупционные проявления.

В родоплеменной организации проблема коррупции, на наш взгляд, не стояла так остро, потому что все держалось на первичной ячейке общества – семье. А в семейных отношениях коррупции нет места, так как они строятся на иррациональных, экзистенциальных проявлениях любви, а выгода имеет

рациональный расчет. Этот тезис постулировал Конфуций, разрабатывавший патриархальную концепцию [2, с. 132]. Он утверждал, что по-настоящему гармоничным государство может быть только тогда, когда станет в качестве политической матрицы использовать архетип семьи, где старшие (чиновники) любят младших и заботятся о них, а младшие (население) уважают и подчиняются старшим. В такой схеме будут минимизированы коррупционные проявления, потому что там, где в основе лежит любовь, как в семейных отношениях, там нет места коррупции. Сложно себе представить, чтобы родители, любящие своих детей, воровали бы у них материальные ресурсы, а муж, по-настоящему любящий свою жену, размышлял бы о том, как ее можно выгодно использовать. Но воплотить эту концепцию в реальности так и не удалось. Легисты говорили, что теория Конфуция похожа на куличи из песка: они красивые, но есть их невозможно [3, с. 331]. Тем не менее, когда легистская политическая практика зашла в тупик, получив реакцию в виде бунтов и народных восстаний, философия конфуцианства была внедрена в китайскую государственную идеологическую систему, где она с успехом функционирует и сегодня.

Также на Западе, начиная с глубокой Античности, многие мыслители посвящали свои труды вопросу борьбы с коррупцией. Наиболее оригинальной выступает концепция Платона об общности жен и детей [4, с. 122]. Она подразумевала особый режим жизни государственных чиновников. Для того чтобы не было материальной и психологической потребности совершать коррупционные действия, у государственных служащих нет не только частной собственности, но частной жизни. Общность жен и детей, по мнению Платона, обесмысливает коррупцию, так как нивелируют когнитивную мотивацию коррупционного поведения. Он последовательно, логически целостно и обоснованно доказывал, что данный институт государственно-социального строительства будет очень выгоден государству. Но, как мы знаем, на протяжении тысячелетий ни разу ни одно государство, и ни одно общество не смогло построить систему по учению великого мыслителя. Хотя он во многом отталкивался от эмпирического материала, которым для него выступала политическая и социальная жизнь Спарты.

Также можно увидеть, что во многих религиозных текстах есть отсылки приравнивания коррупции к греху, потому что с самых древних времен было понятно, что одна из негативных функций коррупции – это разложение общества [5, с. 182].

В Древнем мире и Средневековье можно выделить некий тандем, действия правовых и религиозных норм. Отсюда и возникает признак аморфности древней нормы права. Он обусловлен тем, что право и религия сопряжены и имеют сектор взаимного проникновения. Поэтому в юридическом тексте зачастую сложно дифференцировать религиозное правило от юридического. То же самое и с религиозными текстами. Например, заповеди Моисея, один из ключевых институтов Ветхого Завета, содержат следующие нормы: «6. Не убивай. 8. Не кради. 9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» [6]. Сегодня эти нормы содержатся в ст. 105, 158, 307 Уголовного кодекса Российской Федерации [7], а также мы их обнаружим в уголовных кодексах всех государств. Используя метод экстраполяции можно утверждать, что коррупция приравнивалась к воровству и считалась тяжким грехом.

Когда юридические и религиозные нормы сливаются, возникает интересный момент: двойная ответственность. При жизни человек подвергается юридической ответственности, а после смерти, в соответствии с религиозным учением наступает загробная ответственность, которая может длиться вечно. Так, ст. 164 Законов Ману гласит: «Из-за неверности мужу жена в мире снискивает презрение, [а] после смерти оказывается в чреве шакала и мучается ужасными болезнями» [8, с. 143]. Такое регулирование характерно вплоть до Нового времени, когда исследовательскими стараниями Гуго Гроция и других просветителей проводится правовая секуляризация, и появляется привычная нам модель, где религиозные нормы существуют автономно от юридических.

Приведенные примеры показывают, что самые известные государства древности уже сталкивались с коррупцией, и искали концептуальные пути разрешения данной проблемы. Часть из этих решений мы используем до сих пор, часть так никогда и не была внедрена ни в мировую практику, ни в практику каких-либо отдельных государств. Тем не менее,

необходимо рассмотреть, каким же образом складывались правовые основы борьбы с коррупцией в России. Официальная историческая доктрина гласит, что российская государственность возникает в 862 году с приходом к власти Рюрика. Когда происходит диалектический переход от родоплеменных отношений, через протогосударственные к политическим и государственным.

Новое славянское государство, несомненно, сталкивалось с коррупционными проявлениями, которые, по всей видимости, усилились при переходе от родоплеменной организации к государственной. Тем не менее, памятников права, отражающих борьбу с коррупцией в первые столетия существования отечественной государственности, до нас не дошло. Используя метод моделирования, мы с необходимой степенью достоверности можем считать, что Великий князь лично принимал решения антикоррупционной направленности, которые носили устный характер и базировались на обычном праве. Данный тезис соответствует мнению классика историко-правовой мысли М.Ф. Владимирского-Буданого, который считал, что на раннем этапе формирования отечественной государственности Великий князь воспринимал государственные интересы как часто-правовые [9, с. 174]. Понимания публичности характера государственной власти в тот период не было. Экстраполируя от данного принципа, мы делаем вывод, что борьба с коррупцией для князя также носила частноправовой характер. То есть, коррупцией он считал только те деяния, которые причиняли вред его интересам.

Исследователь А.И. Мезерий указывает, что: «Первое законодательное ограничение коррупционных действий принадлежит Ивану III. Его внук Иван Грозный в 1561 году ввел Судную грамоту, которая устанавливала санкции в виде смертной казни за получение взятки судебными чиновниками местного земского управления. Она гласила: “А учнут излюбленные судьи судити не прямо, по посулам, а доведут на них то, и излюбленных судей в том казнити смертною казнию, а животы их велети имати да отдавати тем людям, кто на них донесет”» [5, с. 174]. Безусловно, это одно из самых ранних отражений борьбы с коррупцией в процессе формирования отечественного юридического пространства. Но не стоит

забывать о Судебнике 1497 года, изданного Иваном III Великим. Значимость этого памятника права можно подчеркнуть Указом Президента Российской Федерации от 17.03.1997 г. № 236 «О праздновании 500-летия Судебника 1497 года». В котором говорится, что: «В сентябре 1997 г. исполняется 500 лет первому общерусскому кодексу законов – Судебнику. Продолжив начатый Русской Правдой Ярослава Мудрого процесс укрепления правовых начал российской государственности, Судебник способствовал преодолению раздробленности русских земель и образованию единого суверенного Российского государства» [11]. То есть, в указе подчеркивается, что Судебник 1497 года – «первый общерусский кодекс законов». Поэтому следует считать, что в общерусской истории права законодательно борьба с коррупцией начинается с действием указанного юридического источника. В первой же статье данного закона, указывается: «Судити суд бояром и околничим. А на суде быти у бояр и у околничих диаком. А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалования не имати; також и всякому судне посула от суда не имати никому» [12, с. 112]. То, что князь включает в судебный процесс дьяков, показывает установление контроля со стороны княжеского двора в отношении тех, кому доверена судебная функция, а именно боярам и окольничим. Дьяки входили в аппарат лично подчиненный князю и выполняли одновременно функцию протоколирования и функцию надзора за судебным процессом. Это резко сокращало возможности судебного произвола и превышения должностных полномочий, явилось прогрессивным шагом на пути развития уголовного процесса, но, как известно, не смогло полностью нивелировать коррупцию и должностные правонарушения. Также мы видим четкую формулировку о том, что боярам и окольничим посулов, то есть взяток, не получать. Причем законодатель здесь же конкретизирует, что не получать взяток ни от суда, ни от заявителя.

Одним из источников возникновения коррупции была система кормления. Первоначально она возникает как вид пожалования великих и удельных князей своим приближенным, которые выполняли функции управления и являлись наместниками и волостелями в городах и волостях. Первоначально это носило

эпизодический характер, но постепенно к XII–XIV векам складывается целая система местного управления, базировавшаяся на корме, то есть сборе материальных ресурсов с населения, проживающего на управляемой территории. В этот период администрация не была отделена от суда и судебные функции считались одним из элементов административной деятельности. Поэтому наместники и волостели получали не только корм, но и возможность собирать судебные пошлины. В XV–XVI веках эта система деградировала в масштабные злоупотребления должностными полномочиями. Кормленщики стали демонстрировать системные коррупционные проявления. Поэтому Иван IV Грозный в 1555–56 годах проводит реформу местного управления, в ходе которой система кормления ликвидируется и проводится попытка создать механизм, где люди платят налог государству, а управление работает за счет выплачиваемой из казны заработной платы.

Исследователи обращают внимание на достаточно интересный факт: несмотря на то, что коррупционные проявления в первом периоде формирования российской государственности имели значительное место, а система кормлений к XV веку вообще представляла собой полномасштабную коррупционную сеть, тем не менее, антикоррупционных выступлений и народных бунтов на Руси не было. Но следует отметить, что в 1648 году произошло восстание белых слобод в Москве. Одним из пунктов политического протеста было требование привлечь к ответственности коррумпированных бояр, которые в кризис жили на общественных трудностях. Размах бунта был такой, что царь был вынужден пойти на уступки и выдать главу земского приказа Л.С. Плещеева и главу пушкарского приказа П.Т. Траханиотова, который был его шурином. Они были растерзаны толпой бунтовщиков 3 и 5 июня 1648 года.

Здесь возникает ситуация когда родственные связи между носителями власти являются катализатором коррупционных проявлений. Можно привести современный пример: «В доход государства обращены 1 700 объектов недвижимости, 4 автомобиля, а также 5 миллиардов рублей. В числе недвижимости здание кинотеатра, городской торговый центр, рынок, детская поликлиника, два детских сада,

базы отдыха, культурно-исторический центр, общественная баня и другие участки.

Основанием для предъявления иска Генпрокуратурой послужил ряд фактов, которые свидетельствуют о вовлеченности Постриганя в предпринимательскую деятельность своего сына. Используя властные полномочия главы района, чиновник помогал близкому родственнику успешно вести бизнес.

Также были установлены подконтрольные Постриганю лица, которые подтвердили, что являются фиктивными собственниками значительного объема имущества. Все это Постриганя делал для того, чтобы скрыть от контролирующих органов незаконную недвижимость.

Генпрокуратура ранее установила, что бывший глава Клинского района использовал служебное положение для обогащения. В преступную деятельность он вовлек родственников, близкое окружение, а также подконтрольные фирмы. Постриганя задержали в Шереметьеве в 2018 году при попытке покинуть Россию» [13]. К сожалению, такие вопиющие факты коррупции не являются единичными. Можно также привести в качестве примера дела А.В. Хорошавина, Д.В. Захарченко, К.В. Черкалина, у которых только при задержании были изъяты десятки миллиардов рублей. Поэтому рассматриваемая тема является очень актуальной и выявление закономерностей распространения коррупции позволит бороться с ней более эффективно. Можно выделить такой правовой институт, призванный бороться с указанным фактором как «конфликт интересов». Он прописан в ФЗ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ, в ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ, ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 № 25-ФЗ [13] и других нормативных правовых актах.

Возвращаясь к московским событиям середины XVII века, следует указать, что при принятии Соборного уложения 1649 года, которое в известной степени явилось реакцией на бунт, были введены в главе 10 статьи 5 и 7. Они предусматривали уголовную ответственность за получение взяток должностными лицами. «А будет который боярин или окопничей, или думной человек, или дьяк, или иной какой судья, ища или ответчика по посулом,

или по дружбе, или по недружбе правого обвинит, а виноватого оправит, а сыщется про то допряма, и на тех судьях взяти исцов иск второе, и отдати исцу, да и пошлины и пересуд и правой десяток взяти на государя на них же. Да за ту же вину у боярина, и у околничего, и у думного человека отняти честь. А будет который судья такую неправду учинит не из думных людей, и тем учинити торговая казнь, и въпередь им у дела не быти» [14, с. 414]. В диспозиции 5-ой статьи мы видим достаточно жесткую, но не чрезмерно жесткую позицию законодателя в отношении коррупции. Так же бросается в глаза сословный принцип, где стоящие на верхушке социальной и политической иерархии лица, привлекаются к более мягким наказаниям, нежели нижестоящие. Этот принцип способствовал распространению коррупции в крупных масштабах. С ним покончил Петр I Великий, но сам оказался в плену «конфликта интересов». Типичным примером является Светлейший князь Меншиков, ставший самым крупным коррупционером своего времени в условиях жестокой борьбы Петра с коррупционными проявлениями.

В настоящее время существует принцип равной ответственности независимо от социального и политического положения лица. Данный принцип более прогрессивен и действует в сочетании с положением, что тяжесть коррупционных преступлений определяется масштабами причинения вреда.

Аналогично и 7 статья Соборного уложения указывает: «А будет кто учнет бити челом на судью, что он обвинил его неделом по посулом, а взял де от того неправого дела на судью посул брат его, или сын, или племянник, или человек, и то судное дело взнести слушати бояром, и учинити в том деле указ, смотря по делу. А челобитчика, и на кого он сказывал про посулы, ставити с очей на очи, и роспрашивати и сыскивати про посул всякими сыски накрепко, тот человек, на кого в посулах будет челобитье, посул взял ли, и будет взял, и по судьину ли приказу он посул взял, да будет сыщется допряма, что посул взят по судьину велению, и судное дело вершено неделом по посулу, и судье за то учинити указ, как о том писано выше сего» [14, с. 414]. В данном случае законодатель устанавливает контроль над судьям в лице бояр как вышестоящего судебного органа с целью пресечения коррупционных

проявлений. Одним из элементов установления истины по делу является очная ставка, которая призвана обеспечить жалобу доказательствами, но в данном случае необходимо помнить, что коррупционные преступления носят латентный характер, что затрудняет процесс доказывания. Поэтому в определенных случаях законодатель допускал применение пыток. В петровскую эпоху, при самом жестком уголовном законодательстве в истории России, пытки получили широкое распространение. Можно сказать, что первый император приравнивал коррупцию к государственной измене. В инструкции Сенату, на который великий реформатор возлагал большие надежды, сказано: «Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артериею войны». А войны в период его правления 1682–1725 (43 года) – шли постоянно. Одна только Северная война длилась 21 год.

При Петре сбор налогов с населения увеличился в четыре раза. Денег в казне стало гораздо больше, а вместе с тем выросла коррупция. Он боролся с ней беспощадно как правовыми, так и не правовыми мерами, но зачастую эта борьба была похожа на уничтожение гидры: вместо одной «коррупционной головы» выростали две новые. Можно отчасти согласиться с исследователем А.И. Мизерий в том, что: «При Петре I расцветали и коррупция, и жестокая борьба царя с ней. Петр I старался всеми возможными методами и средствами навести порядок в делах государственной службы России, воздействуя на мздоимцев, лихоимцев и вымогателей. Однако принимаемые им меры положительного эффекта не давали» [5, с. 182]. Дело в том, что мы не можем оценить реальную эффективность антикоррозионных мер Петра. Во-первых, шли колоссальные реформы, и сколько было бы украдено государственных денег без жесткой, иногда чрезвычайной уголовной политики реформатора оценить попросту невозможно. Во-вторых, резкое увеличение бюджета и срочная необходимость его освоения в условиях постоянной войны – факторы определяющие неизбежность масштабной коррупции. В-третьих, если учитывать результат: создание флота, создание новой армии, победа в Северной войне, выход к незамерзающим морям и так далее, то можно сказать, что коррупция, несомненно, имевшая огромные

масштабы, не воспрепятствовала Петру Великому за тридцать лет превратить Россию в одну из сильнейших государств мира.

Таким образом, можно сказать, что природа коррупции не меняется тысячелетиями. Разумеется, формы коррупционного поведения вслед за развивающимися общественными отношениями принимают современный характер. Так, сегодня актуальной является такая тема научных исследований, как киберкоррупция. Но обобщая исторический опыт борьбы

с данным явлением, можно выделить закономерности процветания коррупции и эффективные методы борьбы с ней. Например, контроль семейного взаимодействия лиц, находящихся на государственных должностях с высокими коррупционными рисками, усиление тяжести уголовного наказания для лиц совершивших масштабные коррупционные преступления, создание действенной системы стимулов для органов государственной власти, борющихся с коррупцией.

Литература

1. Макиавелли Н. Государь. М., 1982.
2. Васильев В.А. Конфуций о добродетели // Социально-гуманитарные знания. № 6. 2006.
3. Переломов Л.С. Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.
4. Удальцов М.Ю. Семья и любовь в философии Платона: их противоречия, место и роль в контексте построения идеальной модели общества // Омский научный вестник. № 2 (116). 2013.
5. Мизерий А.И. История борьбы с коррупцией в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. № 2. 2001.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020).
8. Законы Ману. М., 1992.
9. Гринев В.А. История русского права в работах М.Ф. Владимирского-Буданова // Северо-Кавказский юридический вестник. № 2. 2007.
10. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10691>.
11. Штамм С.И. Судебник 1497 года. М., 1955.
12. URL: <https://www.vesti.ru/article/1380182>.
13. URL: <http://www.consultant.ru>.
14. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.

Bibliography

1. Machiavelli N. The Sovereign. Moscow, 1982.
2. Vasiliev V.A. Confucius on virtue // Socio-humanitarian knowledge. № 6. 2006.
3. Perelomov L.S. Confucianism and Legalism in the Political History of China. Moscow, 1981.
4. Udaltsov M.Yu. Family and love in Plato's philosophy: their contradictions, place and role in the context of building an ideal model of society // Omsk Scientific Bulletin. № 2 (116). 2013.
5. Mizeriy A.I. The history of the fight against corruption in Russia // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Law. № 2. 2001.
6. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 volumes. St. Petersburg, 1890–1907.
7. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. from 30.12.2020).
8. The Laws of Manu. Moscow, 1992.
9. Grinev V. A. The History of Russian Law in the Works of M.F. Vladimirovsky-Budanov // North-Caucasian Legal Bulletin. № 2. 2007.
10. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10691>.
11. Shtamm S.I. Sudebnik 1497 goda. Moscow, 1955.
12. URL: <https://www.vesti.ru/article/1380182>.
13. URL: <http://www.consultant.ru>.
14. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. Cathedral Code of 1649. Moscow, 1961.

**Пупышева Любовь Андреевна
Pupysheva Lubov Andreevna**

доцент кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Criminal Procedure, the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, PhD in Law.

E-mail: lyuba-shabalina@yandex.ru.

**ФЕНОМЕН ПОДСУДНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**The phenomenon of jurisdiction in the Russian Criminal Procedure:
problems of the theory and legislative regulation**

В статье исследуется правовой феномен подсудности в российском уголовном процессе. На основе положений Конституции РФ, уголовно-процессуального законодательства, анализа научных публикаций по данной проблематике сформулировано понятие подсудности, рассмотрены спорные вопросы регламентации подсудности как уголовных, так и иных судебных дел, в частности, дел о рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Показано развитие научных представлений о сущности подсудности в уголовном процессе. Предложены новеллы уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: подсудность, судебное разбирательство, судебное дело, особые производства, исполнение приговора.

The paper examines the legal phenomenon of jurisdiction in the Russian criminal procedure. Basing on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, criminal procedure legislation and the analysis of scientific publications on this issue, the author formulates the concept of jurisdiction, studies controversial issues of regulating the jurisdiction of both criminal and other court cases, specifically cases over consideration and resolution of issues related to the execution of sentence. The paper says about the development of the scientific ideas about the essence of jurisdiction in the criminal procedure. The author proposes the innovations of the criminal procedure law.

Keywords: jurisdiction, trial, court case, special proceedings, execution of sentence.

Статья 47 Конституции РФ содержит важнейшее положение, запрещающее лишать кого бы то ни было права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Закрепление этой гарантии на конституционном уровне подчеркивает значение правил определения подсудности, регламентируемых специальным отраслевым, и в том числе уголовно-процессуальным законодательством.

Нельзя сказать, что такое отношение к подсудности сформировалось только в настоящее время. Еще в дореволюционный постреформенный период (имеется в виду судебная реформа Александра II) многими учеными-процессуалистами отмечалась особая роль подсудности в обеспечении нормального функционирования судебной системы и преодолении социального неравенства, которым характеризовалось общественное устройство царской России. Известный русский юрист А.Ф. Кони даже

предлагал считать подсудность принципом уголовного судопроизводства [1, с. 201].

Размышляя о значении подсудности в уголовном процессе, И.Я. Фойницкий писал: «Законы о подсудности имеют высокое значение, выходящее за пределы интересов процессуальных. В точном соблюдении их заинтересовано все государство. Но не менее важное значение законы о подсудности имеют и для частных лиц, в уголовных делах участвующих; каждому из граждан важно знать, какой суд будет рассматривать его дело, и каждый имеет право требовать, чтобы дело его разрешалось судом компетентным. Правилами о подсудности ограждаются интересы правосудия, обеспечиваются права личности и экономизируется деятельность судебных мест» [2, с. 82–83].

Каждое слово приведенной цитаты актуально и по сей день. Любому жизненно важно сознавать, что он имеет равный доступ к правосудию, что независимо от каких бы то ни

было обстоятельств судебное дело, к которому он имеет отношение, будет рассмотрено определенным законом судом и судьей, что дело это в силу чьей-либо прихоти не будет передано в иной суд.

Нормальное функционирование судебной системы возможно только при условии, когда все ее элементы сбалансированы, и каждый из них отвечает только за тот участок работы, которым его наделяет закон. Произвольное и бессистемное распределение судебных дел между элементами судебной системы – судами, неминуемо приведет к тому, что одни суды будут явно «недорабатывать», тогда как другие – перегружены делами. Это, в свою очередь, может стать предпосылкой к парализации судебной системы в целом.

Таким образом, подсудность значима как в судопроизводственном (как гарантия прав участников судопроизводства на равный доступ к правосудию), так и в судоустройственном (как средство обеспечения функционирования судебной системы) плане, и это только подчеркивает важность этого правового явления.

Учитывая сказанное, не вызывает удивления и то внимание, с которым ученые-процессуалисты, на протяжении всего периода развития советской и российской уголовно-процессуальной науки, относились и продолжают относиться к вопросам теоретического обоснования и правовой регламентации подсудности.

Одной из наиболее обсуждаемых проблем является вопрос об установлении сущности и определении этого явления.

Уже в дореволюционной русской уголовно-процессуальной теории было представлено, как минимум, три подхода к пониманию сути подсудности уголовных дел.

Так, весьма представительная группа авторов предлагала рассматривать подсудность как некое отношение между уголовным делом и судом. Ведущим представителем этого направления был И.Я. Фойницкий, который в своих рассуждениях выстраивал следующую конструкцию: «Возложенная государством на судебные места власть производства уголовных дел имеет субъектом – уголовные суды, а предметом – уголовные дела. Распределение судебной власти между судебными местами образует компетенцию или ведомство их ..., а отношение между делами и судом, в силу кото-

рого определенные дела подлежат ведомству определенного судебного места, составляет подведомственность или подсудность дела. Ведомство и подсудность, таким образом, две стороны одного и того же понятия судебной власти: первое есть субъективная его сторона, вторая – объективная» [2, с. 82]. Придерживались такого понимания подсудности и некоторые другие ученые [3, с. 249; 4, с. 153].

Данная точка зрения не была поддержана в уголовно-процессуальной науке в более поздний период и не получила своего развития. В настоящее время она имеет скорее исторический, нежели чем прикладной интерес. Примечательность приведенного определения заключается, в большей степени, не в нем самом, а в том подходе, которым воспользовался автор для того, что сформулировать понятие подсудности. И.Я. Фойницкий определил подсудность в ее сопоставлении с категорией подведомственности (или в терминологии того времени «ведомства» суда), отделив одно понятие от другого. Солидаризируясь с приведенным умозаключением, отметим, что сформулировать четкое определение подсудности в уголовном процессе возможно только отграничив это понятие от смежных явлений (полномочия, компетенция, юрисдикция).

Другая позиция относительно подсудности была сформулирована авторами, рассматривавшими ее как «твердое указание – какому суду подлежит разбор той или иной категории дел ...» [5, с. 140]. Иными словами, для сторонников этой точки зрения подсудность – некое нормативное установление (положение закона), согласно которому те или иные уголовные дела рассматриваются соответствующим судом.

Особо следует обратить внимание на третью, наиболее жизнеспособную, на наш взгляд, точку зрения, которая, будучи сформированной еще в дореволюционный период, стала прообразом того подхода к пониманию подсудности в уголовном процессе, который получил наибольшее распространение в советский период развития науки уголовного процесса и актуален до сих пор. Сторонником этого мнения был Н.Н. Розин, который связывал это явление с уголовным делом, считая подсудность его свойством: «Подсудность дела есть совокупность его юридических черт, в силу которых оно подлежит рассмотрению именно в этом судебном установлении» [6, с. 198–199].

Как уже было сказано, именно такой подход стал превалировать над другими в советской уголовно-процессуальной науке. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к работам ее классиков [7, с. 267; 8, с. 418 и др.]. При этом необходимо обратить внимание на имевшее место расхождение в терминологии. Если Н.Н. Розин при определении подсудности использовал термин «юридические черты уголовного дела», то в советской литературе в большинстве случаев использовалась категория «свойство уголовного дела», что, по нашему мнению, не совсем верно и о чем мы будем вести речь чуть ниже.

Такой подход чаще всего используется современными авторами. Исключением является, например, позиция Р.Х. Якупова, прямо указывающего, что: «Понятие подсудности имеет своим ближайшим родовым понятием компетенцию суда и характеризует его полномочия на ведение того или иного дела, а не признаки уголовного дела, указывающие на предмет подсудности» [9, с. 420]. В этом отношении интересны соображения О.Б. Порцевой, которая определяет подсудность как «материально-правовую характеристику уголовного дела в зависимости от категории преступления, места его совершения и лица, его совершившего, влияющую на установление суда, правомочного рассматривать данное уголовное дело по первой инстанции» [10, с. 20].

В настоящее время встречаются авторы, пытающиеся «примирить» различные позиции и вывести некое общее компромиссное понятие. Например, А.М. Угренинова считает возможным рассматривать подсудность как «свойство уголовного дела, определяющееся компетенцией суда» [11, с. 31].

Итак, подытоживая анализ развития научной мысли в вопросе определения сущности и понятия подсудности в уголовном процессе, можно констатировать, что представление о подсудности как о некоем свойстве уголовного дела, в силу которого оно подлежит рассмотрению тем или иным судом, входящим в судебную систему, является наиболее востребованным в науке. Представляется, такое определение подсудности нуждается в уточнении и некоторых комментариях.

Полагаем, в первую очередь надлежит определить, почему подсудность следует рассматривать как категорию, характеризующую

судебное дело, а не компетенцию или юрисдикцию суда. Причем, использование нами термина «судебное дело» здесь не является оговоркой. По нашему мнению, применительно к подсудности в уголовном процессе целесообразно пользоваться именно им, а не категорией «уголовное дело».

Аргументируя почему «подсудность» не является «компетенцией суда», отметим, что хотя это и взаимосвязанные, но разнопорядковые категории, что прямо следует из текста действующего уголовно-процессуального закона. В положениях УПК РФ законодатель неоднократно использует устойчивое словосочетание – «подсудность уголовного дела» (ст. 31–35), тем самым недвусмысленно дает понять, в каком именно контексте используется данная категория, и что характеризует подсудность. При этом, само по себе использование законодателем той или иной терминологии при формулировании законодательных норм безусловно нельзя рассматривать как достаточный довод в пользу того или иного утверждения, поскольку не исключена ошибочность ее применения.

В том, что подсудность и компетенция это разнопорядковые категории можно убедиться, определив понятие и содержание компетенции суда в уголовном процессе. Не вдаваясь в дискуссию, которая не имеет прямого отношения к данному исследованию, определим компетенцию как «совокупность полномочий какого-либо органа или должностного лица в сфере его деятельности при исполнении своих функций» [12, с. 154]. Соответственно, компетенция суда – это сфера его деятельности, содержанием которой являются его процессуальные полномочия. Как известно, полномочия суда определены ст. 29 УПК РФ. В их круг, в частности, входят те, которые реализуются в ходе досудебного производства (ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ), полномочия по признанию лица виновным в совершении преступления и назначению ему наказания, применению к нему принудительных мер уголовно-правового характера и т.д. Как нетрудно заметить, никаких «полномочий по подсудности» в этом перечне нет, а поэтому относить подсудность к полномочиям (а, следовательно, к компетенции) суда нельзя. Это противоречит закону и выглядит нелогично. Полномочие, если его представить в логически развернутом виде на

основе положений ч. 1 ст. 29 УПК РФ, заключается, например, в том числе в рассмотрении уголовных дел, подсудных этому суду, признании подсудимых по этим делам виновными в совершении преступлений и назначении им наказания. Оно не может заключаться в подсудности уголовных дел. Подсудность здесь – это характеристика уголовного дела, но не часть судебной компетенции.

Компетенция, естественно, связана с подсудностью, так как суд уполномочен рассматривать и разрешать только те уголовные дела, которые ему подсудны, однако это вовсе не означает, что компетенция и подсудность это одно и то же (или целое и часть одного и того же явления, что ничего принципиально не меняет).

Необходимость использования применительно к подсудности в уголовном судопроизводстве термина «судебное дело» наряду с привычным («уголовное дело»), видится нам в следующем. Традиционно, в реалиях советского и даже раннего этапа постсоветского развития уголовно-процессуальной теории, суд рассматривался исключительно как орган, рассматривающий и разрешающий уголовное дело, следовательно, категорию подсудности связывали только с уголовным делом. О подсудности других вопросов, требующих судебного разрешения, речь не шла, так как до определенного момента таких вопросов практически не было (исключение составляли лишь вопросы, связанные с исполнением приговора, которые подлежали разрешению судом). С конца 90-х годов прошлого века, компетенция суда в уголовном процессе стала стремительно расширяться, такая тенденция сохранилась и сегодня. В настоящее время у суда имеются обширные полномочия не только в судебных, но и в досудебных стадиях производства по уголовным делам. Кроме того, по-прежнему, к исключительной прерогативе суда законом отнесено рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, указанных в ст. 397, 398, 400 УПК РФ.

Закономерно возникает вопрос о том, можно ли сегодня говорить только о подсудности уголовных дел? Не возникла ли необходимость, помимо этого традиционного понятия, ввести не только в научный, но и в законодательный и правоприменительный оборот категорию подсудности судебных дел по рассмотрению и разрешению иных вопросов, возникших в ходе

производства по уголовному делу и исполнения приговора? Думается, что на этот вопрос следует ответить утвердительно. Тем более предпосылки к этому прямо содержатся в положениях ст. 108, 125, 396 УПК РФ. В частности, например, ч. 4 ст. 108 УПК РФ, предусматривающая порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (а в силу положений ст. 105.1–107 УПК РФ – также запрета определенных действий, домашнего ареста и залога), говорит о том, что ходатайство следователя (дознателя) подлежит рассмотрению единолично судьей районного или военного суда соответствующего уровня по месту производства предварительного расследования или задержания подозреваемого. Что это, если не подсудность? При чем подсудность не уголовного, а иного судебного дела по рассмотрению ходатайства о применении меры пресечения.

В литературе отмечается, что «использование понятия «подсудность» в других смыслах, например, к определению компетентного суда апелляционной, кассационной инстанций либо выполняющего функции судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса или по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (гл. 47 УПК РФ), необоснованно» [16, с. 831].

Стоит отметить, что применительно к производству по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, категория подсудность достаточно широко используется в науке уголовного процесса [17–20].

Кроме того, проверяя конституционность положений ст. 396 УПК РФ, Конституционный Суд РФ называет содержащиеся в ней нормы, правилами определения подсудности (определения Конституционного Суда от 17.01.2013 г. № 2-О, от 05.11.2015 г. № 2664-О и др.).

При этом категорию подсудности нельзя автоматически распространять на любой вопрос, в разрешении которого задействован суд. Говорить о подсудности можно лишь только в тех случаях, когда суть правового вопроса, являющегося содержанием данного судебного дела, подразумевает судебное заседание, правовой спор сторон, т.е., собственно говоря, суд в полном смысле этого термина. Если же тот или иной вопрос, возникший в ходе производства по уголовному делу, разрешается судом в «бесспорном» порядке, без проведения су-

дебного заседания, к таким случаям терминологически более правильно применять категорию подведомственности.

Исходя из предложенной конструкции, можно предположить, что категория подсудности в уголовном процессе характеризует:

– уголовные дела, рассматриваемые судами по первой и апелляционной инстанции;

– судебные дела по рассмотрению апелляционных жалоб на промежуточные судебные решения, принимаемые в ходе производства по уголовному делу;

– судебные дела по рассмотрению ходатайств следователей и дознавателей об избрании мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, применяемых исключительно по судебному решению;

– судебные дела по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) и решения суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя;

– судебные дела по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора.

Еще одним аспектом, на который следует обратить внимание при определении сущности такого явления, как подсудность, состоит в следующем. Определяя подсудность, большинство авторов говорят о ней как о «свойстве», «признаке», «характерной черте» уголовного дела, что, по нашему мнению, несколько не точно.

Вызывает сомнение возможность использования категории «свойство» при определении подсудности. Как известно, свойством в философии называется «признак, нераздельно принадлежащий одному конкретному объекту» [13, с. 503]. Соответственно этому, если рассматривать подсудность как свойство уголовного дела, как «нераздельно принадлежащий ему признак», следует признать и то, что в отсутствии него уголовное дело должно утрачивать свою природу, становиться тем, что не является уголовным делом. Однако это не так. Подсудность это вовсе не то, что определяет принадлежность тех или иных материалов к категории уголовного дела, у которого совершенно иные материальные и формальные признаки (наличие акта возбуждения уголовного дела, уголовно-правовая квалификация содеянного, акт принятия дела к производству следователем или дознавателем, определенный

субъектный состав участников производства, соблюдение процессуальной формы производства действий и принятия решений, составляющих содержание уголовного дела и др.).

Более того, о подсудности, на наш взгляд, нельзя вести речь как о чем-то объективном и неотъемлемом, так как, правила ее определения (подсудности уголовных дел) регулярно подвергаются изменениям в зависимости от сложившейся криминогенной, экономической, политической обстановки. Это говорит скорее о том, что подсудность – нечто субъективное, чем свойство того или иного явления быть не может. Свойство – это проявление сути этого явления, его глубинное качество, отпадение или изменение которого прямо сказывается на самом явлении. После этого оно уже не может существовать в том качестве, в котором существовало до сих пор. Вряд ли изменение подсудности уголовного дела способно привести к таким кардинальным изменениям его качеств.

Думается, что в основе подсудности лежат вовсе не свойства уголовного или иного судебного дела, а свойства преступления, либо процессуальные особенности порядка производства по данному уголовному или иному судебному делу. Сама же подсудность – основанное на этих свойствах и признаках нормативное установление, правило, с помощью которого определяется, кто должен его рассмотреть и разрешить по существу.

Свойства преступления, определяющие подсудность уголовных дел, в свою очередь, можно разделить на фактические (место совершения преступления) и материально-правовые (тяжесть преступления, его квалификация). К числу процессуальных признаков уголовного или иного судебного дела, определяющих подсудность можно отнести такие особенности производства как субъектный состав его участников, место производства предварительного расследования или соответствующего процессуального действия, место вынесения приговора, место задержания осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания наказания и др. Перечень этих признаков разнообразен, однако общим для всех их является то, что они носят формальный, процессуальный, а не фактический характер.

Следует обратить внимание на еще один важный момент: подсудность позволяет определить не только суд, который должен рассматривать то или иное дело, но и состав суда.

Таким образом, уголовно-процессуальную подсудность представляет собой совокупность правил, закрепленную в положениях уголовно-процессуального закона, в соответствии с которыми определяется, какой суд должен рассмотреть и разрешить дело и состав суда, основанных на фактических и материально-правовых свойствах преступления, а также процессуальных признаках уголовного или иного судебного дела.

Правила определения подсудности регулярно подвергаются изменениям. Однако, несмотря на пристальное внимание со стороны законодателя, их правовое регулирование не лишено недостатков.

1. Законоположение, содержащееся в п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, в соответствии с которым определяется подсудность судов субъектов РФ и приравненных к ним военных судов.

Данная норма уголовно-процессуального закона неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ [14; 15], в связи с чем в нее неоднократно вносились изменения, направленные на обеспечение гарантированного Конституцией РФ права каждого на рассмотрение его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Это привело к ее трансформации в громоздкое и сложное в применении нормативное предписание.

В настоящее время правила определения подсудности уголовных дел суду субъекта РФ по первой инстанции основаны на применении сразу нескольких признаков как материально-правового, так и формально-процессуального характера. Во-первых, это материально-правовое свойство тяжести преступления, подлежащего рассмотрению судом по данному уголовному делу. Во-вторых, это целый ряд формальных признаков, как то отсутствие досудебного соглашения о сотрудничестве, окончательный характер преступления, течение сроков давности уголовной ответственности. И, наконец – возраст (совершеннолетие) подсудимого.

Соответственно, подлежавшие учету ранее такие признаки как пол (женщина) и возраст подсудимого (достижение 65-летнего) возраста, в связи с позицией Конституционного Суда РФ теперь законодателем не рассматриваются как критерий отнесения дела к подсудности суда субъекта РФ.

Стремление Конституционного Суда РФ обеспечить равный доступ всех к возможности рассмотрения его дела судом с участием

присяжных заседателей, которого в силу противоречий между уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, до некоторых пор были лишены как раз женщины и лица, достигшие 65-летнего возраста, к которым смертная казнь и пожизненное лишение свободы не применялось, вследствие чего они не могли ходатайствовать о таком виде производства, в целом, вполне оправдано. При этом оно имело место в условиях, когда судебный состав с участием присяжных функционировал исключительно на уровне суда субъекта РФ. В настоящее время закон позволяет формировать такой состав на уровне суда районного звена и приравненного к нему военного суда, в силу чего актуальность постановки вопроса утратила силу. Сегодня ничего не мешает законодателю положить в основу определения подсудности уголовных дел суду субъекта РФ исключительно тяжесть преступления, без каких-либо оговорок, тем самым разрешить множество проблем в соответствующей части правоприменения.

2. Вызывает вопросы безоговорочное отнесение к подсудности судов субъектов РФ уголовных дел, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственную тайну. Логика законодателя, в принципе понятна – это одна из гарантий от разглашения этих сведений. Однако, как известно, помимо прочего к ним относятся сведения о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности (п. 4 ч. 1 ст. 5 Закона РФ от 21.07.1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»), так или иначе фигурирующие в большинстве уголовных дел, в том числе об общеуголовных преступлениях. Недопустимость разглашения этих сведений неоспорима, однако, как представляется, режим их сохранности вполне может быть обеспечен судами районного звена посредством применения единого для всех судов процессуального средства – проведения судебного заседания или его части в закрытом порядке.

Таким образом, п. 3 ч. ст. 31 УПК РФ следовало бы скорректировать следующим образом: «Верховному суду республики, краевому или областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области, суду автономного округа, окружному (флотскому) военному суду подсудны:

...3) уголовные дела, в материалах которых содержатся сведения, составляющие

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

государственную тайну, исключая сведения о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах, оперативно-розыскной деятельности».

Думается, что официальное закрепление указанного изъятия из перечня сведений, составляющих государственную тайну, позволит решить еще одну задачу. В настоящее время уголовные дела, в которых содержатся сведения о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах, оперативно-розыскной деятельности, если в остальном это дело отнесено законом к подсудности районного суда, и так рассматривается судами этого звена. При этом судьи, при наличии таких сведений в материалах уголовного дела, предпочитают не исследовать их в судебном заседании и не ставить вопрос о подсудности. Судьи районного суда, фактически, доверяя сотрудникам оперативных подразделений и предоставленным ими документам, принимают эти сведения как доказательства без дополнительной проверки, используя их при постановлении приговора. После передачи обозначенных уголовных дел в ведение районных судов появится легальное основание исследовать эти сведения в закрытом судебном заседании, без нарушения правил подсудности.

3. Выглядит нецелесообразным правило определения подсудности уголовных дел 1-му Восточному окружному военному суду, 2-му Западному окружному военному суду, Центральному окружному военному суду и Южному окружному военному суду, предусмотренное п. 4 ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ, согласно которому к их подсудности отнесены уголовные дела о преступлениях, при назначении наказания за которые подлежит учету такоеотягчающее обстоятельство, как совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма (п. «р» ч. 1ст. 63 УК РФ). Анализ этой нормы позволяет сделать вывод о ее алогичности. Учитывая, что подсудность первоначально определяется прокурором, утверждающим обвинительное заключение, а затем судьей соответствующего суда при назначении судебного заседания. Закономерно возникает вопрос: чем должны руководствоваться эти должностные лица на досудебных стадиях производства по уголовному делу при оценке того, будет ли применено при назначении наказания это отягчающее обстоятельство? При определении подсудности можно

только предполагать о возможности его учета, исходя из содержания обвинения, и то со значительной долей условности.

С другой стороны, не совсем понятно, почему применение этого отягчающего обстоятельства требует такой «специализированной» подсудности. Думается, что ничего не мешает любому другому суду общей юрисдикции при выявлении этого обстоятельства в событии преступления, учитывать его при назначении наказания.

4. Противоречит конституционной основе подсудности наличие в уголовно-процессуальном законе ряда других, помимо указанных выше, пробелов. Так, ст. 32 УПК РФ устанавливает общее правило территориальной подсудности – уголовное дело подлежит рассмотрению судом по месту совершения преступления. Производным от него является предписание, предусмотренное ч. 2 этой статьи – если преступление было начато в месте, на которое распространяется юрисдикция одного суда, а окончено в месте, на которое распространяется юрисдикция другого суда, то данное уголовное дело подсудно суду по месту окончания преступления (это и есть место его совершения).

Казалось бы, закон исчерпывающе регламентирует правила территориальной подсудности, однако, в реальности, это правило во все не выглядит таковым.

Например, остается не урегулированным вопрос относительно подсудности уголовных дел о преступлениях, место совершения которых не определено (совершение преступления в транспортном средстве во время его движения между населенными пунктами или субъектами РФ, например).

Еще одна проблема законодательства – определение подсудности при соединении уголовных дел о преступлениях одной категории, если они в равном количестве были совершены в разных местах, территориально подсудных разным судам. В принципе, закон предписывает судам в случае соединения уголовных дел о нескольких преступлениях, совершенных одним лицом или группой лиц, определять подсудность соединенного уголовного дела местом совершения наиболее тяжкого из преступлений или местом совершения большинства преступлений. Однако как определить территориальную подсудность при равном количестве преступлений одной категории, совершенных в разных местах?

Для таких случаев УПК РСФСР 1960 г. содержал вполне рациональное правило: «Если определить место совершения преступления невозможно, дело подсудно тому суду, в районе деятельности которого закончено предварительное следствие или дознание по делу». Нечто похожее, в качестве специального правила определения подсудности, вполне было бы уместно включить отдельной статьей УПК РФ, которая распространялась бы на все случаи, когда определение подсудности по каким – либо причинам вызывает затруднения.

5. Конституционный характер правил подсудности подразумевает достаточно серьезные последствия их нарушения, когда суд, вопреки закону, рассматривает и разрешает дело, которое ему не подсудно. Однако ничего подобного в УПК РФ нет. Согласно ч. 2 ст. 34 УПК РФ суд, установив, что находящееся в его производстве уголовное дело подсудно другому суду того же уровня, вправе с согласия подсудимого оставить данное уголовное дело в своем производстве, но только в случае, если он уже приступил к его рассмотрению в судебном заседании. Это выглядит вполне разумно. Но, возникает вопрос: как должен поступить суд, если подсудимый не даст такое согласие? Почему при определении возможности продолжать рассмотрение уголовного дела судом, которому это дело не подсудно, необходимо выяснять согласие исключительно подсудимого, игнорируя мнение потерпевшего? Каковы последствия того, что суд, проигнорировав несогласие подсудимого или в нарушение

закон, не спросив такого согласия, самовольно продолжит рассмотрение дела и разрешит его по существу? Ни на один из поставленных вопросов УПК РФ ответов не дает и требует в этой части существенной доработки.

Представляется, рассмотрение и разрешение уголовного дела, неподсудного данному суду, без согласия подсудимого, необходимо рассматривать как существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Это должно быть закреплено в отдельном пункте ч. 2 ст. 389¹⁷ УПК РФ, предусматривающей безусловные основания отмены или изменения судебного решения судом апелляционной инстанции.

В целях обеспечения равенства прав сторон в судебном заседании необходимо также дополнить положения ч. 2 ст. 34 УПК РФ указанием на обязательное получение судом согласия на рассмотрение неподсудного ему уголовного дела не только от подсудимого, но и от потерпевшего.

Если согласие на рассмотрение неподсудного данному суду уголовного дела не было получено, это обстоятельство необходимо рассматривать как непреодолимое препятствие для продолжения судебного разбирательства дела в данном суде. Соответственно, единственно возможной формой реагирования на данный факт со стороны суда может быть принятие решения о прекращении судебного заседания и передаче уголовного дела в другой суд по подсудности, что и необходимо закрепить в положениях ст. 34 УПК РФ.

Литература

1. Кони А.Ф. Курс уголовного судопроизводства. М., 2011.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. Изд. 3, пересмотренное и дополненное. СПб., 1910.
3. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Т. 1. К., 1889.
4. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. 2-е изд., испр. и доп. М., 1912.
5. Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1902.
6. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 2 издание измененное и дополненное. СПб., 1914.

Bibliography

1. Koni A. F. Course of criminal justice. Moscow, 2011.
2. Foynitsky I. Ya. Course of criminal justice. Vol. 2. Ed. 3, revised and supplemented. St. Petersburg, 1910.
3. Talberg D.G. Russian criminal justice. Russian Criminal Procedure, vol. 1. Kiev, 1889.
4. Viktorovsky S.I. Russian criminal procedure, 2nd ed., ispr. and add. Moscow, 1912.
5. Dukhovskiy M.V. Russian criminal procedure. Moscow, 1902.
6. Rozin N.N. Criminal proceedings. Manual for lectures. 2 edition, revised and expanded. St. Petersburg, 1914.

7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968.
8. Чельцов М.Л. Уголовный процесс. М., 1948.
9. Якупов Р.Х. Уголовный процесс: учебник для вузов. М., 2001.
10. Порцева О.Б. Подсудность уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.
11. Угреннинова А.М. Подсудность в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018.
12. Элькинд П.А. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967.
13. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2001.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.2017 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова» // Собрание законодательства РФ. 2017. 27 марта. № 13. Ст. 1991.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь» // Собрание законодательства РФ. 2016. 7 марта. № 10. Ст. 1476.
16. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М., 2017.
17. Качалов В.И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
18. Борисов К.А. Подсудность вопросов, связанных с исполнением приговора // Уголовный процесс. 2017. № 9.
19. Николук В.В. Почему мировой судья вправе применять условное осуждение, но не вправе его отменять? // Мировой судья. 2017. № 5.
20. Николук В.В., Гапонов Е.Н. Подсудность вопросов, связанных с исполнением приговоров: проблемы оптимизации правового регулирования // Охрана прав свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2011.
7. Strogovich M.S. Course of the Soviet criminal process. Vol. 1. Moscow, 1968.
8. Cheltsov M.L. Criminal process. Moscow, 1948.
9. Yakupov R.Kh. Criminal process: textbook for universities. Moscow, 2001.
10. Portseva O.B. Jurisdiction of criminal cases: dis. ... PhD in Law. Izhevsk, 2004.
11. Ugreninova A.M. Jurisdiction in criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2018.
12. Elkind P.A. Interpretation and application of the norms of criminal procedure law. Moscow, 1967.
13. Philosophical dictionary / ed. by I.T. Frolov. Moscow, 2001.
14. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 16.03.2017 № 7-P «On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Part Two of Article 30 and paragraph 1 of Part Three of Article 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Part two of Article 57 and Part Two of Article 59 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen V.D. Labusov» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2017. March 27. № 13. Art. 1991.
15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.02.2016 № 6-P «On the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Part three of Article 31 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen A.S. Lymary» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2016. 7 March. № 10. Art. 1476.
16. Course of criminal procedure / ed. Doctor of Law, Prof. L.V. Golovko. Moscow, 2017.
17. Kachalov V.I. Production on the execution of final court decisions in the Russian criminal process: author's abstract. dis. ... PhD in Law. Moscow, 2017.
18. Borisov K.A. Jurisdiction of issues related to the execution of the sentence // Criminal process. 2017. № 9.
19. Nikolyyuk V.V. Why does a justice of the peace have the right to apply a suspended sentence, but not the right to cancel it? // Justice of the Peace. 2017. № 5.
20. Nikolyyuk V.V., Gaponov E.N. Jurisdiction of issues related to the execution of sentences: problems of optimizing legal regulation // Protection of human and civil Rights and Freedoms in criminal proceedings: collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2011.

Абисова Кристина Сергеевна
Abisova Kristina Sergeevna

преподаватель-методист группы профессионального обучения учебного отдела Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России.

Lecturer-Methodologist, the Professional Training Group of the Educational Department, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Postgraduate, the Department of Criminal Law and Criminology, the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: abisova@inbox.ru

**ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ КЛАССИФИКАЦИОННЫХ КРИТЕРИЕВ**
Terrorist activity: definition of the classification criteria

Статья посвящена определению классификационных критериев террористической деятельности посредством установления ее сущности как специфической социальной практики с особым характером деятельности.

Ключевые слова: деятельность, террористическая деятельность, критерии, поведение, механизм, практика.

The paper is devoted to the definition of the classification criteria of the terrorist activity by establishing its essence as a specific social practice with a special nature of activity.

Keywords: activity, terrorist activity, criteria, behavior, mechanism, practice.

Всестороннее изучение сущности террористической деятельности возможно при непрерывном условии решения вопросов классификации. С методологической точки зрения классификация позволяет упорядочить ранее известную информацию, а также выявить новые факты, связи между уже известными объектами. Логическая операция по классификации предполагает распределение предметов по выделенным признакам.

Взаимодействие со средой, взаимодействие с внешним миром является важным компонентом любой саморегулирующейся системы. Взаимодействие индивида с внешним миром обобщенно именуется активностью. Поведение человека – форма проявления активности. Категорию поведения и самой деятельности возможно рассматривать как с нравственной, так и с правовой точки зрения. Системность деятельности проявляется в подчинении единой мотивационной установке в рамках одного вектора поведения, следствием чего является качественное преобразование деятеля и внешнего мира.

Рассматривая деятельность с точки зрения нравственной категории, возможно проанализировать поведение индивида, однако можно рассматривать деятельность, в том числе противоправную, с точки зрения социальной практики. Анализ категории социальной практики позволяет выявить широкий круг разновидностей социальных практик, к которым следует относить и весь массив преступлений, проявляющихся в определенной предметной деятельности. Абстрагирование от формальной уголовно-правовой оценки преступных деяний позволяет сделать вывод о том, что преступления, как и другие виды социальных практик, воздействуют на систему общественных отношений, проявляя преэминентность и упорядочивая ее.

Современная психология исходит из того, что любая сфера социальной практики является определенным видом человеческой деятельности. Такой подход важен для выяснения механизма институционализации преступного поведения [1, с. 54].

Закрепленное в ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2] понятие террористической деятельности отражает исключительно практическую (содержательную) сторону данного

вида деятельности, поскольку трактуется лишь как ограниченный перечень конкретных практических действий. Для более глубокого изучения сущности и форм проявления террористической деятельности, как специфической социальной практики, необходимо осуществить классификацию данной деятельности на основании соответствующих объективных и субъективных критериев.

Относительно целей террористической деятельности следует конкретизировать следующее. Цель представляет собой результат, на который непосредственно направлена деятельность, без цели нет и самой деятельности. К. Маркс отмечал, что сознательно поставленная человеком цель, «как закон определяет способ и характер его действий...» [3, с. 189]. В соответствии со сказанным, цель террористической деятельности предопределяет объект, способ и средства совершения. По своей природе террористическая деятельность может преследовать внешнеполитические и внутриполитические цели.

В соответствии с внешнеполитическими целями, необходимо выделить:

- 1) ослабление международных связей (например, ст. 360 УК РФ);
- 2) воздействие на принятие решения международными организациями (например, ст. 205 УК РФ);
- 3) провоцирование внутривнутриполитических конфликтов в других государствах (например, ст. 361 УК РФ).

В соответствии с внутривнутриполитическими целями следует выделить:

- 1) воздействие на принятие решения органами власти (например, ст. 205 УК РФ);
- 2) подрыв безопасности общества, причинение вреда основам конституционного строя (ст. 205.1, 220, 221 УК РФ и др.);
- 3) оказание воздействия на сознание, волю, эмоции людей (например, 205.2 УК РФ);
- 4) прекращения государственной или политической деятельности государственного или общественного деятеля (например, ст. 277 УК РФ);
- 5) нарушение территориальной целостности (ст. 278, 279 УК РФ и др.) и т.п.

Динамический психофизиологический процесс, обеспечивающий деятельностьное удовлетворение потребностей человека, именуемый мотивацией, является одним из критериев террористической деятельности.

Структура деятельности включает в себя мотивы, потребности, задачи для ее осуществления. Воспроизводство действий состоит из различных мотивированных поведенческих паттернов, направленных на конкретный результат [4, с. 251–261].

Справедливо утверждает профессор А.Н. Игнатов, что выделяя мотивы преступного поведения, создается «методологическая ось» для раскрытия структуры личности преступника, а также потребностно-мотивационной сферы [5, с. 323].

Мотив обладает побудительными и смыслообразующими функциями. Мотивы могут сочетаться между собой в различных пропорциях.

В соответствии с критерием мотивации следует выделить следующие виды террористической деятельности:

- 1) идеологически мотивированная;
- 2) политически мотивированная;
- 3) мотивирование ненавистью и враждой (расовой, национальной, религиозной);
- 4) с корыстной мотивацией, в т.ч. использование международными акторами (государствами, корпорациями и пр.) террористических организаций (в т.ч. международных) в качестве «наемной силы» в целях достижения локальных или геополитических террористических целей.

Что касается индивидуальных форм террористической деятельности (в т.ч. участие отдельных индивидов в групповых формах преступной деятельности), то в значительной мере (по сравнению с групповыми формами) преобладает различного рода «личные» мотивы (корысть, месть, самоутверждение).

Террористическая деятельность отличается среди всей массы форм криминального поведения своей сложностью, охватывая систему объединенных мотивом поведенческих актов, т.е. допреступное, преступное и посткриминальное поведение. В соответствии с критерием практической направленности по своему содержанию террористическая деятельность может быть направлена на:

- 1) непосредственное достижение террористических целей (ст. 205, 205.2 УК РФ и др.);
- 2) на содействие достижению террористических целей (ст. 205.1, 205.3 УК РФ и др.);
- 3) противодействие социальному контролю (например, ст. 277 УК РФ).

В соответствии с критерием численности субъектов осуществления террористической деятельности, следует выделить два варианта осуществления данной деятельности:

1) индивидуальная (ст. 205.1, 205.2, 205.3 УК РФ и др.);

2) групповая деятельность (ст. 205.4, 205.5, п. «а» ч. 2. ст. 205, п. «а» ч. 2. ст. 206 УК РФ и др.).

Любая деятельность имеет предметную направленность. К объектам террористической деятельности относят:

1. Объекты, на которые оказывается опосредованное воздействие с применением средств террора (политические деятели, международные организации и др.).

Механизм воздействия на адресата дуалистичен (непосредственный и опосредованный), в связи с чем опосредованное воздействие в современных реалиях осуществляется с помощью широкого спектра инструментария (средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных систем и др.), которые имеют рычаги воздействия на все сферы жизнедеятельности общества.

2. Объекты, к которым применяется террористическое насилие (физические лица, объекты промышленности и др.).

Исходя из сложившейся в России системы уголовно-правовой охраны, типичными объектами террористической деятельности являются:

1) жизнь и здоровье граждан (например, ст. 205 УК РФ);

2) физические лица, занимающиеся государственной или общественной деятельностью (например, ст. 277 УК РФ);

3) конституционный строй Российской Федерации (ст. 278, 279 УК РФ и др.);

4) территориальная целостность (например, ст. 279 УК РФ);

5) объекты критической инфраструктуры (например, ст. 205 УК РФ);

6) объекты различного рода транспорта (например, ст. 205 УК РФ);

7) здания государственных учреждений (например, ст. 205 УК РФ) и т.д.

Реализация социальной практики предполагает не только совокупность действий, но и взаимодействий по поводу преобразования окружающей среды.

«Человек разумный», а равно «человек социальный», являясь отдельной единицей и

воспроизводя индивидуальную деятельность, в то же время является членом общества, принимая участие в групповой деятельности и рассматривается как часть общей системы. Однако, не стоит умалять роль индивидуального аспекта человеческой деятельности, который в сравнении с групповой деятельностью по своему содержанию может показаться второстепенным, хотя по своей сути является «ядром» всей деятельности.

Деятельность, как подчеркивал В.Е. Кемеров, не может осуществлять человек «вообще», ее реализуют конкретные индивиды, совместно или автономно. Человеческая индивидуальность включена в социальный процесс не только через прямые контакты с другими людьми, не только из общения с ними, но и через множество предметных опосредований, среди которых человеческая индивидуальность оказывается наиболее важным связующим звеном [6, с. 34].

Являясь следствием всемирной глобализации, деятельность все чаще характеризуется именно групповой формой воспроизведения. Высокий уровень коммуникационных способностей современного общества, а как следствие его мобильность, способствуют созданию транснациональных организаций, участники которых становятся субъектами групповой деятельности.

Криминальная деятельность характеризуется свойством воспроизводства преступности, как итог социального процесса по обмену результатами предметной деятельности. Преступная деятельность одних индивидов, вовлекая в свою орбиту третьих лиц, устанавливает зависимость от этой деятельности, тем самым способствуя созданию криминальной среды (групповой деятельности).

Анализируя социальную практику в свете воспроизводства криминальных и некриминальных видов деятельности как примера социального обмена предметной деятельностью, следует отметить, что групповая преступная деятельность не является простым расширением индивидуальной деятельности. Необходимо говорить о специфической взаимовлияющей форме коммуникации индивидуальных субъектов.

В криминологическом смысле, групповая преступная деятельность многократно увеличивает индивидуальные криминальные способности субъектов, а также усиливает

мотивационную составляющую, поскольку опосредованно проецирует преступное поведение на всех участников, вследствие чего становится возможным осуществление тех видов преступной деятельности, которые по своей сложности невозможны для осуществления индивидуально [7, с. 118].

В соответствии с критерием территориальной распространенности террористическая деятельность подразделяется по масштабам на:

1) локальные (ст. 205, 205.2, 205.4, 206, 207, 220, 221 УК РФ и др.);

2) в пределах региона (ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 207, 220, 221, 277, 279, 360 УК РФ и др.);

3) в пределах страны (ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 207, 220, 221, 277, 278, 279, 360 УК РФ и др.);

4) международные (ст. 205.3, 205.4, 205.5, 361 УК РФ и др.).

В этом плане экспансия террористической деятельности происходит от единичного локального места преступления, до охвата горо-

дов, регионов, стран систематической террористической деятельностью [8, с. 651]. Определение масштабов террористической деятельности актуализирует необходимость тесного сотрудничества стран по выработке единообразного толкования, не допускающего двойных стандартов.

Таким образом, террористическая деятельность по своим качественным характеристикам, масштабам распространенности, характеру субъектов в нее вовлеченных, представляет устойчивый социальный феномен, который развивается в соответствии с логикой развития общества в целом. Основными классификационными критериями террористической деятельности являются: цель, мотив, численность субъектов, практическая направленность, объекты деятельности, масштаб распространенности. Классификация, осуществленная посредством данных критериев, позволяет более глубоко и конструктивно исследовать сущность террористической деятельности, а также систематизировать данные о ее проявлениях.

Литература

1. Дремин В.М. Институциональная теория преступности и криминализации общества: дис ... д-ра юрид. наук. Одесса, 2010.
2. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 18.03.2020 г.) // СЗ РФ. 2006. № 11.
3. К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т. 23. М., 1955–1974.
4. Дремин В.Н. Преступность как социальная практика и предметная деятельность // Научные работы ОНЮА. Одесса, 2006.
5. Игнатов А.Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1.
6. Кемеров В.Е. Предметная деятельность – принцип развития общественных отношений // Сб. научных матер.: Философия. Люди. Жизнь. Екатеринбург, 1997.
7. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Ответственная опасность групповой преступности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 311.
8. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные, российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2005.

Bibliography

1. Dremin V.M. Institutional theory of crime and the criminalization of society: dis ... Doctor of Law. Odessa, 2010.
2. Federal Law «On Countering Terrorism» dated 06.03.2006, №. 35-FZ (as amended on 18.03.2020) // SZ RF. 2006. №. 11.
3. K. Marx and F. Engels. Works, comp. 23. Moscow, 1955–1974.
4. Dremin V.N. Crime as a social practice and subject // Scientific works ONYu. Odessa, 2006. Vol. 5.
5. Ignatov A.N. The concept and general characteristics of a criminal's personality // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2019. Vol. 5 (71). №. 1.
6. Kemerov V.E. Subject activity – the principle of development of social relations // Sat. scientific mater. : Philosophy. People. A life. Yekaterinburg, 1997.
7. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Social danger of group crime // Bulletin of Tomsk State University. 2008. № 311.
8. Luneev V.V. Crime of the XX century: world, regional, Russian trends. Ed. 2nd, rev. and add. Moscow, 2005.

Абрамова Полина Валерьевна
Abramova Polina Valerievna

старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права Краснодарского филиала
Российского государственного университета правосудия.

Senior Lecturer, the Department of Criminal Procedural Law, the Krasnodar Branch of the Russian State University
of Justice.

e-mail: xxxxxxxxxxx104@yandex.ru

**РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ЛИЧНОСТЕЙ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВОСПРЕпятСТВОВАНИЯ ПРАВОСУДИЮ**
**Role of the forensic examination of the identities of the criminal and the victim
in the investigation of the obstruction of justice**

В статье представлены структурные элементы криминалистической характеристики воспрепятствования осуществлению правосудия. В частности, рассмотрены отличительные особенности личности преступника и потерпевшего по исследуемым преступлениям.

Ключевые слова: правосудие, личность субъекта преступления, личность потерпевшего, криминалистическая характеристика личности.

The paper presents the structural elements of the forensic characteristics of the obstruction of justice. In particular, the author examines the distinctive features of the identities of the criminal and the victim in the investigated crimes.

Key words: justice, the identity of the criminal, the identity of the victim, the forensic characteristics of the person.

Одним из важных аспектов в методике расследования преступлений, воспрепятствующих осуществлению правосудия, выступает их криминалистическая характеристика. Следует отметить, что криминалистическая характеристика преступления представляет собой систему сведений, имеющих значение для раскрытия преступлений определенного вида, описывающую преступления как повторяющиеся относительно устойчивые явления, которые совершаются определенным числом вероятных способов, зависящих от свойств предмета посягательства, способа совершения преступления, личности субъекта преступления, личности потерпевшего, закономерно связанных между собой.

На современном этапе развития криминалистики представление о криминалистической характеристике преступлений сформировалось как самостоятельная частная теория, способная генерировать практические знания о закономерностях преступной деятельности, и способствующая выработке новых методов расследования. Знание дознавателем, следователем, судьей криминалистической харак-

теристики исследуемых в настоящей работе преступлений, содержания ее элементов, корреляционных связей, возникающих закономерностей при совершении данной группы преступлений, в последующем будет способствовать оперативному моделированию информационной модели подозреваемого, события преступления и др. Как следствие, отмеченное будет способствовать выбору наиболее рациональной и эффективной тактики производства следственных и процессуальных действий, качественному раскрытию и расследованию преступлений, воспрепятствующих осуществлению правосудия.

Системные и модельные свойства криминалистической характеристики преступления как нельзя более соответствуют решению задачи обобщения криминалистически значимых фактов. Благодаря указанным свойствам криминалистическая характеристика преступлений служит удобным инструментом для собирания криминалистически значимых фактов, характеризующих отдельное преступление, проведения первичной группировки не связанных между собой фактов по отдельным

признакам, а затем ведения поиска, описание и исследование взаимосвязей между вышеуказанными группами. В целях расследования преступных посягательств результативность применения криминалистической характеристики преступления многократно подтверждалась как научными, так и практическими работниками [1].

Отличительной особенностью обладает криминалистическая характеристика личности преступника и потерпевшего по исследуемым преступлениям. Основной задачей криминалистического установления личности преступника является использование информации для разработки тактики следствия [2]. Не является исключением и криминалистическая характеристика лиц, совершающих действия, направленные на воспрепятствование осуществлению правосудия. Знание типичных черт личности преступника позволяет оптимизировать процесс расследования преступлений [3]. Интерес криминалистики к личности преступника обусловлен тем, что «именно свойства личности преступника дают мотивацию его действий, определяют цель преступления, сокрытие его следов, особенности поведения при подготовке, совершении преступления и после него» [4]. Иначе говоря, криминалистику интересует прежде всего то, как психические качества конкретной криминальной личности могут проявиться в окружающем, объективном мире, какие следы (в широком смысле этого понятия) она может оставить [5].

Для объективного и всестороннего судебного разбирательства суд должен иметь четкое представление о личности преступника, поскольку ее свойства детерминируют систему действий по подготовке, совершению и сокрытию неправомерного завладения, т.е. способ совершения преступления [6].

На приоритет исследования личности преступника в рамках криминалистической характеристики преступления указывалось многими отечественными криминалистами, и, пожалуй, следует признать, что на данный момент это мнение является в принципе доминирующим [7]. Отметим, что подобный приоритет характерен не только для структурирования элементов криминалистической характеристики преступления, но и для осмысления более масштабных логических криминалистических

понятий – преступной и следственной деятельности.

Криминалистическая характеристика личности преступника – это криминалистически значимая информация о преступнике, его анатомических, биологических, психологических и социальных особенностях. Данная информация требуется для идентификации личности, решения тактических задач и установления фактической картины события преступления в процессе его раскрытия и расследования.

Раскрывая криминалистическую характеристику личности преступника, прежде всего, следует обратить внимание на информацию о его половозрастных особенностях. Проведенный анализ судебной и следственной практики по уголовным делам, связанным с воспрепятствованием осуществлению правосудия, позволил установить, что чаще всего к уголовной ответственности привлекаются лица мужского пола в возрасте от 21 до 45 лет.

Можно выделить следующие группы типичных субъектов преступления:

1. Должностные лица, занимающие государственные должности Российской Федерации, ее субъектов, должности глав администраций городов, районов, их заместителей, начальников отделов, депутатами разных уровней и т.д. Вмешательство может совершаться как посредством угроз судье (смещением с должности, преследованием по службе и т.п.), так и путем обещания разного рода преимуществ и льгот. Следует отметить, что это наиболее латентная форма вмешательства в осуществление правосудия. В частности, с момента действия УК РФ, судебная практика не имеет прецедента подобного вменения.

2. Должностные лица, которым судьи подчинены по службе (председатели судов и их заместители). Это также чрезвычайно латентная форма вмешательства. Как и предыдущая рассматриваемая форма еще не становилась предметом слушания в судах РФ.

3. Лица, которые в силу своего служебного положения имеют возможность ущемить законные интересы судьи (например, начальник бюро технической инвентаризации, препятствующий оформлению документов с недвижимостью, и начальник паспортно-визовой службы, отказывающий в регистрации по месту жительства, не выдающий водительское удостоверение, руководитель учебного заведения,

угрожающий исключением детей или родственников судьи из этого учебного заведения.

4. Любое заинтересованное лицо.

В качестве примера может послужить приговор Оренбургского областного суда, в котором гражданин К. признан виновным в том, что с целью добиться вынесения оправдательного вердикта в отношении своего сына С., подсудимого по уголовному делу, рассматриваемому с участием присяжных заседателей, попросил другое лицо воздействовать на последних для формирования мнения о невиновности подсудимого С., либо не являться в судебное заседание. После чего другое лицо по просьбе К. у дома присяжного заседателя, узнав о сформировавшемся у нее мнении о виновности подсудимых С. и других лиц, высказал в адрес присяжного заседателя требование об отказе от участия в рассмотрении уголовного дела в качестве присяжного заседателя [8].

5. Лица, в отношении которых осуществляется правосудие (уничтожение процессуальных документов, заявление мнимых отводов и т.п.).

Так, С. в ходе ознакомления с материалами административного дела умышленно в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, желая разрешения дела в свою пользу, вырвал из материалов дела квитанцию-чек прибора алкотестера «PRO-100COMB1» с результатами его освидетельствования на состояние алкогольного опьянения. В продолжение своих действий, находясь в зале судебного заседания при ознакомлении с материалами административного дела, С. в административном протоколе в графе «Объяснение лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении» изменил рукописную запись на «не согласен, что был пьян, т.к. алкотестер не показал опьянения», дописав частицу «не» перед первоначально имеющейся записью «согласен» [9].

Таким образом, особенность воспрепятствования осуществлению правосудия заключается в том, что оно не только предшествует исполнению преступления, формируясь в виде умысла на совершение вмешательства в осуществление правосудия путем корыстной цели, мотива, плана преступного поведения, но и сопровождает его от начала до конца.

При совершении указанной категории преступлений виновное лицо осознает общественную опасность своего противоправного деяния, предвидит неизбежность причинения вреда и желает наступления этих последствий. По большому счету, корыстная цель является обязательным признаком субъективной стороны указанных преступлений. Виновный сознает, что незаконно вмешивается в дела правосудия в свою пользу или пользу других лиц с целью получения определенной выгоды. В целом можно определить, что субъект преступления против правосудия – это самоуверенный, корыстолюбивый, стремящийся к получению власти, игровой тип человека, не боящийся риска. Мотивом мести руководствуются, как правило, либо бывшие служащие правоохранительных органов, органов правосудия, государственных, муниципальных и других, уволенные или имеющие судимость за служебные злоупотребления, либо желающие причинить вред удачливым бывшим сослуживцам.

Эффективное использование тактических приемов и методических рекомендаций по расследованию воспрепятствования осуществлению правосудия, разработанных криминалистикой, предусматривает тщательное исследование личности потерпевшего как объекта криминалистического исследования, играющего важную роль в раскрытии и расследовании преступлений [10].

По мнению Л.В. Франка, в этом аспекте целесообразны разработка приемов и методов выявления латентных и потенциальных жертв, создание системы тактических приемов и методов выявления причин и условий, способствующих совершению преступления, разработка методики изучения личности потерпевшего [11].

В свою очередь, Д.А. Турчин пишет о виктимологическом подходе в криминалистике не как о случайном приеме, а как о необходимой части исследования преступлений. Им выделяется проблема исследования следов потерпевшего, важность получения сведений о потерпевшем для прогнозирования его дальнейшего поведения [12].

Наряду с вышеуказанным, В.М. Быков отмечает целесообразность виктимологического анализа для законного и обоснованного разрешения уголовного дела, выдвижения версий о преступнике и определения круга

лиц, среди которых его следует искать, а также прогнозирования его поведения на предварительном следствии и в суде, определения тактики следственных и розыскных действий [13].

В.И. Шиканов рассматривает криминалистическую виктимологию как частную криминалистическую теорию. В ее предмет он включил «взаимосвязи, взаимозависимости между преступником и его жертвой, обуславливающие генезис и последующую динамику преступления, а также действия преступника (иногда потерпевшего и иных лиц), направленные на сокрытие преступления и его следов [14].

Между тем интересным представляется мнение Р.С. Белкина, который выделяет фигуру потерпевшего при «классификации преступлений, связанных с объектом преступления по личности потерпевшего», а также в качестве одного из оснований для создания «комплексов частно-методических криминалистических рекомендаций большей степени общности, охватывающих несколько видов и даже родов преступных посягательств, но совершенных не вообще, а в специальных условиях места, времени либо лицами, характеризующимися тем или иным общим для них отличительным признаком» [15].

На взгляд Н.П. Яблокова, «выявление и изучение криминалистически значимых особенностей личности потерпевшего и его поведения (до, в момент и после совершения преступления) дают возможность глубже разобраться во многих обстоятельствах преступления, особенно указывающих на своеобразие, направленность и мотивы поведения преступника, его общие (типовые) и индивидуальные свойства». Неудивительно, что в преступлениях, где есть потерпевшие, выявление преступника в значительной мере идет по цепи потерпевший – подозреваемый – обвиняемый [16].

В криминалистической науке данные о личности потерпевшего являются важным элементом криминалистической характеристики преступлений. Вместе с тем унифицированной позиции относительно системы данных, составляющих криминалистическую характеристику личности потерпевшего, в отечественной криминалистике еще не сложилось.

Так, по мнению Ю.В. Гаврилина и Н.Г. Шурухнова, «информация о потерпевшем

должна включать демографические данные (пол, возраст, место жительства, профессия и т.п.), сведения о характере и объеме нанесенного ему ущерба, физических, биологических и психологических особенностях потерпевшего, его образе жизни, заболеваниях, виктимности поведения, уровне культуры, ценностных ориентациях, наличии связей и отношений с другими людьми. Данные о потерпевших и их поведении позволяют объяснить направленность и мотивы поведения преступника, его общие и индивидуальные качества» [17].

Структурный анализ потерпевших показывает, что индивидуальная виктимность во многих случаях проявляется избирательно. Установлено, что обладающие различными свойствами или качествами, как правило, становятся жертвами разных видов преступлений, а люди со сходными личностными, социальными, демографическими и иными показателями нередко несут ущерб от одинаковых по объекту посягательства преступлений. Это позволяет говорить о наличии видовой групповой виктимности.

Видовая виктимность выражается в относительной «предрасположенности» отдельных людей становиться в силу ряда обстоятельств жертвами отдельных видов преступлений, например, потерпевшими главным образом от краж, мошенничества, телесных повреждений. Предполагается, что именно видовая виктимность позволяет наиболее полно выделить основные типичные черты потерпевших от того или иного вида преступлений и осуществить типологию жертв. Отмеченный факт имеет большое практическое значение для разработки системы профилактических мер защиты лиц, склонных в силу своих индивидуальных свойств и качеств с большей вероятностью, чем другие граждане, нести ущерб от конкретных видов преступлений.

Групповая виктимность заключается в общей для отдельных категорий людей, обладающих сходными социальными, демографическими, психологическими, биофизическими либо другими качествами, повышенной способностью при определенных условиях становиться жертвами преступлений. Например, есть профессии, которые объективно повышают возможность людей, избравших их своим жизненным поприщем, нести в определенных

случаях ущерб от преступных посягательств. Так, например, работники полиции и лица, осуществляющие правосудие, уже в силу выполняемой ими работы нередко становятся жертвами преступников.

Показательным может выступать рассмотренное Бабушкинским районным судом г. Москвы уголовное дело в отношении М., которая обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ. Последняя, находясь в состоянии алкогольного опьянения, ударила кулаком полицейского, который просил М. не нарушать общественный порядок. При этом полицейский находился при исполнении своих служебных обязанностей, в форменном обмундировании. Как было установлено в ходе судебного разбирательства в дальнейшем, М. совершила указанные действия умышленно [18].

Говоря о правовой регламентации круга потерпевших в рассматриваемом преступлении, следует отметить, что он решен недостаточно четко. На это обращают внимание К.Ф. Амиров, Б.В. Сидоров и К.Н. Харисов [19].

Так, из диспозиции ч. 1 ст. 294 УК РФ не следует однозначный вывод судьи каких судов подпадают под рамки ее уголовно правовой охраны. Кроме того, не ясно, входят ли в круг рассматриваемых потерпевших присяжные и арбитражные заседатели. В этой связи некоторые авторы полагают, что в качестве потерпевших от преступления могут стать и близкие судье, присяжному заседателю [19]. С ними солидарен Л.В. Брусницын, который отмечает, что в круг лиц, участвующих в уголовном процессе, следует включать не только родственников, участвующих в уголовном процессе, но и иных близких им лиц, в том числе не находящихся в родственных отношениях [20].

Акты неправомерного воздействия могут быть направлены не только в отношении самих участников уголовного судопроизводства и лиц, его осуществляющих, но и в отношении их близких и дальних родственников или других близких людей.

Одним из ярких примеров может выступать уголовное дело, возбужденное в отношении С. и К., которые напали на дом судьи Б-ского районного суда, где проживает судья, его семья и родители. Обвиняемые потребовали от домовладельцев денег и иных ценностей, а также избили мужа судьи и прострелили ему ноги.

Кроме этого, примером может послужить уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ст. 295 (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), ч. 2 ст. 222 (незаконный оборот оружия), ч. 3 ст. 162 УК РФ (разбой). Так, неизвестные лица в масках в ночное время суток ворвались в дом, где проживала семья помощника прокурора Ленинского района г. Махачкала и его родители. Потребовали у последних отдать денег и иные ценности, после чего дождалась возвращения самого помощника прокурора, вывели его во двор дома, где застрелили его [21].

С подобными противоправными действиями злоумышленники действовали и в отношении семьи председателя Каргапольского районного суда С. Несколько раз был осуществлен наезд на супругу председателя суда, в ходе расследования преступники установлены не были. Позднее, в результате поджога, супруга С. с гипертоническим кризом была доставлена в больницу. Также психическое расстройство получил 11-летний внук председателя суда [22].

Как уже говорилось нами ранее, следует также иметь в виду, что характер угроз может быть весьма разнообразен и непредсказуем. Гораздо сложнее квалифицировать в качестве угрозы высказанную заинтересованным лицом (например, членом организованной преступной группы, лицами из окружения обвиняемого или подсудимого, либо его преступных связей и т.д.) осведомленность об обстоятельствах, связанных с обеспечением безопасности близких лиц для участника судопроизводства (потерпевшего, свидетеля и др.), например, детей. В таких случаях до сведения человека, на которого оказывается психологическое давление, преступники доводят ставшую им известной информацию о том, в какой школе обучается его ребенок, каким маршрутом, в какое время он направляется на учебу и следует обратно домой и т.д. При этом откровенная угроза в общепринятой ее форме может быть не высказана, хотя любому человеку в данном случае становится понятным, что преступники обладают информацией о его частной жизни или подробностях о его близких не случайно. Совершенно очевидным является тот факт, что последние реализовали ранее поставленную

задачу – узнать, сведения, важные для обеспечения безопасности лица (его близких), связанного с уголовным процессом, в целях использовать их в своих противоправных интересах.

Результатом доведения до «воздействуемого» лица конфиденциальной информации о нем может быть внушение ему необходимой для преступников уступчивости, сговорчивости, и, в конечном итоге, готовности дать те показания, которые позволят подозреваемому (подсудимому) избежать уголовной ответственности.

Рассмотрим психологические особенности личности потерпевшего, которые классифицируются на два основных криминалистических типа [23].

К первому типу относятся лица с активной жизненной позицией, у которых сильно развито чувство долга, уважающие интересы государства и общества. Для таких добросовестных потерпевших необходимость содействия следствию для привлечения преступника к уголовной ответственности является закономерной. Во время предварительного следствия такие потерпевшие делают все для того, чтобы истина была установлена, а справедливость восторжествовала. Потерпевшие обращаются в полицию с заявлением о совершенном преступлении, дают показания, отличающиеся полнотой и правдивостью, не отказываются от выполнения поручений следователя и положительно реагируют на его приглашения принять участие в следственном действии. Они своевременно являются с необходимыми документами на судебную экспертизу; при допросе высказывают различные предположения, направленные на установление личности виновного; на очной ставке с обвиняемым активно его изобличают, а при общении с другими участниками расследования не терпят искажения истины свидетелями, настойчиво и уверенно доказывают свою правоту.

Однако следует отметить, что даже самые активные и добросовестные потерпевшие стараются смягчить факты, характеризующие их не с лучшей стороны. При этом некоторые обстоятельства иногда могут быть изложены ими неточно. Это может проявляться в облагораживании своих собственных действий и в отягчении действий и поведения обвиняемого. В целом для этого типа потерпевших характерно стремление к справедливости.

Второй криминалистический тип потерпевших характеризуется пассивностью. Потерпевший дает полные и правдивые показания, но ведет себя инертно, к решению вопросов, возникающих в процессе расследования, относится безынициативно, своих ходатайств не заявляет, отказывается знакомиться с материалами уголовного дела.

Доминирующими чертами характера такого типа потерпевших являются: сдержанность, замкнутость, инертность. Учитывая эти особенности, судья должен постараться убедить их в необходимости принять участие в судебном рассмотрении дела.

Кроме указанных выше криминалистических типов добросовестных потерпевших выделяются недобросовестные потерпевшие. Мотивами, побуждающими таких потерпевших давать ложные показания, могут быть боязнь скомпрометировать себя или боязнь огласки своего противоправного или безнравственного поведения. Мотивами желания скрыть действительные причины события преступления являются: стремление сохранить различного рода взаимоотношения с виновным; скрыть собственное преступное поведение, а также корыстная или иная личная заинтересованность в исходе дела. Потерпевший намеренно искажает действительность совершенного преступления с целью отягчить вину, чтобы избавиться по каким-то причинам от обвиняемого или получить материальную выгоду. Потерпевшие данного типа сильнее других подвержены влиянию обвиняемого и его родственников угрозам или шантажу с их стороны.

Таким образом, вероятными чертами характера недобросовестных потерпевших могут быть: корыстолюбие, трусость, скрытность, лживость. Проведенное исследование показывает, что наметилась тенденция увеличения количества потерпевших, намеренно искажающих действительность совершенного преступления.

Представляется, что рассмотренные структурные элементы криминалистической характеристики воспрепятствования осуществлению правосудия послужат основой для дальнейшей разработки теоретических и практических рекомендаций по оптимизации расследования данной категории преступлений.

Литература

1. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика как элемент расследования // Вестник криминалистики. Вып. № 1. М., 2000.
2. Поврезнюк Г.И. Криминалистические методы и средства установления личности в процессе расследования преступлений. По материалам стран СНГ. М., 2005.
3. Абрамова П.В. Характеристика личности преступника при расследовании преступлений против правосудия // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2014. № 4 (26).
4. Сидорова Е.А. Роль следователя в установлении механизма преступления // Следователь сегодня: материалы научно-практической конференции (8 декабря 1999 г.). Саратов, 2000.
5. Подольный Н.А. Молодежная организованная преступность. М., 2006.
6. Курс криминалистики в 3-х томах / под ред. О.Н. Коршуновой, А.А. Степанова. Т. 2. СПб., 2004.
7. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980.
8. Официальный сайт Оренбургского областного суда. URL: <http://oblsud.orb.sudrf.ru>.
9. Приговор по делу № 2-6/2011 г. Псковского областного суда.
10. Клещина Е.Н. Потерпевший как объект криминалистического исследования // Общество: политика, экономика, право. М., 2008.
11. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.
12. Турчин Д.А. Виктимологические задачи в криминалистике. Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974.
13. Быков В.М. О возможности использования виктимологического анализа при расследовании преступлений // Вопросы криминалистической тактики. Ташкент, 1978.
14. Шиканов В.И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978.
15. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3. М., 1979.
16. Криминалистика: учебник для вузов / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 1995.

Bibliography

1. Bakhin V.P. Criminalistic characteristics as an element of investigation // Bulletin of Criminalistics. Issue. № 1. Moscow, 2000.
2. Povreznyuk G.I. Criminalistic methods and means of establishing identity in the process of investigating crimes. According to the materials of the CIS countries. Moscow, 2005.
3. Abramova P.V. Characteristics of the criminal's personality in the investigation of crimes against justice // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. № 4 (26).
4. Sidorova E. A. the Role of the investigator in the establishment of a mechanism of crimes // the Investigator today: materials of the scientific-practical conference (8 December 1999). Saratov, 2000.
5. Podolny N. A. Youth organized crime. Moscow, 2006.
6. Course criminology in 3 vols / ed. by O.N. Korshunova, A.A. Stepanov. Vol. 2. St. Petersburg, 2004.
7. Vedernikov N.T. The identity of the accused in the Soviet criminal procedure: abstract of the dis. ... Doctor of Law. Moscow, 1980.
8. Official website of the Orenburg Regional Court. URL: <http://oblsud.orb.sudrf.ru>.
9. Verdict in case № 2-6 / 2011, Pskov Regional Court.
10. Kleshchina E.N. The victim as an object of forensic research // Society: politics, economics, Law. Moscow, 2008.
11. Frank L.V. Victims of crime and problems of Soviet victimology. Dushanbe, 1977.
12. Turchin D.A. Victimological problems in criminalistics. The victim of a crime. Vladivostok, 1974.
13. Bykov V.M. About the possibility of using victimological analysis in the investigation of crimes // Questions of forensic tactics. Tashkent, 1978.
14. Shikanov V.I. Actual issues of criminal justice and criminalistics in the conditions of modern scientific and technological progress. Irkutsk, 1978.
15. Belkin R.S. Rate of the Soviet criminology. Vol. 3. Moscow, 1979.
16. Forensic science: textbook for universities / ed. N.P. Yablokov. Moscow, 1995.
17. Gavrilin Yu.V., Shurunov N.G. Forensics: methods of investigation of certain types of crimes: a course of lectures. Moscow, 2004.

17. Гаврилин Ю.В., Шурухнов Н.Г. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений: курс лекций. М., 2004.

18. Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/news/56848504-d831-4fbd-bb53-5444fef8d2d9>.

19. Амиров К.Ф., Сидоров Б.В., Харисов К.Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законотворчества. Казань, 2003.

20. Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: российский, зарубежный и международный опыт XX века (процессуальное исследование). М., 2001.

21. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/567236>.

22. Официальный сайт Александровск-Сахалинского городского суда Сахалинской области. URL: http://aleksandrovsk.sah.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=9.

23. Анненков С.И. Использование криминалистической характеристики личности потерпевшего от мошенничества при организации допроса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2008. № 1.

18. The official portal of courts of General jurisdiction of the city of Moscow. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/news/56848504-d831-4fbd-bb53-5444fef8d2d9>.

19. Amirov K.F., Sidorov B.V., Kharisov K.N. Responsibility for criminal interference in the activities of persons exercising justice and criminal prosecution: problems of theory and law-making. Kazan, 2003.

20. Brusnitsyn L.V. Ensuring the security of persons promoting criminal justice: Russian, foreign and international experience of the XX century (procedural research). Moscow, 2001.

21. Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <https://sledcom.ru/news/item/567236>.

22. Official website of the Alexandrovsk-Sakhalinsk City Court of the Sakhalin region. URL: http://aleksandrovsk.sah.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=9.

23. Annenkov S.I. The use of forensic characteristics of the identity of the victim of fraud in the organization of the interrogation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. Saratov, 2008. № 1.

Хламов Никита Эдуардович
Khlamov Nikita Eduardovich

ассистент кафедры криминалистики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Assistant, the Department of Forensic Science, the Lomonosov Moscow State University.

ЗНАЧИМЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ СРЕДСТВ

Significant characteristics of crimes committed by the computer means

Определение понятия преступлений, совершаемых с использованием компьютерных средств, является важной научной задачей по причине того, что оно отражает основные существенные признаки, наличие которых указывает на особенности способа совершения преступления и необходимость отыскания этих особенностей в процессе расследования преступлений в соответствии с криминалистической методикой.

Ключевые слова: преступления, компьютерные средства, криминалистическая методика, киберпреступление.

The definition of the concept of crimes committed by the computer means is an important scientific task because it is intended to contain the main essential features, the presence of which points to the specifics of the modus operandi and the need to find these specifics during the investigation of crimes in accordance with the criminalistic methodology.

Keywords: crimes, computer means, forensic techniques, cybercrime.

Любая криминалистическая методика расследования преступлений в своей основе имеет определенные теоретические обоснования, которые, в первую очередь, связаны с определением предмета расследования, а он, в свою очередь, связан с понятиями, определяющими основное содержание данного предмета.

Для преступлений, совершаемых с использованием компьютерных средств, важным является определение собственно этих преступлений.

Как верно пишет В.И. Кондауров, понятие – «...одна из фундаментальных форм обобщения научного знания и его интеграции» [1, с. 79].

Определение любого понятия, в том числе и в криминалогии, связано с пониманием его сущности, которая, как понятие, в теории науки определяется через «совокупность всех сторон и связей (законов), свойственных вещи, взятых в их естественной взаимосвязи, в их жизни, в отличии от явления, которое есть обнаружение сущности через свойства и отношения, доступные чувствам» [2, с. 578].

Анализ приведенного определения позволяет прийти к заключению, что понятия сущности и явления, определяемого объекта или процесса можно считать парными категориями, которые неразрывно связаны между собой, а сущность всегда должна быть обнаружена через явление.

В соответствии с этой методологией следует проводить отыскание понятия преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств и это не только те, которые определены в главе 28 УК РФ, но также, например, ими могут быть экстремистские действия с использованием мессенджеров, то есть любые деяния с использованием компьютерных средств.

Возникает вопрос, что собой представляет компьютерное средство?

Общепризнано, что это аппаратное средство компьютерной техники (технические средства), используемое для обработки данных; механическое, электрическое и электронное оборудование, используемое для целей обработки информации, то есть любой гаджет (в широком смысле слова, флэш-карта, смартфон, ноутбук и пр.) – техническое приспособление с цифровыми технологиями, повышенной функциональностью и ограниченными возможностями на основе определенной специализации в соответствии с программным обеспечением для решения задач той или иной предметной области.

Для компьютерного средства главным является его программное обеспечение, которое представляет собой родовое понятие, требующее своего деления, для толкования его элементов и определения искомого понятия – преступление,

совершенное с использованием компьютерных средств.

Анализируя известные теоретические определения понятия «классификация», можно сгруппировать их по цели, как существенно-му признаку, отражающему классификацию в качестве процесса [3], результата [4, с. 10] или процедуры использования той или иной классификации.

Мы не будем проводить анализ этих определений, так как не видим в этом особой необходимости, а выразим свое отношение к этому важному вопросу, которое заключается в том, что, на наш взгляд, классификация представляет собой формально-логическую операцию, направленную на выявление структуры понятия, то есть классификация это не что иное как «конкретизация понятия, выделение возможных видовых различий, особенностей в пределах рассматриваемой общности» [5, с. 366].

Известно достаточно много классификаций понятия «программное обеспечение», данных по различным основаниям. Проведя их анализ, мы приходим к мнению, что, на наш взгляд, актуальной может быть классификация программного обеспечения по его целевому назначению, то есть программное обеспечение условно можно делить на: 1) системные программы; 2) прикладные программы; 3) инструментальные системы.

Программы могут быть сертифицированным и несертифицированным – хакерскими, произведенными исключительно для достижения преступных целей преступниками.

Понятие преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств, невозможно раскрыть, не связав его с таким общеизвестным понятием как «киберпреступление», то есть любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети.

Дадим определение понятиям «компьютерная система» и «компьютерная сеть». Компьютерная система – это совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих компьютеров (процессоров), периферийного оборудования и программных средств, предназначенных для подготовки и решения задач пользователя. В свою очередь, компьютерная сеть – это совокупность компьютеров, взаимосвязанных через каналы передачи данных для обеспечения обмена информацией и коллективного доступа пользователей к аппаратным, про-

граммным и информационным ресурсам сети.

Вместе с тем совершение любого общественно опасного деяния с использованием компьютерного средства, как и любого другого преступления, связано с пространственно-временными отношениями.

Использование субъектом (владельцем) компьютерного средства для достижения преступных целей в соответствии с положениями, характеризующими пространственно-временные отношения (континуум) его действий, всегда должно оставлять след как «событие», на которое опирался А. Эйнштейн в описании своих взглядов на указанное понятие (континуум), след, обладающий конкретными характеристиками и имеющий конкретные пространственные и временные характеристики.

Если в процессе расследования этот след устанавливается и поддается описанию, которое объективно может способствовать идентификации компьютерного средства, можно с уверенностью свидетельствовать о совершении в киберпространстве преступления с его использованием.

Отсюда преступление, совершенное в киберпространстве, представляет собой противоправное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ, компьютерных сетей, несанкционированная модификация компьютерных данных, а также иные противоправные общественно опасные действия, совершенные с помощью или посредством компьютеров (компьютерных средств), компьютерных сетей и программ.

Правовые источники международных организаций в понятие «киберпреступление» включают любое противоправное деяние, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети, то есть это может быть любое преступление, совершенное в цифровой среде.

На этом основании и с учетом приведенных выше взглядов можно сделать вывод, что киберпреступление – это противоправное, общественно опасное действие, совершенное в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных.

В соответствии с выделенными признаками представляется возможным предпринять

попытку определения понятия преступлений, совершаемых с использованием компьютерных средств на уровне явления, а затем и сущности, так как выше было отмечено, что сущность всегда может быть обнаружена через явление.

Актуально определить, какую именно дефиницию данного понятия необходимо и возможно дать, так как в теории науки определения классифицированы на три группы: номинальные, аналитические, синтетические. А по своей диалектической концепции они могут быть эмпирическими, абстрактно-теоретическими и конкретно-теоретическими понятиями.

На наш взгляд, искомое понятие должно быть эмпирическим понятием, так как его отыскание: 1) основано на индуктивном методе познания; 2) этот процесс связан с данными судебно-следственной практики; 3) эмпирическое познание, как уровень научного знания, основано на непосредственной данности предмета субъекту исследования; 4) познание предмета на эмпирическом уровне связано с принципом – обобщение есть познание общего в отдельном.

Анализ большинства категориальных и иных определений понятий в криминалистике приводит нас к мысли о том, что они связаны с отражением не конкретных признаков определяемых этими понятиями предметов, а только их общих признаков, то есть эти определения даются в общей форме.

Подобные определения в приведенной выше классификации называются формальными определениями понятия.

Эти определения являются распространенными в науке вообще и в криминалистике, в частности. Заложенные в них функции обозна-

чения и различия предметов практически всегда достаточны для того, чтобы было возможно, опираясь на них, решать прикладные и познавательные задачи конкретного исследования.

Выше мы раскрыли основные существенные признаки понятия преступления, которое совершено с использованием компьютерных средств и считаем их достаточными для того, чтобы дать искомое определение.

На этой основе можно дать эмпирическое, формальное определение понятия преступлений, совершенных с использованием компьютерных средств. Мы полагаем, что это – противоправное уголовно наказуемое деяние, достижение цели которого возможно исключительно (или с помощью) компьютерного средства, оснащенного соответствующим специальным программным обеспечением, чье использование в границах компьютерной системы (сети) оставляет следы, определенные идентификационными пространственно-временными характеристиками, что отражает особенности способа совершения преступления, актуальные для его расследования.

Внутреннее содержание данного определения (его сущность) мы связываем с тем, что достижение преступного результата актуализируется использованием программного обеспечения компьютерного средства, которое изменяет способ совершения преступления, а его познание важно для расследования преступления.

Определение понятия данных преступлений позволяет следователю в процессе их расследования более внимательно относиться к изучению способа совершения с тем, чтобы отразить его особенности в доказательствах уголовного дела.

Литература

1. Кондауров В.И. Процесс формирования научного знания (онтологический, гносеологический и логический аспекты): монография. М., 2014.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 2013.
3. Гейссер С. Распознавание: отнесение и разделение. Линейные аспекты // Классификация и кластер. М., 1980.
4. Воронин Ю.А. Введение в теорию классификаций. Новосибирск, 1982.
5. Войшвилло Е.К. Диалектические аспекты в учении о понятии // Диалектика научного познания. Очерк диалектической логики. М., 1978.

Bibliography

1. Kondaurov V.I. Process of formation of scientific knowledge (ontological, epistemological and logical aspects): monograph. Moscow, 2014.
2. Kondakov N.I. Logical dictionary-reference. Moscow, 2013.
3. Geisser S. Recognition: attribution and separation. Linear aspects // Classification and cluster. Moscow, 1980.
4. Voronin Yu.A. Introduction to the theory of classifications. Novosibirsk, 1982.
5. Voishvillo E.K. Dialectical aspects in the doctrine of the concept // Dialectics of scientific knowledge. Essay of dialectical logic. Moscow, 1978.

Овчинников Алексей Игоревич
Ovchinnikov Alexey Igorevich

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, профессор кафедры теории государства и права Ростовского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Head of the Department of Theory of State and Law, Southern Federal University, Professor, the Department of Theory of State and Law, the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor.

Казачанская Елена Александровна
Kazachanskaya Elena Aleksandrovna

доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Theory of State and Law, Southern Federal University, Phd in Law, Associate Professor.

**ЦИФРОКРАТИЧЕСКИЕ УТОПИИ И АНТИУТОПИИ:
ПРЕДПОСЫЛКИ И КРИТИКА В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ
УЧЕНИЯХ ПРОШЛОГО И СОВРЕМЕННОСТИ***

**Digital utopias and distopias: prerequisites and criticism in the state legal teaching
of the past and present**

В статье предпринята попытка критического осмысления философско-правовых и идеологических оснований новых цифровых технологий государственного управления, рассмотрены идеологические предпосылки и принципы построения нового общественного порядка с утопической мечтой о полноценной свободе личности, которая становится целью новой идеологии – трансгуманизма. Авторы обращают внимание на необходимость сдержанного и умеренного внедрения технологических новинок в государственное управление и показывают, что цифрократические утопии являются закономерным итогом материализма и рационализма Нового времени и Просвещения, поэтому близость либеральных и социалистических идей, их «общий корень» проявляется особенно отчетливо именно в современных концепциях трансгуманизма и цифровых утопий.

Ключевые слова: права человека, трансгуманизм, правовая идеология, цифровизация права, цифровизация государства, либеральная философия права, цифровое государство, цифровое право.

The paper attempts to comprehend critically the philosophical, legal and ideological foundations of new digital technologies of public administration, it considers the ideological prerequisites and principles of building a new social order with an utopian dream of full-fledged personal freedom, which becomes the goal of a new ideology that is transhumanism. The authors draw attention to the necessity of restrained and moderate introduction of technological innovations into public administration and show that digital utopias are the natural result of materialism and rationalism of the New Age and the Enlightenment, therefore, the proximity of liberal and socialist ideas, their «common root» is especially clearly manifested in modern transhumanism concept and digital utopias.

Keywords: human rights, transhumanism, legal ideology, digitalization of law, digitalization of the state, liberal philosophy of law, digital state, digital law.

Цифровая трансформация стала постепенно основным трендом революционного слома эпох в истории человеческой цивилизации, значимость и глубина которого тождественна переходу от Средневековья к Новому времени. Не стоит забывать о необходимости

разностороннего осмысления этих процессов. В современной философской и юридической литературе критика всеобъемлющей и всеохватывающей цифровизации различных сфер общественной жизни постепенно становится мощным интеллектуальным трендом,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-011-00820 (а).

свидетельствующем о растущей популярности если не неоконсервативной, то, по крайней мере, критической, и, даже, дистанцирующейся от нейтральной и одобрительной трактовки проектов тотальной цифровизации государственного управления и общественной жизни [11; 12]. При этом важно отметить, что в отношении основных тенденций цифровизации права и государства однозначно невозможно применить классическую дифференциацию правовых взглядов на либеральные, социалистические и консервативные. Сторонники цифровизации, чаще всего, разделяют некий синтез нелиберальной модели и правовой идеологии общества, построенного на рационалистических, экономоцентристских, цифрократических принципах, с социалистической мечтой о справедливом государстве, своеобразном Земном рае, обществе равенства и подлинной свободы, которую должен обеспечить новый уровень развития науки и техники. Цифрократические утопии являются закономерным итогом материализма и рационализма Нового времени и Просвещения, поэтому близость либеральных и социалистических идей, их «общий корень» проявляется особенно отчетливо именно в современных концепциях трансгуманизма и цифровых утопий.

Консервативные концепции государства и права XIX и XX вв. были настроены против либеральных и социалистических проектов, так как изначально их появление было вызвано отторжением европейской аристократией как либеральных надежд на мифическую роль «свободного рынка» в построении Земного рая, так и эгалитарных проектов утопической направленности социализма и коммунизма.

Следует обратить внимание на философские и религиозные предпосылки идей либеральных мыслителей, вызвавших консервативную реакцию в Европе XIX столетия, и выделяющих принципиальную несовместимость цифрократии и консерватизма. Прежде всего, это идея деизма – философско-религиозное мировоззрение ученых в Западной Европе и Америке XVI–XVIII вв., понимавших Творца как автора Вселенной, исторической первопричины материи и цивилизации и соединявшее религию с моралью. В XVII столетии на родине либерализма в Англии, а также во Франции, деизм становится самым влиятельным религиозно-философским течением общест-

венной мысли. Деизм всячески оппонировал официальным христианским догматам Католической и Англиканской церкви, настаивая на идее естественной религии, противопоставлявшейся различным системам религиозного откровения. Максимальное обоснование деизм получил в трактатах Ж. Бодена, Дж. Толанда, А. Коллинза, Дж. Тиндаля, Г. Болингброка и других мыслителей, отталкивавшихся в своем мышлении от принципов свободомыслия, материализма и рационализма.

Либерализм и деизм отличают и политическое мышление во Франции и США, так как деизм был тесно связан с философским скептицизмом. Основные идеи данного философского направления развивались так называемыми либертинами, которые отстаивали принцип свободомыслия, гедонизма и полной раскрепощенности человека в его желаниях. Французские материалисты Гольбах, Дидро, Руссо и другие, также развивали собственные версии деизма, отвергая традиционное христианство с его консервативным учением о непреклонном исполнении Божьих заповедей и Промысле Бога о мире. Американские просветители и авторы американской Конституции Том Пэйн, Томас Джефферсон, Александр Гамильтон и другие мыслители были также сторонниками деизма. Таким образом, секуляризация общества и государства, гонения на традиционную христианскую Церковь в западноевропейских странах XVII–XVIII столетий были во многом продиктованы соображениями деизма.

Рационалистические проекты идеального будущего были вызваны глубинными трансформациями религиозного сознания. Представление о Боге – Творце как первопричине мира и Создателе человеческой цивилизации, впоследствии устранившегося и не вмешивающегося в жизнь человеческого общества, привели к мысли о необходимости активного преобразования мира и построения Земного Рая усилиями человеческой воли и разума. Именно либеральный прогрессизм, соединившийся с идеями деизма и близкого деизму материализма приводит постепенно к мысли если о необходимости атомарно-индивидуалистического проектирования государственной жизни, в которой «обречены» на выживание лишь наиболее рационально мыслящие и экономически активные представители человеческого рода.

Выделять положительные и отрицательные позиции ученых, исходя из классической модели разделения ценностных оснований правового мышления на либерально-индивидуалистические, социалистические и консервативно-патриархальные, возможно только с определенными оговорками. Противники либеральных идей в области науки о праве и государстве опираются на антипрогрессистские и антимодернизаторские оценки новых технологических укладов последнего столетия, используя те же аргументы, примерно, что и консерваторы XX столетия. Обратит внимание необходимо на те проекты государственно-правового моделирования, которые задолго до современного государства и права предсказали появление новой технократической цивилизации.

Важнейшие принципы либеральной политико-правовой идеи базируются на своеобразной религиозно-философской картине мира на модернизируемые концепции, ценности и принципы христианской морали, антропологии и философии «погружены» в материалистический и механистический проект преобразования мира на началах естествознания и математики. Сенсуализм, просвещенный абсолютизм, рационализм и материализм приводят постепенно к реификации – отчуждению и овеществлению мира политики и права, социальных отношений и общественных связей, что впоследствии привело и к появлению предпосылок математизации социального мира, в первую очередь экономики, в рамках которой число прибыли становится идолом.

Современные модели будущего основываются на традиционно важных для человечества темах взаимозависимости идей свободы и равенства. В качестве средства раскрепощения человека и преодоления «уз несвободы» человеческой личности неолиберальная идея трансгуманизма рассматривает развитие технологий, в том числе цифровых. Трансгуманизм – философско-прогрессистская идея нового человечества, преодолевающего постепенно все узы несвободы и дефекты человеческой природы: ограниченный разум, смертность, телесность и т.д. Это идеология постчеловека, победившего с помощью разума и технологий все ограничения своего бытия. Таким образом, цифровизация и искусственный интеллект получают не просто легитимность в рамках либерального мировоззрения, а превращаются в

«идола», которому одинаково поклоняются и финансисты-банкиры, и технари-хозяева Фэйсбук и Гугла, и обыватели, мечтающие о новых удовольствиях и комфорте, облегчении физического труда и освобождении от работы, долгожданном равноправии. Парадоксально, но здесь с либералами солидарны и социалисты, так как новые технологии постепенно приведут, по их мнению, к исчезновению классового неравенства [13].

Современные правоведы пытаются разработать новую правовую постнеклассическую концепцию «четвертого поколения прав человека» [15]. Эти правовые идеи тесно связаны с либеральной философией права: «Человеческая свобода в обществе имеет правовую меру. Однако представление о соматических правах человека радикализирует идею индивидуальных прав («мое тело – мое дело»), что соответствует антропологии либертариизма. Тем самым отвергается принятие человеком общности с другими людьми (второе и третье поколения прав человека)» [10]. Большинство исследований современной юридической науки опирается на классическую модель государств и права, пытаясь приспособить старые понятия к новой реальности.

Благовидный предлог освобождения человека и общества с целью преодоления пороков традиционного социума лежит в основе неолиберального утопизма, использующего для обоснования своих проектов цифровые технологии. «Современный техноутопизм получил новый импульс в 1990-х годах, особенно в США, где данная форма техно-утопизма отразила веру в то, что технологическое изменение реконструирует человеческое сообщество, и что цифровая технология – “диджитопия”, в особенности Интернет, способны увеличить личную свободу, освобождая человека от бюрократических правительственных влияний, традиционных социокультурных иерархий и устаревших социальных схем и порядков индустриального общества. Современные идеологии техно-утопизма ориентированы в базовое положение – отмену государственного контроля и превосходство свободного рынка (самыми знаменитыми представителями современного техно-утопизма являются Джордж Джилдери Кевин Келли)» [21]. Таким образом, технологический утопизм, социализм и либерализм нашли «общий язык» в деле

уничтожения традиционного государства и его замене на глобализированное гражданское общество с сетевым управлением техноэлитами.

Трансгуманизм представляет собой новый виток развития либеральной философии права, основанной на секулярном гуманизме и индивидуализме. Ей свойственна атомарно-индивидуалистическая концепция общества, предполагающая разобщение, раздробление и разделение традиционных социальных связей. Однако интересным новым моментом следует считать то, что в цифровом трансгуманизме происходит некоторая интеграция классического либерализма и социалистического гуманизма. Во всяком случае правовые идеи получают общее истолкование: «К проблеме дегуманизации (и трансгуманизма) относятся такие спорные социальные и правовые темы, как репродуктивные технологии (экспериментальные эмбриональные технологии, при которых ребенок рассматривается в большей степени как продукт и товар), право на эвтаназию, гендерная тематика и связанные с ней феминизм и права ЛГБТ (подмена биологического пола “социальным полом-гендером”, что ведет к разрушению традиционной семьи)» [28, с. 9]. Обратим внимание и на близость трансгуманизма к классическим темам социальных утопий: преодоление классового неравенства; исцеление общества от преступности и агрессивности; достижение осмысленности социально-го бытия и т.д.

«Цифровая утопия» – новая категория общественно-гуманитарного знания, символизирующая начало критического осмысления технологического прогресса и сигнализирующая о ранее не известных формах принуждения и насилия над личностью. «Техноутопия является изображением идеального сообщества, в котором закон, правительство и общественный строй функционируют исключительно для выгоды и благосостояния всех его жителей, а передовая наука и технология позволяют такому сообществу сформироваться на базе современной цивилизации и успешно развиваться в будущем» – пишут современные исследователи [21, с. 45].

Корни цифро- или техноутопий в политико-правовых идеях социалистов Сен-Симона, Фурье, Оуэна, строивших идеальный мир будущего на принципах научно-рационалистического и политэкономического преодоления

социальных пороков. Современные продолжатели и наследники социалистического мышления уже свободны от иллюзий относительно «человеческой природы», который будто возможно преобразить к солидарному отношению к ближним. Эту эгоцентрическую природу можно преодолеть за счет технологических новаций, полагают идеологи трансгуманизма. Один из идеологов техно-утопий – Э.Беллами полагает возможным в условиях технологической модернизации общества добиться преодоления эгоизма посредством интеграции частного интереса в модель общего блага, рационально гармонизирующей интересы личности и общества [21, с. 46].

Трансгуманистическая утопия уже приобрела определенные институциональные формы. Так, в 1997 году была создана с целью распространения трансгуманистической идеологии Всемирная трансгуманистическая ассоциация, объединившая в своих рядах представителей самых разных областей научного знания: политологов и политиков, юристов и философов, специалистов в сфере генной инженерии, кибер-изделий и нейрофармакологии [2, р. 80]. Одной из задач данной ассоциации стало создание почвы для социальной модернизации, сопровождающейся справедливым распределением ресурсов, затрат и льгот, новых знаний и мощностей, технологических новинок и т.д.

В научной литературе сегодня анализируются разнообразные формы трансгуманизма, так как существует анархотрансгуманизм, христианский трансгуманизм, демократический трансгуманизм, экстропианизм, постгендеризм, сингуляритаризм, социалистический трансгуманизм и др. [3, р. 137–141]. Возникает вопрос, возможен ли консервативный трансгуманизм? Оказывается, вполне возможен: некоторые авторы полагают, будто биоконсерватизм – одна из возможных вариаций трансгуманизма, учитывающей риски радикального преобразования человеческой природы [9]. «Биоконсерватизм как минимум в лице представителей традиционных авраамических религий будет долго сдерживать этот процесс, обосновывая ценность “естественной” жизни в том формате, в каком она “задумана” богом» – справедливо полагают современные исследователи [23].

Однако, в целом, вряд ли возможен синтез консерватизма и трансгуманизма. Важно то,

что консервативное мышление не может согласиться с трансгуманизмом в силу изначальной оппозиции рационализму Нового времени и Просвещения авторов и создателей европейского консерватизма – Ж. де Местра, Э. Берка, Савиньи и Пухты, а впоследствии авторов немецкой консервативной революции Э. Юнгера, К. Шмитта, О. Шпенглера и других. Основными характеристиками классического консерватизма являются: критика модернизма, идей и последствий Французской буржуазной революции как в их либеральной, так и социалистической перспективе и реализации; отрицание возможностей рационального социального проектирования; признание неравенства неотъемлемой характеристикой любого социума и гибельность утопического его устранения; религиозность; отрицание прогрессизма и т.д. Лозунги буржуазной революции во Франции были негативно встречены всеми консерваторами, в том числе и русскими Хомяковыми, Самариным, Аксаковыми, Киреевскими и другими. Один из немецких консерваторов Эрнст Юнгер охарактеризовал ее так: «Свойственная демагогам навязчивая идея равенства еще опаснее, чем жестокость людей в генеральских мундирах» [29, с. 251]. Любое воплощение свободы, равенства и братства в социальных утопиях оценивается консерваторами крайне негативно. Неоконсерватизм дополнил критику либеральных и социалистических идеологий Модерна очевидными для консерваторов ценностями: духовные приоритеты семьи и религии, социальная стабиль-

ность, базирующаяся на моральной взаимовыгодности гражданина и государства и их взаимопомощи, уважение частного права и недоверие к чрезмерной демократизации, крепкий государственный порядок и стабильность.

Современные неоконсерваторы развивают антиутопические и дистопические прогнозы будущего: по их мнению компьютеризация и диджитализация обрекают мир на институционализацию новейших и ранее не известных форм социальных санкций и ограничений, появление нового цифрового неравенства с соответствующей технологической иерархией (проблема доступа), возможность тотальной системы слежения и контроля со стороны государства, наднациональных и надгосударственных институтов и корпораций, цифрового неофеодализма [17]. Впрочем, об опасностях трансгуманизма и иных идеопроектов будущего предупреждают не только консерваторы. Ю. Хабермас в работе «Будущее человеческой природы» также вынужден констатировать, что генетическое программирование необратимо. Ученый опасается, что «идентичность людей будет изменена таким образом, что мы больше не сможем видеть себя этически свободными и морально равными существами, руководствующимися нормами и причинами» [26, с. 64]. Таким образом, консервативная критика цифровых проектов будущего является признаком «трезвения» социально-гуманитарного мышления и предчувствием приближающейся катастрофы и цифровой деградации общественного сознания.

Литература

1. Bauman Z. Utopia with no Topos // *History of the Human Sciences*. 2003, № 16.
2. Bostrom N. *Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy*. Routledge, 2002
3. Boyd A. Transhumanism challenge to bioethics // *Eubios: Journal of Asian and international bioethics*. Christchurch, 2018. Vol. 28, № 5.
4. Hanson R. A critical discussion of Vinge's singularity concept. *Extropy online*. URL: <http://www.extropy.com/eo/articles/vi.html>.
5. Hanson R. Could gambling save science? URL: <http://hanson.berkeley.edu/gamble.html>.
6. Lassman P. *Political Theory as Utopia* // *History of the Human Sciences* 2003, № 16.

Bibliography

1. Bauman Z. Utopia with no Topos // *History of the Human Sciences*. 2003. № 16.
2. Bostrom N. *Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy*. Routledge, 2002
3. Boyd A. Transhumanism challenge to bioethics // *Eubios: Journal of Asian and international bioethics*. Christchurch, 2018. Vol. 28. № 5.
4. Hanson R. A critical discussion of Vinge's singularity concept. *Extropy online*. URL: <http://www.extropy.com/eo/articles/vi.html>.
5. Hanson R. Could gambling save science? URL: <http://hanson.berkeley.edu/gamble.html>.
6. Lassman P. *Political Theory as Utopia* // *History of the Human Sciences* 2003. № 16.

7. Journal of evolution and technology. URL: <http://www.transhumanist.com>.
8. More M. Dynamic optimism. URL: <http://www.maxmore.com/optimism>.
9. Roache R., Clarke S. Bioconservatism, Bioliberalism, and Repugnance // Monash Bioethics Review. URL: http://www.academia.edu/176913/Bioconser-vatism_Bioliberalism_and_Repugnance.
10. Долин В.А. Трансгуманистические представления о человеке в современном антропологическом дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2017, № 4
11. Зорькин В.Д. Право будущего в эпоху цифр. Индивидуальная свобода или сильное государство? // Российская газета. 15.04.2020.
12. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 29.05.2018.
13. Иванина К. 9 странных идей трансгуманизма URL: <https://republic.ru/posts/1/1087599>.
14. Ицков Д.И. Путь к нечеловечеству. URL: <http://vz.ru/opinions/2012/11/9/606449.html>.
15. Крусс В.И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. № 10. 2000.
16. Кутырев В.А. Левый консерватизм как философия сопротивления техногенной деградации человечества (Михаил Лифшиц и конец классической марксистской философии – по итогам празднования 200-летия со дня рождения К. Маркса) // Философия хозяйства. 2019. № 1 (121).
17. Кутырев В.А. Сова Минервы вылетает в сумерки (Избранные философские тексты XXI века). СПб., 2018.
18. Лаврик М.А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. № 3. 2005.
19. Лукашева Е.А. Права человека: учебник. М., 2011.
20. Мартин У.Дж. Информационное общество. М., 1989.
21. Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: технопрогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115).
22. Нестеров А.Ю. Проблема человека в свете идеологии эволюционного трансгуманизма // 7. Journal of evolution and technology. URL: <http://www.transhumanist.com>.
8. More M. Dynamic optimism. URL: <http://www.maxmore.com/optimism>.
9. Roache R., Clarke S. Bioconservatism, Bioliberalism, and Repugnance // Monash Bioethics Review. URL: http://www.academia.edu/176913/Bioconser-vatism_Bioliberalism_and_Repugnance.
10. Dolin V.A. Transhumanistic ideas about man in the modern anthropological discourse. Understanding. Skill. 2017, № 4
11. Zorkin V.D. The Law of the future in the era of numbers. Individual freedom or a strong state? // Rossiyskaya Gazeta. 15.04.2020.
12. Zorkin V.D. Law in the Digital World // Rossiyskaya Gazeta. 29.05.2018.
13. Ivanina K. 9 strange ideas of transhumanism URL: <https://republic.ru/posts/1/1087599>
14. Itskov D.I. The path to neochelovechestvo. URL: <http://vz.ru/opinions/2012/11/9/606449.html>.
15. Kruss V.I. Personal («somatic») human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension: to the formulation of the problem. 2000. № 10.
16. Kutyrev V.A. Leftist conservatism as a philosophy of resistance to technogenic degradation of humanity (Mikhail Lifshits and the end of classical Marxist philosophy – following the results of the celebration of the 200th anniversary of the birth of K. Marx). 2019. № 1 (121).
17. Kutyrev V.A. The Owl of Minerva flies at dusk (Selected philosophical texts of the XXI century). St. Petersburg, 2018.
18. Lavrik M.A. On the theory of somatic human rights // Siberian legal Bulletin. 2005. № 3.
19. Lukashova E.A. human Rights: textbook. Moscow, 2011.
20. Martin W.J. Information Society. Moscow, 1989.
21. Medvedeva T.B. Technological utopia and the forms of its representation in modern culture: technoprogressivism, transhumanism and digital utopia. Sociology. Right. 2011. № 20 (115).
22. Nesterov A.Yu. The problem of man in the light of the ideology of evolutionary transhumanism // Global Future 2045. Convergent technologies (NBICS) and transhumanistic evolution. Moscow, 2013.
23. Rybakov O.Yu., Tikhonova S.V. Social perspectives of transhumanism: between philosophy and mythology. 2012. № 4.

Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М., 2013.

23. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Социальные перспективы трансгуманизма: между философией и мифологией // Юридическое образование и наука. 2012. № 4.

24. Субботина Н.Д. Гуманизм и постгуманизм // Гуманитарный вектор. 2012. № 3.

25. Трофимов В.В. Антропологический кризис и проблемы трансгуманизма // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 17.

26. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М., 2003.

27. Шмитт К. Понятие политического. URL: <http://www.politizdat.ru>.

28. Щипков В.А. Секулярные основания и утопические черты идеологии трансгуманизма // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 3.

29. Юнгер Э. Эвмесвил. М., 2013.

24. Subbotina N.D. Humanism and posthumanism // Humanitarian vector. 2012. № 3.

25. Trofimov V.V. Anthropological crisis and problems of transhumanism. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2016. № 17.

26. Habermas Yu. The future of human nature. M., 2003.

27. Schmitt K. The concept of the political. URL: <http://www.politizdat.ru>

28. Shchipkov V.A. Secular foundations and utopian features of the ideology of transhumanism // Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political Science. 2018. № 3.

29. Junger E. Eumeswil. Moscow, 2013.

Гусарова Марина Александровна
Gusarova Marina Aleksandrovna

профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия доктор философских наук, доцент.

Professor, the Department of General Theoretical and Legal Disciplines, the North Caucasus Branch
of the Russian State University of Justice, Doctor of Philosophy, Associate Professor.

ПРОБЛЕМА ПРАВОПОНИМАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

The problem of legal understanding in the context of globalization and digitalization: philosophical and legal aspect

Статья посвящена проблеме правопонимания в условиях усиления влияния объективных процессов глобализации и цифровизации на формирование правовой реальности. В центре внимания актуальность парадигмы метамодерна как научно-исследовательского ориентира юридического мышления, позволяющего преодолеть несостоятельность релятивистско-плюралистической парадигмы, выразившейся в таких проблемах, как антропологический кризис, нелокальность мышления, несоразмерность Интернета мышлению, бессистемность и эклектичность восприятия картины мира, обусловивших особенности формирования современного правового пространства. Автор делает вывод о своевременности междисциплинарного, интегративного подхода к проблеме правопонимания, необходимости философского обоснования научным сообществом единых аксиологических и гносеологических детерминант системы права с учетом названных процессов.

Ключевые слова: правопонимание, метамодерн, парадигма юридического мышления, глобализация, цифровизация, правосознание, система права, интегративное правопонимание.

The paper is devoted to the problem of legal understanding in the conditions of increasing influence of objective processes of globalization and digitalization on the formation of legal reality. In the spotlight is the relevance of the paradigm metamodern as a research guide legal thinking, which allows to overcome the failure of the relativistic-pluralistic paradigm, expressed in such problems as anthropological crisis, the nonlocality of thinking, the disparity of Internet thinking, unsystematic and eklektichnost perception of the world picture, contributing to the features of formation of modern legal space. The author concludes that an interdisciplinary, integrative approach to the problem of legal understanding is timely, and that the scientific community needs to provide a philosophical justification for the unified axiological and epistemological determinants of the legal system, taking into account these processes.

Keywords: legal understanding, metamodern, legal thinking paradigm, globalization, digitalization, legal awareness, legal system, integrative legal understanding.

Идея поиска парадигмы юридического мышления как главного научно-исследовательского ориентира процесса правопонимания и его результата, адекватно отвечающего объективным условиям развития общества и государства, не является новой. Соизмерение базовых и динамично-релятивных ценностно-нормативных оснований, опознающихся на уровне таких проблем, как целесообразность правовой рецепции, возможность реформирования правовой сферы за счет заимствования образцов правовой культуры, в основном западно-европейского содержания, неоднократно становились центральной проблемой в фи-

лософско-правовых, теоретико-правовых и социально-правовых спорах выдающихся представителей отечественной мысли – славянофилов, западников, евразийцев, а затем и консерваторов. Все они, несмотря на принципиальные различия в предлагаемых подходах к реформированию российской правовой реальности, были ведомы любовью к своей Родине и искренне желали положительных перемен [1]. Что касается современного периода, то названная проблема вновь приобретает актуальность в условиях распространения глобализационных процессов и цифровизации, оборотной стороной которых стало стремле-

ние обществ к переосмыслению собственной самоидентичности, внутренней интеграции, укреплению правопорядка.

Становление правового государства и гражданского общества, которым сегодня озабочено российское государство, требуют не только реформирования институтов права, но также и философско-правового обоснования правовой доктрины. Подтверждением сказанному является вынесение данной проблемы в качестве главной на обсуждение международным юридическим сообществом. Примечательным и знаковым является тот факт, что на IX Петербургском международном юридическом форуме (16 мая 2019 г.) обсуждались причины кризиса традиционных типов правопонимания и обосновывалась парадигма метамодерна как нового перспективного направления юридического мышления, возникшего в качестве ответа на геополитический кризис, затронувший все сферы жизни, в том числе и право.

Необходимо отметить, что сам концепт «метамодерна» вошел в научный оборот недавно. Он ведет свое начало из исследований молодых ученых: норвежского медиа-специалиста Тимотеуса Вермюлена и голландского философа Робина Ван ден Аккера, которые в своей статье «Заметки о метамодернизме» (2010 г.) [2] заявили о концепте (пока еще не теории) метамодерна, позволяющем преодолеть негативные последствия постмодернизма на новом историческом уровне. Согласно мнению главного спикера форума, председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, право в эпоху метамодерна «поднимается и над правом модерна, и над постмодернистскими типами правопонимания, предлагает более емкое осмысление правовых ценностей. Он, конечно же, должен вобрать в себя представления о человеке как о высшей ценности. Но это должен быть не абстрактный индивид как носитель абстрактных идей свободы, равенства и братства, а живой конкретный человек, являющийся представителем конкретного социума, члены которого соединены общей судьбой на своей земле» [3].

О новом витке в развитии современной правовой реальности пишет также известный отечественный правовед В.В. Ершов, отмечая такие признаки метамодерна, как преодоление духовных оснований модернизма и

постмодернизма, и, как следствие, утверждение новых приоритетов в развитии общества и государства. Ученый утверждает, что «право в контексте парадигмы метамодерна с позиции концепции интегративного правопонимания, синтезирующей лишь однородные социальные элементы, выражается прежде всего в принципах и нормах права, содержащихся в единой, многоуровневой и развивающейся системе форм национального и международного права, реализуемых в государстве» [4, с. 29].

В.Д. Зорькин справедливо подмечает, что в сфере права и демократии назрел кризис, причины которого он видит в размывании границ нормативности, произошедшем в результате господства плюралистской парадигмы мышления во всех сферах жизни. Речь идет о методологических и аксиологических основах постмодернизма, господство которого в общественном и научном сознании привело к размыванию нормативности, принципов гуманизма и справедливости, лежащих в основе цивилизации права. Аксиологический релятивизм, принятие множественности точек отсчета в качестве истинных неизбежно привели к воцарению хаоса. В качестве иллюстрации сложившейся в правовом пространстве ситуации В.Д. Зорькин приводит такие факты конца XX – начала XXI вв., как нивелирование некоторыми государствами в погоне за достижением собственных интересов ценности норм международного права, снижение авторитета международных правозащитных организаций, что выразилось в учащении вооруженных конфликтов, захватнических действий, бомбардировок и геноцида. В этой кризисной ситуации множественности ценностно-нормативных стандартов, сопровождающейся проявлениями «релятивизма постмодернистского политико-волатильного права», по справедливому замечанию Председателя Конституционного Суда РФ, особую роль должна сыграть доктрина национальной конституционной идентичности, предполагающая принятие во внимание в законотворческой сфере культурно-национальных особенностей конкретного государства.

Другие авторы также описывают процесс, происходящий в современной социально-правовой реальности, как колебание, осцилляцию, удаление от первоначального замысла права быть оплотом законности, порядка,

справедливости, разумности в человеческой цивилизации. В таком состоянии «подминается сама идея человека, так как полностью управляемое сознание говорить о таком уже не позволяет» [5, с. 54]. К факторам, стимулирующим процесс осцилляции, относятся гаджетизация, роботизация, которые, будучи призваны решить проблему неопределенности в праве, напротив, привели к возникновению новой проблемы современности – гиперопределенности, то есть ситуации, когда у правоприменителя уже отсутствует способность понять правовую норму, замысел законодателя и реализовать творческое начало. Нельзя не заметить, что активное внедрение в правовую практику и возрастающая роль информационных компьютерных технологий (Legal tech) неизбежно приводит к антропологическому кризису, который, к сожалению, становится все более явным признаком современной реальности, в том числе правовой. Поскольку в основе новой отрасли IT-бизнеса лежат онлайн-сервисы и технологии, предлагающие типовые способы решения юридических задач и технологии, необходимость в творческом человеческом участии и личном присутствии специалиста отпадает сама собой, в результате чего по сути рождается правовая реальность нового типа.

Д.М. Попов утверждает, что реальностью современной правовой системы является такая управленческая парадигма, как чрезвычайное законодательство, которое, вступая в силу в ситуациях мнимой или реальной опасности для всего государства, по сути, отменяет сложившийся правовой порядок. Этот автор отмечает, что «в условиях самого факта существования чрезвычайного законодательства такие традиционные и базовые для права начала, как законность, гуманизм и равенство прекращают свое существование. Они сохраняются в карикатурной форме и являются лишь напоминанием о том, как было, не имея ничего общего с тем, что есть, и, тем более, что будет» [5, с. 57]. В качестве примера этим ученым приводятся политико-правовые решения властей в США и Франции начала XXI в., направленные на легализацию тотального государственного контроля за своими гражданами посредством коммуникационных и интернет-технологий.

К изложенным выше суждениям хотелось бы добавить, что в подобных ситуациях невоо-

руженным глазом видится возрождение этатизма и нормативизма, но только в его новых, оцифрованных формах. Особенно примечательно, что именно те государства, которые традиционно считались идеологами естественно-правовых ценностей, защитниками прав и свобод человека на международном уровне, демонстрируют зыбкость своих идей в ситуации, когда у государства появились интересы, идущие вразрез не просто с интересами общества, но, прежде всего, с неотчуждаемыми правами его членов.

Для философского обоснования общей картины, в условиях которой происходит кардинальная смена юридического мышления, необходимо описать, какие объективные процессы происходят в пространстве человеческой цивилизации и с человеком как таковым. Так, известный отечественный философ М. Мамардашвили еще в 1984 г., как бы предвосхищая происходящие сегодня события, говорил об угрозе антропологической катастрофы, которая, по его мнению, происходит на всех уровнях с самим человеком и человеческой цивилизацией, и проявляется в том, что «нечто жизненно важное может необратимо в нем сломаться в прямой зависимости от разрушения или просто отсутствия цивилизованных основ прогресса жизни и общения» [6, с. 6]. Соглашаясь с данным суждением, подчеркнем, что постмодернистская установка на эклективность мышления, на соединение ранее несоединимых элементов неизбежно элиминирует самого человека как творческого субъекта. Отечественный философ В.М. Розин также отмечает, что «компьютер и специальное оборудование позволяет, с одной стороны, включить человека в машинные системы, а с другой – машину и компьютер включить в человеческое поведение и деятельность» [7, с. 14].

С.Л. Катречко отмечает, что последствием массового и повсеместного использования информационных технологий является формирование нового типа общественного сознания – «постклассического (гипер)сознания», которое не только продолжает жить в пространстве интернета, но и преобразует способности и расширяет возможности субъекта [8, с. 61–62]. С.Л. Гурко также пишет, что интернет, стремительно ворвавшийся в инфраструктуру нашего мира, привел к появлению несоразмерности Интернета человеку,

что проявляется в «нечеловеческом» объеме информации, предоставляемой в Сети, к «не-локальности», в результате чего весь мир представляется человеку как коллаж. Эта непосредственность восприятия событий, по словам автора, «не позволяет выстраивать их по степени значимости в ряды, вообще реализовывать какие-либо дискурсивные стратегии» [9, с. 184]. Иными словами, в сознании современного человека исчезает возможность воспринимать картину мира как системную, внутренне структурированную. Взамен системности формируется фрагментарность, мозаичность правовой реальности в сознании познающего субъекта. Таким образом, Интернет в нашем сознании формирует установки на временный характер ресурсов, сетей, и, в конечном счете – самой реальности. И, как следствие, установка на проектный характер формирует в нас установки на приемлемость всякого рода непрофессионализма и дилетантства. Очевидно, что в настоящее время почти каждый человек без специального образования может попробовать себя в качестве кинорежиссера, программиста, журналиста, блогера, певца, спортсмена, «эксперта» в какой-либо области и т.п. Данный факт не может не отразиться на том, что восприятие становится полностью субъективным, а общественное сознание – совокупностью интересубъективных смыслов. Иными словами, под влиянием научно-технического прогресса кардинально меняется не только представление о пространстве и времени в сознании человека, но меняется само пространство и время. Нельзя не отметить, что в связи с цифровизацией исчезает проблема смерти в традиционном понимании, смерти как феномена окончания бытия. Субъект, «живущий» в интернет-реальности, обладает бытием ровно столько, сколько находится, существуют, тиражируются его творения, идеи, интеллектуальные «продукты».

Литература

1. Гусарова М.А. Проблема правосознания в отечественной философской традиции (XIX – нач. XX в.). Краснодар, 2017.
2. Timotheus Vermeulen, Robin van den Akker. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. № 1.

Возвращаясь к размышлениям о метамодерне как формирующейся под влиянием процесса глобализации и цифровизации парадигме юридического мышления, нельзя не отметить их своевременность. Несостоятельность релятивизма постмодернистской парадигмы как постоянной игры с прошлым, использование его элементов в искаженном виде привело, во-первых, к антропологическому кризису, а, во-вторых, к тому, что современная реальность (правовая как ее неотъемлемая часть) воспринимается мышлением современного человека как эклектичная, внутренне несистематизированная. А поскольку данная проблема базируется не в собственно юридической плоскости, а в сфере духовной культуры, то и решить ее возможно только на междисциплинарном уровне.

Подытоживая сказанное, необходимо отметить, что локализация проблемы метамодерна как новой парадигмы юридического мышления на сегодняшний день осуществляется пока только на уровне высокой правовой теории, поэтому ее осмысление у теоретиков и практиков в области права вызывает больше вопросов, чем ответов. Ни профессиональное правосознание, ни тем более правосознание широких слоев населения, находясь в состоянии охваченности постмодерном, еще не готово принять новую парадигму в качестве основы интегративного правопонимания. Данный факт обуславливает особую социальную ответственность, лежащую на наиболее прогрессивных специалистах в области теории права, философии права, культурологии и социологии права, которые в условиях плюрализма правопонимания должны выработать единые принципы, на которых будет построен интегративный тип правопонимания и современная правовая доктрина. Последнее, в свою очередь, является условием формирования устойчивой и внутренне непротиворечивой правовой парадигмы как важного элемента правосознания.

Bibliography

1. Gusarova M.A. The problem of legal consciousness in the Russian philosophical tradition (XIX – beginning XX century). Krasnodar, 2017.
2. Timotheus Vermeulen, Robin van den Akker. Notes on metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. 2010. Vol. 2. № 1.

3. Зорькин В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы (Выступление Председателя КС РФ) URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86>.

4. Ершов В.В. Право в контексте парадигмы метамодерна // Правосудие. 2019. Т. 1. № 2.

5. Бавсун М.В. Попов Д.М. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. № 1 (72). 2019.

6. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация / Влияние Интернета на сознание и структуру знания: сборник статей. Под ред. В.М. Розина СПб., 2019.

7. Розин В.М. Интернет – новая информационная технология, семиозис, виртуальная среда / Влияние Интернета на сознание и структуру знания: сборник статей. Под ред. В.М. Розина СПб., 2019.

8. Катречко С.Л. Интернет и сознание: к концепции виртуального человека / Влияние Интернета на сознание и структуру знания: сборник статей. Под ред. В.М. Розина СПб., 2019.

9. Гурко С.Л. Об иллюзорности свободы в интернете // Влияние интернета на сознание и структуру знания. СПб., 2019.

3. Zorkin V.D. Metamodern Law: Problem statement (Speech by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation) URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=86>.

4. Yershov V.V. Law in the Context of the Metamodern Paradigm. 2019. Vol. 1. № 2.

5. Bavsun M.V. Popov D.M. Metamodern in law: oscillation at the Canetti point. Article II. Pravo na zadvorkakh dukhovnosti // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. № 1 (72). 2019.

6. Mamardashvili M. Consciousness and civilization / The influence of the Internet on consciousness and the structure of knowledge: a collection of articles. Edited by V.M. Rozin. St. Petersburg, 2019.

7. Rozin V.M. Internet-new information technology, semiosis, virtual environment / The influence of the Internet on consciousness and the structure of knowledge: a collection of articles. Edited by V.M. Rozin. St. Petersburg, 2019.

8. Katrechko S.L. Internet and consciousness: towards the concept of a virtual person / The influence of the Internet on consciousness and the structure of knowledge: a collection of articles. Edited by V.M. Rozin. St. Petersburg, 2019.

9. Gurko S.L. On the illusory nature of freedom on the Internet // The influence of the Internet on consciousness and the structure of knowledge. St. Petersburg, 2019.

**Заброда Дмитрий Григорьевич
Zabroda Dmitry Grigoryevich**

профессор кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Professor, the Department of Administrative Law and Administrative Activities, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: zabroda_dg@mail.ru

**Кашкаров Алексей Александрович
Kashkarov Alexey Aleksandrovich**

начальник кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, доцент.

Head of the Department of Criminal Law and Criminology, the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor.
E-mail: kashkarov79@yandex.ru

**Соколов Валерий Анатольевич
Sokolov Valeriy Anatolievich**

доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России кандидат политических наук.

Associate Professor, the Administrative Law Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Political Science.
E-mail: sokolov1364@mail.ru.

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ИНСТИТУТОВ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ
АНТИКОРРУПЦИОННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ**

Foreign experience in involving civil society institutions in anti-corruption education

В статье изложены выявленные в ходе анализа закономерности зарубежного опыта функционирования организационно-правовых механизмов обеспечения участия институтов гражданского общества в осуществлении антикоррупционного просвещения, а также сформулированы возможные направления его применения в России. Обращено внимание на соответствующий позитивный опыт ряда стран ЕС, США и Израиля, которые стабильно демонстрируют позитивные результаты вовлечения общественности в систему противодействия коррупции. Высказаны предложения по применению отдельных аспектов зарубежного опыта для совершенствования антикоррупционного просвещения в России.

Ключевые слова: антикоррупционное просвещение, зарубежный опыт, институты гражданского общества.

The article outlines the patterns identified during the analysis of foreign experience in the functioning of organizational and legal mechanisms to ensure the participation of civil society institutions in the implementation of anti-corruption education, as well as formulate possible directions for its application in Russia. Attention is drawn to the relevant positive experience of a number of countries in the EU, the USA and Israel, which consistently demonstrate the positive results of public involvement in the anti-corruption system. Proposals were made on the use of certain aspects of foreign experience to improve anti-corruption education in Russia.

Key words: anti-corruption education, foreign experience, civil society institutions.

Аксиоматичным является положение, согласно которому развитие и существование демократического общества без институтов гражданского общества невозможно. Инструмен-

тарий и функциональные возможности, применяемые общественностью в социально значимых процессах, дополняют и усиливают социально значимые результаты, минимизируют

негативные последствия и явления, позволяющие оптимизировать взаимоотношения между государством и обществом, государством и человеком, что в результате приводит к улучшению социальной и экономической жизни граждан, общества и государства в целом. Общественный контроль является свойством гражданского общества и выступает в качестве одной из его основных функций. Вовлечение общественных активистов и общественных объединений в сферу противодействия должностной преступности обусловлено стремлением многих людей к социальной справедливости в социуме и желанием населения видеть честными и неподкупными должностных лиц органов публичной власти [1, с. 119–123].

Институты гражданского общества могут наладить более доверительные отношения с бизнес-сообществом, международными и неправительственными организациями. Деятельность институтов гражданского общества представлена во многих сферах жизнедеятельности государства, начиная от волонтерского движения в сфере оказания помощи пожилым людям, заканчивая предупреждением преступности, в том числе и коррупционной направленности. Ранее нами отмечалось, что «в Российской Федерации осуществляется комплекс просветительских антикоррупционных мероприятий, антикоррупционные стандарты внедряются в систему государственной службы и в сферу бизнеса. В то же время нестабильность коррупционной ситуации в России свидетельствует о необходимости распространения антикоррупционных стандартов среди всех граждан России, зачастую являющихся субъектами коррупционных отношений, прибегающих к коррупции как способу удовлетворения собственных интересов и воспринимающих такую возможность как обыденность и допустимый вариант социально одобряемого поведения. По нашему мнению, решению этой задачи может содействовать изучение отечественного и зарубежного опыта антикоррупционного просвещения» [2, с. 13–19].

Изучение зарубежного опыта деятельности институтов гражданского общества в сфере предупреждения коррупции [3, с. 260] способствует интеграции в отечественное социальное пространство наиболее передовых моделей и методов предупреждения и профилактики коррупционной преступности в нашей

стране. Так, реализация положений российского антикоррупционного законодательства и совершенствование правоприменительной практики предусматривают изучение различных аспектов международного и зарубежного опыта противодействия коррупции в целом и наиболее эффективных практик, способствующих повышению уровня правосознания граждан [4].

Вместе с тем нельзя и не забывать то обстоятельство, что не все методы и модели предупреждения коррупционной преступности, применяемые институтами гражданского общества за рубежом, могут быть рецептированы в наш социум, примером можно привести деятельность многих профсоюзных организаций в США в XX веке [5].

Борьба с коррупцией достигает успеха, если она всеохватна, комплексна, ведется постоянно и системно, на это направлены все силы властей и общества [6, с. 153]. Одним из наиболее действенных методов, применяемых общественностью за рубежом в сфере предупреждения коррупционной преступности является антикоррупционное просвещение.

Проблемы изучения зарубежного опыта антикоррупционного просвещения неоднократно становились предметом изучения политологов, социологов, педагогов, криминологов, административистов. Так, О.А. Александровой, Е.В. Бауманом, Г.И. Богушем, А.В. Бутковым, А.П. Витрянном, Г.Н. Горшенковым, А.И. Долговой, П.А. Кабановым, М.В. Костенниковым, О.А. Кузнецовой, Н.И. Мельником, А.Л. Симоном, А.Н. Соловьевым, М.В. Шадий, Е.А. Шариповой и др. сформулированы теоретические основы изучения зарубежных практик привлечения общественности к просветительским антикоррупционным мероприятиям, проанализирована специфика использования возможностей неправительственных организаций для повышения эффективности воздействия на общественное сознание, при разработке педагогических методик формирования коллективных и индивидуальных антикоррупционных установок учтены положения зарубежного опыта.

В то же время в большинстве научных публикаций данный вопрос рассматривался в рамках более широкой проблематики, а также применительно к предметам соответствующих научных исследований.

В данной публикации изложены закономерности зарубежного опыта функционирования

ния организационно-правовых механизмов обеспечения участия институтов гражданского общества в осуществлении антикоррупционного просвещения, а также сформулированы возможные направления его применения в России.

Следует признать, что изучение как позитивного, так и негативного зарубежного опыта участия институтов гражданского общества в процессах антикоррупционного просвещения, позволит сократить время на их апробацию в условиях российских реалий, а также быстрее внедрять в жизнь существующие позитивные общественные отечественные антикоррупционные практики.

Выбор того или иного государства, в качестве примера развития антикоррупционных гражданских инициатив, обусловлен следующими факторами: развитостью институтов гражданского общества, привлекаемых к противодействию коррупции, соотношением объема государственного и общественного антикоррупционного участия, наличием позитивного опыта антикоррупционного просвещения, использование которого будет наиболее эффективным в России.

Раскрывая специфику участия институтов гражданского общества в антикоррупционные просвещения в иностранных государствах можно констатировать, что общественность играет важную роль в процессах противодействия коррупции.

Например, в Польше особую роль в сфере формирования негативного отношения к коррупции играют польские неправительственные организации. В стране действует отделение «Transparency International». Кроме того, наиболее активным является и Фонд Батория, который с 2000 г. реализовывал программу «Против коррупции», а также осуществляет сотрудничество в рамках Антикоррупционной коалиции неправительственных организаций. Фонд вместе с Антикоррупционной коалицией и польской неправительственной организацией «FIDE» (Форум – Интеграция – Демократия – Европа) активно занимается работой, направленной на общественное просвещение.

Неправительственные организации взяли на себя обязанность осуществления постоянного мониторинга соответствия деятельности центральной власти и местного самоуправления законам и стандартам демократии. Так,

Фонд Батория провел большой мониторинг способов финансирования президентской предвыборной кампании, а затем – кампании перед выборами в органы местного самоуправления, где был выявлен ряд недостатков. Наряду с этим в Польше важную роль в процессе противодействия коррупции путем ее разоблачения, а также формирование негативного общественного мнения к ней играют свободные и независимые СМИ.

Опыт борьбы с коррупцией в Словакии свидетельствует об эффективности привлечения к этому общественности. Так, для получения информации о должностных преступлениях и локализации этого явления в правоохранительных структурах установлена специальная телефонная линия, используя которую граждане анонимно сообщают о противоправных действиях. Кроме этого, в Интернете создан веб-сайт, для предложений граждан относительно необходимых мер по борьбе с коррупцией в публичном секторе.

С целью упорядочивания деятельности антикоррупционных гражданских организаций правительства многих стран принимают национальные программы по борьбе с коррупцией, включая в качестве обязательного компонента развитие систему антикоррупционного просвещения. Также особое внимание в этих программах уделено созданию механизмов и системы эффективного общественного контроля, в том числе, и за работой негосударственных организаций и широкого спектра независимых СМИ. Например, в Словакии действует «Национальная программа по борьбе с коррупцией – 2000». Целью этого документа является продвижение концепции борьбы с коррупцией, определение методов и средств, которые необходимы для повышения ее эффективности. Его принятию предшествовало всенародное обсуждение, а в его разработке принимали активное участие граждане, неправительственные организации, средства массовой информации, предприниматели и должностные лица [7, с. 26–28].

Главными задачами неправительственных организаций, указанными в этой программе, были: контроль за проникновением коррупции в различные области общественной жизни; грантовая поддержка процессов, направленных на минимизацию влияния коррупции на общество; проведение исследований общест-

венного мнения о поражении общества коррупцией, роли органов власти в противодействии этому явлению; информирование населения о результатах борьбы с коррупцией; независимая экспертная оценка нормативных актов, содержащих антикоррупционные нормы. Согласно программе, ее успех невозможен без создания широкого общественного антикоррупционного союза, основанного на принципах партнерства правительства с неправительственными организациями.

Антикоррупционные общественные движения получили свое развитие и в странах Балтии. В Латвии активно развивается и действует общество в поддержку общественных благ – «Общество за прозрачность – DELNA». Эта неправительственная организация, главной целью которой является содействие формированию демократического общества посредством открытости информации и искоренения коррупции.

Общественная организация «DELNA» существует за счет пожертвований, поступающих от граждан и организаций. Пожертвования позволяют «DELNA» реагировать на антикоррупционные инициативы заинтересованных групп, проводить образовательные мероприятия среди населения, предоставлять консультации антикоррупционного содержания государственным и муниципальным учреждениям. Общественный контроль «DELNA» позволяет сделать деятельность государственных органов открытыми, а принятие решений – ответственными. Пожертвования свидетельствуют о том, что общество Латвии соответственно оценивает такую работу.

Система предупреждения коррупционной преступности в Нидерландах, основывается на комплексе правовых, организационных и других мероприятий: постоянная отчетность и гласность в вопросах обнаружения коррупции и обсуждение последствий – наказаний за коррупционную деятельность; обеспечение функционирования системы общественного мониторинга возможных узлов (точек) возникновения коррупционных проявлений в государственных организациях и строгого контроля за деятельностью публичных служащих, в том числе и с привлечением возможностей общественности; все материалы, связанные с коррупционными действиями, если они не затрагивают систему национальной безопасности,

в обязательном порядке обнародуются; большую роль в борьбе с коррупцией играют средства массовой информации, которые публикуют объективную информацию о состоянии коррупции и часто проводят независимые расследования.

В Швеции независимый мониторинг по определению уровня коррумпируемости в тех или иных сферах общества осуществляет организация «Демократический аудит», объединяющая в себе ведущих шведских политологов, экономистов и других ученых. Наряду с мониторингом состояния развития демократических свобод в шведском обществе эта организация занимается и изучением специфических вопросов, в т.ч., связанных с борьбой с коррупцией.

Израиль является одной из достаточно свободных от коррупции стран [8]. Это обеспечивается системой «дублирования мониторинга» за возможными коррупционными действиями. Он осуществляется неправительственными организациями, специальными подразделениями полиции, Государственным контролером, который обладает независимостью от министерств и государственных ведомств, и общественными организациями (например, «Ведомством за чистоту правительства»). Эти организации изучают возможные коррупционные точки, а в случае их выявления информируют органы расследования. При этом полученная информация должна в обязательном порядке доводиться до сведения общественности, таким образом общественность информируется и соответственно просвещается относительно возникающих коррупционных рисков и факторах в органах публичной власти Израиля [9, с. 423].

В центре комплексной стратегии, проводимой правительством США в борьбе с коррупцией, находится стабилизация гражданского общества путем осуществления программ в области антикоррупционного просвещения и повышения уровня общественного сознания с целью увеличения влияния общественности на работу государственных органов. Привлечение общественности в США активно осуществляется путем проведения различных специализированных программ. Согласно исследованиям, в Соединенных Штатах насчитывается около шестисот различных программ взаимодействия правоохранительных органов

с населением, в том числе с целью противодействия коррупции [10].

В результате изучения зарубежного опыта в области повышения уровня правосознания граждан, популяризации антикоррупционных стандартов поведения граждан предлагаются следующие выводы:

1. В большинстве государств создаются условия для формирования нетерпимого отношения к фактам коррупции, признания коррупционного поведения общественно и коммерчески не выгодным. Кроме этого, в странах с традиционно высоким уровнем влияния религии на общество, воздействие на правосознание граждан усиливается за счет признания коррупции «злом», «аморальностью», «грехом».

2. Важным средством формирования антикоррупционного правосознания является просветительская деятельность. В зарубежных странах используется широкий арсенал просветительских технологий: от введения в школьное образование учебных модулей, содержащих основы противодействия коррупции, до признания антикоррупционного обучения частью служебной карьеры лиц, выполняющих публичные функции.

3. За рубежом широко используются возможности телевидения и радио, средств массовой информации, в том числе и электронных, как для сообщения правоохранительным органам о фактах коррупции, изобличения коррупционеров, так и информирования о мерах по ее искоренению, проведению антикоррупционной агитации и пропаганды, а также обучения.

4. Приоритетными направлениями деятельности институтов гражданского общества за рубежом относятся: оказание юридической помощи лицам, пострадавшим от коррупции, осуществление общественного контроля за деятельностью органов государственной власти им местного самоуправления, осуществление просветительской и информационной антикоррупционной кампании, проведение общественной экспертизы нормативно-правовых актов, участие в законопроектной работе, проведение исследований, в том числе и социологических, а так же мероприятий с использованием информационных технологий, содействие государственным органам в проведении мероприятий антикоррупционного содержания.

5. Важную роль в формировании и развитии в отдельных государствах антикоррупци-

онного просвещения играют международные антиправительственные организации. Их деятельность охватывает: проведение независимого мониторинга развития гражданских антикоррупционных образовательных инициатив и определение их влияния на состояние коррупции, обобщение и распространение позитивных антикоррупционных практик, непосредственное проведение обучения формам и методам антикоррупционного просвещения, осуществление грантовой поддержки исследовательских и образовательных проектов.

6. Деятельность общественных организаций в сфере противодействия коррупции за рубежом поддерживается со стороны государства. Эта поддержка выражаться в виде целевого частичного финансирования отдельных общественно полезных проектов и программ общественных организаций, проведение государственных субсидий, а также предоставлении денежных премий и вознаграждений за активное соучастие с правоохранительными органами.

К основным направлениям применения рассмотренного нами зарубежного опыта в России предлагается относить: обеспечение функционирования онлайн-платформ, позволяющих гражданам информировать органы власти о фактах коррупционных правонарушений; разработку типовых образовательных курсов, формирующих у обучающихся компетенции в области разработки и применения комплексных антикоррупционных «просветительских» программ, в том числе и с учетом региональных особенностей и привлечением к их освоению представителей общественности; включение в структуру антикоррупционных программ, создающихся в органах власти, предприятиях, учреждениях и организациях, разделов, предусматривающих антикоррупционное обучение и мероприятия по формированию антикоррупционной культуры; увеличение количества медийных материалов антикоррупционной тематики, внедрение антикоррупционного компонента в кинопродукцию; привлечение общественности к работе кадровых комиссий, комиссий по этике, урегулированию конфликта интересов; закрепление возможности государственного стимулирования общественных организаций, активно участвующих в выявлении фактов коррупции, мероприятиях по антикоррупционному просвещению.

Литература

1. Пудовочкин Ю.Е., Кашкаров А.А. Институты гражданского общества в системе субъектов предупреждения должностной преступности в органах публичной власти Крыма и Севастополя // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5.
2. Кашкаров А.А., Заброда Д.Г. Особенности международного и зарубежного нормативного регулирования антикоррупционного просвещения и формирования антикоррупционного стандарта поведения граждан / Общество и право. 2020. № 1 (71).
3. Осяк А.Н., Капранова Ю.В., Овсепян Г.М. Приоритетные направления борьбы с коррупцией в контексте измерения коррупционных проявлений // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2018. № 2 (36).
4. Комплексный план просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение эффективности антикоррупционного просвещения, на 2019–2020 годы: утв. распоряжением Правительства РФ от 21 дек. 2018 г. № 2884-р. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?do_cbody=&nd=102506647.
5. Союз труда и криминала. Кого обогащает борьба за права рабочих. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/01/chicago>.
6. Кузнецова О.А. Противодействие коррупции как цель правоохранительной политики: отечественный и зарубежный опыт // Вестник ТГУ. 2014. № 1 (129).
7. Бауман Е.В. Опыт борьбы с коррупцией в странах с развитой экономикой // Актуальные вопросы публичного права. 2012. № 4.
8. Филатова Т.В., Зязина А.К. Борьба с коррупцией: опыт зарубежных стран и возможность его применения в России // Вестник ГУУ. 2013. № 20.
9. Готыжева Ф. В. Опыт борьбы с коррупцией в зарубежных странах и возможность ее использования в России // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2018. № 4.
10. Заброда Д.Г. Основные направления антикоррупционной деятельности институтов гражданского общества // Российский криминологический взгляд. 2015. № 4.

Bibliography

1. Pudovochkin Yu.E., Kashkarov A.A. Institutions of civil society in the system of subjects for the prevention of official crime in the public authorities of Crimea and Sevastopol // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 5.
2. Kashkarov A.A., Zabroda D.G. Features of international and foreign regulatory regulation of anti-corruption education and the formation of an anti-corruption standard of behavior of citizens / Society and law. 2020. № 1 (71).
3. Osyak A.N., Kapranova Yu.V., Ovsepyan G.M. Priority directions of the fight against corruption in the context of measuring corruption manifestations // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2018. № 2 (36).
4. A comprehensive plan of educational measures aimed at creating an atmosphere of intolerance in society towards corruption manifestations, including improving the effectiveness of anti-corruption education, for 2019–2020: app. by order of the Government of the Russian Federation dated December 21, 2018 No. 2884-p. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?do_cbody=&nd=102506647.
5. Union of Labor and Crime. Who is enriched by the struggle for the rights of workers // URL: <https://lenta.ru/articles/2015/05/01/chicago>.
6. Kuznetsova O.A. Anti-corruption as a goal of law enforcement policy: domestic and foreign experience // Bulletin of TSU. 2014. № 1 (129).
7. Bauman E.V. Experience in combating corruption in developed economies // Topical issues of public law. 2012. № 4.
8. Filatova T.V., Zyazina A.K. The fight against corruption: the experience of foreign countries and the possibility of its use in Russia // Bulletin of the SUM. 2013. № 20.
9. Gotyzheva F.V. Experience in combating corruption in foreign countries and the possibility of its use in Russia // International Journal of Applied Sciences and Technologies «Integral». 2018. № 4.
10. Zabroda D.G. The main directions of anti-corruption activities of civil society institutions // Russian criminological view. 2015. № 4.

Корсаков Константин Викторович
Korsakov Konstantin Viktorovich

старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук кандидат юридических наук, доцент.

Senior researcher of the Law Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, PhD in Law, Associate Professor.

**УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ
В КАНТИАНСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ***
Criminal punishment in the Kantian philosophical tradition

Статья посвящена рассмотрению пенологических аспектов философии И. Канта, затрагивающих принципы, цели, содержание и сущность уголовного наказания, его идеологические основы и ориентиры, пределы и границы его вмешательства в сферу естественных прав человека, а также институты смертной казни, амнистии и помилования, сделки с правосудием. В ней отмечается, что в пенологической концепции И. Канта уголовное наказание представляет собой справедливое возмездие за совершенное преступное деяние, которое облекается в форму строго фиксированной и соразмерной проступку кары, исходящей от государства. Автором статьи делается вывод о том, что кантовская философская традиция оказала большое влияние на философию и теорию права, уголовное право и пенологическую науку, а также на правовую доктрину, отразившись в законодательстве многих европейских государств, и до сих пор не утратила своей актуальности в решении сложных правовых и этических проблем.

Ключевые слова: философия права, уголовное наказание, философия И. Канта, пенология, концепция возмездия.

The paper deals with the penological aspects of I. Kant's philosophy that affect the principles, goals, content and essence of criminal punishment, its ideological foundations and guidelines, the limits and boundaries of its interference in the sphere of natural human rights, as well as the institutions of the death penalty, Amnesty and pardon, and deals with justice. It is noted that in the penological concept of I. Kant, criminal punishment is just a retribution for the committed criminal act, which is clothed in the form of a strictly fixed and proportionate punishment for the offense coming from the state. The author of the article concludes that the Kantian philosophical tradition had a great influence on the philosophy and theory of law, criminal law and penological science, as well as on legal doctrine, reflected in the legislation of many European States, and still has not lost its relevance in solving complex legal and ethical problems.

Keywords: philosophy of law, criminal punishment, philosophy of I. Kant, penology, concept of retribution.

Естественно-правовое учение с момента своего формирования искало опору и основания в метафизике, что не было присуще противостоящему ему легизму (юридическому позитивизму), довольно редко обращавшемуся к абстрактным философским идеям и концептам для обоснования своих базовых эпистем и конструктов. В большей степени, нежели последний, естественно-правовое учение было связано и с различного рода прогрессивными об-

щественно-политическими теориями. Примером тому могут служить трактаты философа и видного представителя естественно-правовой мысли Ж.-Ж. Руссо, который одним из первых придал естественно-правовому течению в философии права характер стройного, системного и упорядоченного учения, сыгравшего существенную роль в социально-политической жизни в эпоху Просвещения и революционных событий во Франции XVIII столетия.

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», руководитель: академик РАН В.Н. Руденко).

Как известно, на хоругви революционной борьбы за народное счастье французскими революционерами были подняты сформулированные и развитые именно им идеи неотчуждаемого народного суверенитета, участия всех граждан государства в решении важных политических вопросов и постоянного народного контроля за публичной властью. Данные практически ориентированные сентенции сыграли большую роль в развитии философии естественного права и впоследствии оказали заметное влияние на И. Канта. Философ, восприняв их с живым интересом и энтузиазмом, придал им новый импульс развития, а равно более завершённый характер в сочетании с ключевыми идеями его собственной философской системы, заложившей начала диалектическим методам в гносеологии.

И. Кантом был осуществлён заметный научный прорыв в области поиска демаркационных границ и лимитов той индивидуальной свободы, которая объявлялась Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и другими философами – представителями естественно-правовой мысли основополагающим критерием естественных прав человека и главной целью политического союза. Этот эвристический вклад И. Канта был крайне важен для философии естественного права, получившей за счет него столь необходимое ей тогда объективное содержание до той поры кажущейся многим правоведом слишком умозрительной, метафизической и отвлеченной.

И. Кант связал ключевые естественно-правовые идеи неотчуждаемого народного суверенитета и прирожденной свободы с требованиями разума, в законах которого философ выделил объективные основания для системы естественного права. Центральную для всей естественно-правовой теории категорию всеобщей народной воли И. Кант свел к априорной всеобщей воле как отвлеченному представлению разума, что предопределило переход от субъективного направления в естественном праве к новому, объективному направлению. Известные кантовские законы разума стали теми объективными основаниями и фундаментом, которые были особенно нужны естественному праву; можно считать, что именно они положили начало рационалистической традиции в философии естественного права.

Концептуальные основы и идеалы естественно-правового направления в философии права очень отчетливо прослеживаются в рационалистических представлениях И. Канта об уголовном наказании, в его оригинальной педологической теории, базисом которой выступает хорошо известная историкам и философам права концепция возмездия (воздаяния, кары) – доктрина, которую сам И. Кант назвал в своих трудах «единственно разумной и возможной» [1, с. 308], а правовед Б.Н. Чичерин именовал «единственной, опирающейся на глубочайшие основы человеческого разума и человеческой совести» [2, с. 105]. Заметим, что Б.Н. Чичерин, которого В.С. Соловьев считал «неизменным защитником права как абсолютного, себе довлеющего начала, самым многостороннее образованным и систематическим умом среди русских ученых» [3, с. 4], являлся наиболее ярким представителем кантовской традиции в отечественной философии права.

Нравственно-правовая идея возмездия, известная юриспруденции еще со времен античности, была связана с представлениями людей той эпохи о справедливости, которые имели глубокие мифологические корни. Как верно заметил Е.Н. Трубецкой, справедливость, согласно воззрениям древних греков, – это «не только правовой и моральный, но и физический закон; перед ней трепещут все подземные силы; ей повинуются даже солнце и звезды на небе» [4, с. 41]. Античное понимание единства справедливости и земного закона выражено в мифологической поэме Гесиода «Теогония»: Дике (Справедливость) и Эвномия (Благозаконие) представлены в этом произведении как две родные сестры, которые появились на свет от союза Зевса с богиней правосудия Фемидой и подарили людям обычаи и законы.

Концепция воздаяния, нашедшая свое отражение в древнем законе талиона («око за око, зуб за зуб»), покоилась не только на мифологических и религиозных идеях античности, но и на идеях арифметических. В частности, Аристотель, определявший в «Никомаховой этике» справедливость как «воздаяние равным за равное», как «равное отношение», в его «Метафизике» упоминал о том, что греки-пифагорейцы, определяя вещи (что есть время, момент, справедливость, мнение, закон, беззаконие, распределение) соотносили их с числами.

Учение пифагорейцев распространилось далеко за пределы Древней Греции и уже в V веке до н.э. преобладало на всем юге Древнего Рима, повлияв на римское право: например, изначальным названием древнеримских Законов XII таблиц было «Трижды по четыре таблицы» («Ter tabulae quaternae»), а цифра четыре в пифагорейских школах, сводивших различные моменты действительности к определенным цифрам, олицетворяла именно справедливость. Древнее правило талиона, имевшее большую значимость для пифагорейского учения благодаря его арифметическому основанию и использовавшийся как иллюстрация того, что «справедливость – это равносильно равному числу», соответствовало принципу возмездия в философии права, который уравнивал преступный вред и меру наказания.

Принцип возмездия развивался не только греками-пифагорейцами и их последователями, он был присущ древнегреческому праву в целом, причем как обычному праву (темис), так и позитивному (в законах Драконта (621 г. до н.э.), критских законах эпохи легендарного Миноса содержится правило талиона). Центральными категориями древнегреческого права являются справедливость (Дике), довлеющая не только над человеком и мирозданием, но и над всеми олимпийскими богами, и неотделимое от нее возмездие, воплощением которого была богиня Немезида, олицетворявшая идеи неизбежности и неотвратимости уголовного наказания (Немезида, атрибутами которой были колесница, меч и уравновешивающие нанесенный преступлением ущерб и объем неминуемой кары, весы – символ соразмерности наказания и преступления, в отличие от греческой богини правосудия Фемиды, изображалась без повязки на глазах, чем подчеркивались идея ее всеведения и желания лицезреть торжество карающей справедливости) [5, с. 156].

В пенологической концепции И. Канта уголовное наказание предстает перед нами как ретроспективная кара, как справедливое возмездие за совершенное преступление, которое выражается в форме причиняемых от имени государства и строго фиксированных страданий преступника за им содеянное. И. Кант писал об уголовном наказании, что оно – «суть категорический императив (безусловное повеление) практического разума, суть возмездие, которое является единственной априорной

идеей, что составляет фундамент уголовного права» [1, с. 127]. Используя идею формального равенства и хорошо известное «золотое правило» нравственности в решении вопроса о мере уголовного наказания, И. Кант настаивал не на симметричном (буквальном, тождественном) воздаянии по типу ветхозаветного закона талиона («око за око, зуб за зуб»), а на пропорциональности (адекватности, соответствии) уголовного наказания содеянному преступником.

Этот кантианский подход к уголовному наказанию отчетливо прослеживается в работах многих его последователей и апологетов, например, у философа-кантианца К. Цехарие, писавшего, что «так как преступление – это вторжение в область свободы другого лица, которая охраняется законом, то преступник должен быть стеснен в своей свободе в той же самой мере, в которой он нарушил чужую свободу» [6, с. 59], в трудах Г. Кельзена, который также был приверженцем кантианской философии, и научном наследии А.А. Пионтковского.

Уголовное наказание в кантианской философской традиции лишено утилитарных и прагматических элементов: виновный в нарушении закона подвергается наказанию вне зависимости от возможности извлечения из назначенного ему уголовного наказания какой-либо сиюминутной или перспективной практической пользы, выгоды (экономической, общественной, политической и пр.). Признавая за смертной казнью право на ограниченное существование, И. Кант был против ее широкого использования. Философ был сторонником активного применения уголовного наказания в виде лишения свободы, поэтому многие правоведы-кантианцы (И. Баховен, А. Гейер и др.), исходя из воззрений на преступное деяние как покушение на индивидуальную свободу другого человека, видели главную суть уголовного наказания именно в лишении преступника свободы, срок которого должен быть четко соразмерен и строго соответствовать масштабам интервенции правонарушителя в сферу естественной свободы индивида.

Кантианство, требующее равенства уголовного наказания преступному деянию по силе интервенции в область свободы правонарушителя и отражения в содержании используемого вида уголовной репрессии характера

преступного деяния, было положительно воспринято представителями «классической школы» уголовного права, оно оказало большое влияние на юридическую доктрину и уголовное законодательство многих западноевропейских стран, отразившись в его преамбулах и основных текстах, на что не раз обращали внимание многие отечественные исследователи (С.С. Алексеев, Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц [7; 8; 9]). В области публичного права оно стало своего рода связующим звеном между материальным, позитивным правом – законами государства – и правом естественным, субъективным, приводя к общему знаменателю формальную, строгую «букву закона» и природное, человеческое «чувство права». «Вечное, неистребимое убеждение в том, что преступнику обязательно должно воздать и что справедливо только возмездное наказание, имеет свое глубочайшее основание в самой природе индивида» – заключал правовед-кантианец К. Биркмайер [10, с. 73], а уже упоминавшийся выше Б.Н. Чичерин писал: «развитая Иммануилом Кантом теория возмездия – это единственное верное основание правосудия как человеческого, так и божественного. Посредством ее восстанавливается владычество нарушенного закона, а с тем вместе оказывается уважение к индивиду: к нему прилагается та мерка, которую он сам прилагает к другим людям» [2, с. 109].

Нельзя не заметить, что к кантианской философской традиции нередко обращаются многие современные криминологи и ученые-пеналогии, в частности, при изучении дискуссионного вопроса о допустимости в юридической практике высшей меры уголовного наказания – смертной казни. Обоснованная И. Кантом идея эквивалентного равенства между преступным деянием как нарушением чужого субъективного права и уголовным наказанием как восстановлением нарушенного чужого субъективного права оправдывает использование политической властью этой крайней меры за криминальные посягательства, связанные с гибелью людей (убийство, террористический акт и пр.). Важным при решении данного вопроса является то обстоятельство, что человеческая жизнь, имеющая наивысшую ценность, не имеет другого равноценного эквивалента, нежели другая жизнь, а потому применение смертной казни за преступные деяния,

последствием которых стала смерть других людей, с точки зрения кантианской доктрины вполне оправданно. Как писал о проблеме смертной казни американский представитель неокантианской традиции в философии права Ф. Кэррингтон: «Применение смертной казни в отношении лиц, совершивших злостные убийства, конечно, не воскресит погибших, однако продемонстрирует, что общество с уважением относится к жизни потерпевших» [11, с. 98]; «чем выше в обществе ценится человеческая жизнь, тем выше должно быть уголовное наказание за ее отнятие» – подчеркивал Б.Н. Чичерин [2, с. 46]. В то же время в кантианской традиции использование чрезвычайного уголовно-правового ресурса, к которому относятся смертная казнь и пожизненное лишение свободы, в отношении тех преступных посягательств, которые не повлекли за собой человеческую смерть, считается несправедливым и морально неоправданным.

Примечательно, что одним из объектов философской критики И. Канта выступило творческое наследие итальянского просветителя и юриста Ч. Беккариа, который был последовательным противником смертной казни и выступал за ее отмену. Так, например, в отношении известного аргумента Ч. Беккариа о том, что уголовное наказание в виде смертной казни не могло содержаться в первом общественном договоре в силу того, что тогда каждый гражданин должен был бы согласиться на лишение собственной жизни в случае, если он лишит жизни другого гражданина, что невозможно, так как никто не может подобным образом распоряжаться своей собственной жизнью, И. Кант высказался, что все это грубая софистика и пустословие, которые идут вразрез естественно-правовым идеалам и историческому развитию права [6, с. 119].

Нередко аболиционисты и ярые противники смертной казни апеллируют к канонам естественного права и настаивают на естественном праве каждого, включая убийц, на жизнь, которого никто не вправе лишить ни при каких обстоятельствах, однако такие рассуждения, по мнению неокантианцев, сразу же обнаруживают в себе неустранимое противоречие, связанное с тем, что любой человек, включая и убийц, и потерпевших, обладает, согласно идеям естественного права, неотъемлемым правом на собственную жизнь, но не на чужую,

и сознательно лишая другого последней, он тем самым нарушает все то же естественное право на жизнь и, согласно И. Канту, он автоматически утрачивает в силу этого свое личное право на защиту естественным правом собственной жизни – жизни убийцы: его умерщвление от имени государства и в интересах общества не является нарушением естественного права на жизнь, так как он сам своим поступком от него отказался и сделал свое право ничтожным.

Современные правоведы-неокантианцы полагают, что идеалам и базовым принципам естественного права не противоречит закрепление в уголовном законодательстве смертной казни как соразмерной и справедливой реакции общества и государства на преступления против жизни, так как высшая мера уголовной репрессии призвана не забирать жизни, а наоборот, защищать естественное и неотъемлемое право каждого человека на жизнь. Не случайно многие современные государства полностью и окончательно не отказываются от института смертной казни, а часто ограничиваются установлением моратория на его применение, помещая этот крайний и экстраординарный уголовно-правовой ресурс в разряд «резервных», «запасных», чтобы «расконсервировать» его в случае острой необходимости.

Помимо сложной этико-юридической проблемы смертной казни обращение к кантианской философской традиции нередко происходит при анализе и осмыслении таких основных уголовно-правовых институтов, как амнистия и помилование. И. Кант и его сторонники, допуская их использование и признавая гуманистический потенциал последних, призывали к строгой экономии этих уголовно-пра-

вовых средств, чтобы не превратить названные институты уголовного права в ничем не оправданные индульгенции, грубо попирающие требования неотвратимости и соразмерности уголовного наказания, а также принцип социальной справедливости. «В отношении преступных деяний, совершаемых подданными друг против друга, суверену не следует использовать право помилования, потому как в данном случае безнаказанность – величайшая несправедливость по отношению к подданным» – писал И. Кант [1, с. 122–123]. Помилование, по мнению философа, уместно в случаях совершения преступлений в отношении самого суверена, являя при этом акт его доброй воли и христианской милости. На своеобразии кантианского подхода в неоднозначных юридических вопросах о компромиссах и различных сделках с правосудием обращал внимание еще российский цивилист Г.Ф. Шершеневич, указывая, что И. Кант не допускал никакого торга с системой правосудия (снисхождения либо уменьшения наказания в обмен на полезные сведения или действия (например, на участие подсудимого в опасных медицинских экспериментах и опытах во имя прогресса естествознания)) по причине того, что «справедливость перестает быть таковой, если она продает себя за какую-либо цену» [12, с. 154].

В настоящее время в юридической доктрине кантианская философская традиция, оказавшая большое влияние как на философию права, так и уголовное право, криминологию и пенологическую науку, является по-прежнему широко используемой и востребованной в разрешении философско-правовых проблем и сложных этико-юридических вопросов.

Литература

1. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Berlin, 2002.
2. Чичерин Б.Н. Избранные труды. СПб., 1997.
3. Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск, М., 2001.
4. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001.
5. Корсаков К.В. Криминологическое моделирование и язык криминологической науки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5.

Bibliography

1. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Berlin, 2002.
2. Chicherin B.N. Selected works. Saint Petersburg, 1997.
3. Solovyov V.S. Law and morality. Minsk, Moscow, 2001.
4. Trubetsky E.N. Works on the philosophy of law. Saint Petersburg, 2001.
5. Korsakov KV. Criminological modeling and the language of criminological science. Bulletin of the South Ural state University. Series: Law. 2006. № 5.

-
-
6. Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, А. Фейербаха и Фихте. М., 1940.
7. Алексеев С.С. Общетеоретические принципы исследования структуры права // Советское государство и право. 1971. № 3.
8. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972.
9. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. М, 2020.
10. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.
11. Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран: «классическая школа» и антрополого-социологическое направление. М., 1965.
12. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Часть теоретическая. Философия права. М., 1910.
6. Piontkovsky A.A. Criminal-legal views of Kant, A. Feuerbach and Fichte. Moscow, 1940.
7. Alekseev S.S. General Theoretical principles of research on the structure of law. Soviet state and law. 1971. № 3.
8. Kerimov D.A. Philosophical problems of law. Moscow, 1972.
9. Nersesyants V.S. Philosophy of law: textbook. Moscow, 2020.
10. Novgorodtsev P.I. Kant and Hegel in their teachings on law and the state. Saint Petersburg, 2000.
11. Reshetnikov F.M. Criminal law of bourgeois countries: «classical school» and anthropological and sociological direction. Moscow, 1965.
12. Shershenevich G.F. General theory of law. The theoretical part. Philosophy of law. Moscow, 1910.

Хилюта Вадим Владимирович
Khilyuta Vadim Vladimirovich

доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor, the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, the Grodno State University named after Yanki Kupala, PhD in Law, Associate Professor.
E-mail: tajna@tut.by

**ФИЛОСОФИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА
И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ**
Philosophy of neoliberalism and criminal liability of the officials

В статье анализируются проблемы дифференциации уголовной ответственности за преступления против службы через призму философии неолиберализма. Рассматриваются вопросы либерализации уголовного законодательства в управленческой сфере и общемировые тенденции глобализации права. Существенное внимание уделено моделированию концептуальных основ преступлений против интересов службы и управления, понятию и признакам должностного лица в уголовном праве.

Ключевые слова: философия неолиберализма, интересы службы, дифференциация, должностное лицо, служебные преступления.

The paper analyzes the problems of differentiating criminal liability for crimes against service through the prism of the philosophy of neoliberalism. The liberalization of criminal legislation in the managerial sphere and the global trends in the globalization of law are considered. The considerable attention is paid to modeling the conceptual basis of crimes against the interests of service and management, the concept and characteristics of an officials in criminal law.

Keywords: neoliberalism philosophy, interests of service, differentiation, officials, official crimes.

Парадигмальная концепция сегодняшнего мира, развивая новые формы неолиберализма, старается низвергнуть государство, отодвинуть его на второй план, вынося на первый – рынок и его саморегулирование. Здесь процесс саморегуляции является главной доминантой во всех сферах общественной жизни и во всех отношениях, включая право. Это обусловлено плюрализмом взглядов и идей, постмодернистской методологией проведения научных исследований и разработкой основ тотального реформирования законодательства. Данные тенденции характерны и для продолжающего сохранять свою консервативность уголовного права.

При этом, если современное государство продолжает держать уголовное право в своих руках, то идеология неолиберализма стремится к диверсификации этого процесса, потому как государство не должно выступать той скрепой, которое бы удерживало общество и сохраняло монополию на насилие, управляя процессом определения того, что есть преступление, и выбора мер воздействия на лицо, допустив-

шее отступление от соблюдения установленных правил и выход за «пределы закона».

Глобальная смена существующих парадигм пока еще не наступила, однако уже сегодня очевидны определенные тенденции и закономерности развития самого уголовного права. Вот здесь и возникает вопрос о роли уголовного права при смене концепции общественного развития, перехода к информационному обществу. А именно, будет ли оно оставаться публичной отраслью или больше вбирать в себя диспозитивные элементы и частноправовые начала? При такой постановке вопроса фундаментальный признак преступления для постсоветских стран – общественная опасность – больше не будет диктовать формирование сущности и содержания центрального института для уголовного права – преступления, и определять формы развития уголовного права.

По сути говоря, общественная опасность – это, в некоторой степени, идеология проявления марксистских идей в уголовном праве, как и отношения собственности – это марксистская

идея материальности или присвоенности вещи. Но если мы говорим об общественной опасности причинения вреда (или угрозе его причинения), то непременно возникает вопрос: кому (или чему) в таком случае причиняется вред или существует угроза его причинения? Общественным отношениям? Но в основе таких общественных отношений лежат диаметрально противоположные интересы различных субъектов, и вполне понятно, что если мы разрываем эти отношения и начинаем их делить, то во главе лежит идея плюрализма уголовно-правовой охраны общественных отношений нетождественных социальных групп, классов, коллективных образований и т.д. Очевидно, что в этой ситуации акцент не просто смещается с публичной в частную сферу, а указывает на фундаментальный уход от единого концепта разрешения уголовно-правовых конфликтов и передачи данной функции иным публично-корпоративным образованиям. А в таком случае и понятие того, что представляет собой преступление, должно быть пересмотрено.

Однако если мы говорим об иных субъектах публично-правовой сферы, помимо государства, то возникает еще один вопрос: в чьих интересах будут действовать такие организации или публично-корпоративные образования? Понятно, что не в интересах всего общества или государства в целом, а узкой группы лиц, которая, практически, и будет решать, что преступно, а что – нет, облекая это в различные форматы, в том числе и законодательного регулирования общественных отношений уголовно-правовыми средствами.

Таким образом, идеология неолиберализма непременно ставит вопрос о либеральной – многоуровневой уголовной ответственности различных типов общественных отношений. И в первую очередь, это касается базовых для либерализма ценностей – собственности и экономической деятельности. Отсюда становятся понятными попытки развести уголовную ответственность для должностных лиц государственных и негосударственных корпоративных образований, предусмотреть особые формы привлечения юридических лиц (или их руководителей, сотрудников и т.д.) к уголовной или административной ответственности и т.д.

В частности, в настоящее время либертарианство все настойчивее старается диктовать

для национальных правовых порядков условия особого свойства наступления уголовной ответственности для должностных лиц организаций негосударственной формы собственности. Эта идея покоится на канонах неприкосновенности частной собственности и интереса собственника, как такового. Она не может не привлекать внимания и расширять ряды своих сторонников, т.к. в этом случае именно сам собственник решает, нарушены (ущемлены) его права и законные интересы или же нет, стоит ли лицо привлекать к ответственности или не стоит. Данный ряд можно продолжить и далее.

Однако в этой ситуации нельзя не обратить внимание на то, что эти постулаты разрывают монополию государства на применение насилия – в данном случае привлечения лица к уголовной ответственности, допускают все более глубокое проникновение частных начал в публичную сферу. Вероятно, так и должно быть, но важно в этой связи видеть рамки этого процесса и его границы.

Вполне понятно и то, что в обсуждаемом контексте собственник будет всегда заботиться о своих частных интересах, но никак не о государственных. В случае конфликта интересов приоритет будет отдаваться частным, но никогда не государственным интересам. Тем не менее, в данном случае очень важно найти баланс, потому что, с одной стороны, государство не может быть «судьей в своем собственном деле», но, с другой стороны, чрезмерное расширение частных начал подрывает классические основы уголовно-правового воздействия.

Это связано с простой аксиомой. В настоящее время транснациональные корпорации все более активно заняты проблемой поиска новых источников сбыта продукции и получения сверхприбылей. Это требует уменьшения затрат, избежания рисков и возможных негативных последствий в виде вероятности быть привлеченным к уголовной ответственности за различного рода злоупотребления и экономические правонарушения. Решение подобной задачи требует проведения политики постепенного смягчения монополии государства в сфере уголовного судопроизводства, передачи этих функций иным корпоративным образованиям. Надо сказать, что эта тенденция характерна для многих стран, однако в большей

степени она характерна для стран с развивающейся экономикой.

Вместо того, чтобы сделать исключения из правил и обозначить дополнительные условия привлечения должностных лиц частной сферы к уголовной ответственности по сравнению с государственными должностными лицами (лицами, занимающими должности в государственных учреждениях, предприятиях и организациях), мы полностью начинаем смещать приоритеты в сторону либерализации управленческой сферы. Понятно, что в этой ситуации не следует бросаться в крайности и допускать известные перегибы в данном вопросе, что может выражаться в тотальном господстве государства во всех областях и сегментах общественной жизни. Однако следует избегать и другой крайности – чрезмерной либерализации экономики и сферы управления. Это, в конечном итоге, приведет к хаосу и неспособности государства разрешать уголовно-правовые конфликты.

Очевидно, что собственник никогда не будет инициатором возбуждения уголовных дел в своей компании (против своих сотрудников) или же, более того, становится на путь привлечения самого себя к уголовной ответственности. Это абсурдная ситуация. Коллективные органы такого юридического лица не примут подобных решений, если при этом не будет затрагиваться чей-либо интерес и личная выгода. В такой ситуации вывод напрашивается сам по себе. Кто владеет компанией (контрольным пакетом акций) или является собственником имущества организации, тот и определяет судьбу не только предприятия, но и конкретного человека в этом предприятии. А в данном случае всегда будет существовать конфликт интересов, и на этой почве возможны различного рода злоупотребления, подкуп и т.д.

В таком случае государство окажется бессильным и фактически устранился от возможного разрешения уголовно-правовых конфликтов и защиты интересов, как субъектов хозяйствования, так и частных лиц. Вряд ли это сформирует стабильность и здоровую конкуренцию. Крупные компании-монополисты фактически окажутся теми субъектами, которые будут на своем уровне разрешать существующие публично-правовые конфликты в управленческой и экономической сферах, т.к.

доминирования государства в уголовно-правовой области больше не будет. Но это не так страшно, на самом деле, по сравнению с тем, что в данном случае ни о какой свободе и конкуренции речи уже больше идти не будет. Транснациональные компании в таком случае превратятся еще больше в сверхмонополистов и никогда не допустят на рынок других субъектов. По сути дела, национальное законодательство будет развиваться только в одном направлении, и корректироваться в сторону защиты глобальных игроков и их интересов.

Этих крайностей нужно избежать, как, впрочем, и тех, которые существуют сегодня. Чрезмерное засилье государства во всех сферах общественной жизни превращает его в монстра с «дамокловым мечом» в виде возможности любого быть привлеченным к уголовной ответственности. В этом случае, как мы уже говорили, важно найти разумный баланс частных и публичных интересов в управленческой (служебной) деятельности и грамотно расставить приоритеты в заданном направлении.

Идеология единой (объединенной) уголовной ответственности для любых должностных лиц исходит из того, что служба исторически сформировалась как механизм социальной интеграции, согласования деятельности государства, общества, отдельных социальных групп и индивидов, а также обеспечения соблюдения ими закона, прав и интересов друг друга. Поэтому общественные отношения, складывающиеся по поводу служебной деятельности, независимо от ее вида и места осуществления, обладают общими характерными признаками, соответствующими основным направлениям реализации служебных интересов: а) обеспечению осуществления задач и эффективного функционирования представляемой организационной структуры (службы); б) соблюдению при этом «внешних» требований к ее деятельности, установленных правовыми, моральными, профессиональными и прочими нормами либо обусловленных необходимостью обеспечения прав и интересов субъектов, вовлекаемых в поле деятельности служащего [1, с. 10].

Итак, ставя задачу о разграничении уголовной ответственности за управленческие преступления (против интересов службы) придется решать сложную проблему относительно

выработки критериев должностного лица применительно к осуществлению той или иной социальной функции, имеющей публичный характер. Что в первоочередном порядке будет приниматься во внимание: форма собственности или организационно-правовой статус юридического лица? Так, при определении организационно-правовой формы той или иной организации в правоприменительной практике непременно будут возникать трудности, связанные с тем, будет ли определенная организация входить в единую систему государственных органов и учреждений (например, куда относить организации, занятые в сфере культуры, частного здравоохранения, социального обслуживания населения, коммунального хозяйства и т.д.), какова будет доля государства в уставном фонде юридического лица и т.д.

Безусловно, этот вопрос можно адресовать законодателю, в чьей плоскости находится сегодня его разрешение, и правоведам, разрабатывающим и воплощающим в жизнь идеологию дифференциации уголовной ответственности за управленческие (служебные) преступления. Однако моделируя признаки должностного лица, и тем самым разводя частные и публичные интересы, принимать во внимание необходимо не только характер выполняемых лицом обязанностей, но и сферу управленческой деятельности данных лиц. В этой плоскости можно обозначить два основных подхода к разрешению обозначенной проблемы:

1. Свобода конкуренции различных субъектов экономической деятельности предопределяет равный подход к ответственности служащих государственных и негосударственных организаций, независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности (например, данная модель применяется в действующем уголовном законодательстве Республики Беларусь). Сторонники сохранения существующей модели вполне обоснованно высказывают опасения на предмет того, что при дифференциации управленческих преступлений государство утратит инструменты контроля над коррупционными проявлениями в сфере экономики и возможными злоупотреблениями и не сможет предотвратить негативные последствия противоправной деятельности руководителей коммерческих структур. В конечном

итоге это отразится в том, что в хозяйственном обороте увеличится количество сделок по выводу финансовых ресурсов из фондов организаций и переводу их в подконтрольные структуры, что приведет к искусственному завышению себестоимости продукции и переложении данного бремени на плечи рядовых граждан; переводу денежных потоков в фирмы-спутники, создаваемые с целью вывода денежных средств и их присвоения руководством компаний; уклонением от уплаты налогов посредством минимизации полученных доходов; ростом числа неплатежеспособных организаций, спровоцированным халатным отношением к службе или дробления финансовых капиталов и т.д.

2. Преступления, совершаемые лицами в сфере управления и интересов службы, должны быть дифференцированы в зависимости от рода выполняемых функций и правового статуса лица (согласно данному подходу к недолжностным лицам будут относиться лица, выполняющие управленческие функции в коммерческих и некоммерческих организациях: хозяйственных обществах, унитарных предприятиях, потребительских кооперативах, общественных организациях, фондах и т.д.).

Таким образом, соотношение частных и публичных интересов в сфере уголовно-правового регулирования общественных отношений в управленческой сфере выявляет существенные различия в предмете и методе механизма уголовно-правового регулирования. В сфере охраны государственной службы присутствует публично-правовой интерес, который направлен на защиту общего блага – прав и законных интересов юридических и физических лиц от противоправных посягательств должностных лиц. Иной баланс интересов существует в сфере уголовно-правовой охраны интересов службы в коммерческих и некоммерческих организациях. Здесь частный интерес основан на праве частной собственности и свободе договора между равноправными субъектами экономической деятельности.

Задача сегодняшнего дня – найти и зафиксировать данный баланс интересов (между инициативой и ответственностью). Тем не менее, последние тенденции развития уголовного законодательства в сфере экономики демонстрируют трудный и достаточно сложный

процесс поиска оптимальных критериев легитимации уголовно-правовых средств обеспечения интересов государства и общества в сфере публичного управления [2, с. 168–173].

На наш взгляд, наиболее оптимальный вариант в сложившихся условиях состоит в модификации существующей модели уголовной ответственности лиц, совершающих управленческие преступления (преступления против интересов службы). При этом дальнейшая уголовно-правовая политика в данном направлении должна предусматривать:

а) дифференциацию и систематизацию уголовно-правовых норм о подкупе в целях устранения пробелов и коллизий;

б) разработку единообразных правил толкования оценочных (существенный вред, тяжкие последствия) признаков, содержащихся в главах 23, 30 УК РФ и перевод некорыстного должностного поведения в разряд административного деликта;

в) формулирование диспозитивного правила, согласно которому признак «вопреки интересам службы» в коммерческих и некоммерческих организациях должен определяться собственником имущества организации;

г) реконструирование определения и признаков должностного лица, с целью верификации понятия «лицо, совершающее юридически значимые действия».

Литература

1. Солдатова Л.А. Злоупотребление полномочиями и превышение полномочий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002.

2. Хиллута В.В. Глобальная инструментализация уголовного права. М., 2020.

Bibliography

1. Soldatova L.A. Abuse of authority and abuse of authority: abstract of dis. ... PhD in Law. Ulyanovsk, 2002.

2. Khilyuta V.V. Global instrumentation of criminal law. Moscow, 2020.

Березина Елена Александровна
Berezina Elena Aleksandrovna

доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета
кандидат юридических наук.

Associate Professor, the Department of Theory of State and Law, the Ural State Law University, PhD in Law.
E-mail: helalex@mail.ru

**МЕТОДИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**
**Methodological and technological aspects of the evaluation of legal
regulation effectiveness**

В статье рассматривается проблема оценки эффективности правового регулирования. Анализируются методы, методики и подходы, используемые при оценке эффективности правового регулирования. Дается определение оценки эффективности правового регулирования как осуществляемой в особом порядке деятельности субъектов права, направленной на сравнение результатов правового регулирования с признаками, используемыми в качестве критериев эффективности правового регулирования, в которых отражаются цели и принципы правового регулирования. Рассматриваются метод анализа иерархий, метод анализа результатов правовых экспериментов и метод экспертных оценок, применяемые при оценке эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: эффективность правового регулирования, оценка эффективности правового регулирования, методы оценки эффективности правового регулирования, правовая технология, метод анализа иерархий, правовой эксперимент, метод экспертных оценок.

The paper analyzes the issue of assessing the effectiveness of legal regulation, analyzes the methods, techniques and approaches used in assessing the effectiveness of legal regulation. The article defines the evaluation of the effectiveness of legal regulation as the activity of legal entities carried out in a special order, aimed at comparing the results of legal regulation with the features used as criteria of the effectiveness of legal regulation, which reflect the goals and principles of legal regulation. The method of analysis of the results of legal experiments, the method of expert assessments and the method of analysis of hierarchies in evaluation of the effectiveness of legal regulation are considered.

Keywords: effectiveness of legal regulation, evaluation of legal regulation effectiveness, methods of evaluation of legal regulation effectiveness, legal technology, technology of law, method of analysis of hierarchies, legal experiment, method of expert assessments.

Проблема эффективности правового регулирования в настоящее время для отечественного законодателя и российских ученых-правоведов является одной из актуальнейших, поскольку от того, насколько результативно право воздействует на общественные отношения, зависит уровень развития всех элементов правовой системы общества и уровень поступательного движения общества к наиболее совершенному социально-правовому устройству.

Главное предназначение права в жизни общества – упорядочение, организация общественных отношений. Если рассматривать в качестве итоговой цели правового регулирования правовой прогресс, понимаемый как «поступательное, восходящее движение челове-

ского рода к идеальному социально-правовому устройству» [1, с. 15], то основным критерием эффективности правового регулирования будет уровень поступательного движения общества к идеальному социально-правовому устройству. Правовое регулирование будет эффективно настолько, насколько при его осуществлении будут воплощаться в жизнь идеи о правовом государстве, базирующемся на ценностях права и справедливости.

Эффективность правового регулирования выступает в качестве показателя уровня развития, во-первых, отдельных элементов механизма правового регулирования, во-вторых, всей системы правового регулирования в целом, в-третьих, всей системы правового

воздействия; в-четвертых, всей правовой системы общества; в-пятых, в качестве показателя правового прогресса общества. Повышение эффективности правового регулирования является основой для последующего поступательного развития общества и обеспечивается совершенствованием законодательства, правоприменительной практики, повышением уровня правосознания.

Оценка эффективности правового регулирования позволяет выявить положительные и отрицательные последствия правового регулирования конкретных общественных отношений, степень достижения целей правового регулирования, скорректировать правовую политику государства, выбрать наиболее оптимальные способы решения социальных, экономических, политических, экологических проблем, возникающих в обществе.

Оценка эффективности правового регулирования помогает в качественном и количественном представлении выразить соотношение целей и результатов правового регулирования для последующего использования этих данных в научной и практической юридической деятельности в целях определения тех правовых средств, которые дадут возможность наилучшим образом обеспечить стабильность и порядок в обществе, защиту прав и свобод человека и гражданина, интересов личности, общества и государства.

Кроме того, знания об уровне результативности правового регулирования позволяют осуществлять как мониторинг правового регулирования, так и прогнозирование дальнейшего развития общественных отношений, предвидение последствий осуществления правового регулирования в определенной сфере, тем самым способствуя принятию оптимальных управленческих решений. В обществе и государстве всегда существует потребность в рациональном, результативном, профессиональном, основанном на последних достижениях науки осуществлении юридической деятельности, поскольку именно эффективное управление позволяет обществу достичь целей правового регулирования и удовлетворить потребности общества в безопасности и стабильном развитии.

Для определения эффективности правового регулирования, которая, с точки зрения юридической науки, понимается как соотношение

между целями правового регулирования и полученным социальным результатом, исследователями разрабатываются различные технологии, методы, методики и подходы, используемые при оценке эффективности правового воздействия.

Классический подход к изучению уровня эффективности правовых норм как основного элемента механизма правового регулирования базируется на методике оценки эффективности, предусматривающей наличие таких стадий оценки как анализ социальной проблемы, определение целей норм права, призванных урегулировать возникшую проблему, установление критериев эффективности правовых норм, оценка показателей эффективности правовых норм [2, с. 147–192].

Для оценки эффективности правового регулирования используются различные общенаучные (исторический, генетический, структурно-функциональный, системный, технологический методы), частно-научные (математический, филологический, статистический, конкретно-социологический методы и метод математической экономики) и специально-юридические (метод правового прогнозирования, планирования, моделирования, метод толкования права, метод правового мониторинга, сравнительно-правовой метод, метод правового эксперимента) методы. В качестве частно-научного метода оценки эффективности правового регулирования используется метод оценочных исследований и методология экспертных оценок, которая подразумевает использование системы математических, формально-логических и статистических методов, используемых для обработки информации, требующейся для анализа и принятия решений о необходимости правового регулирования определенной сферы общественных отношений, а также о наиболее оптимальных специальных юридических средствах воздействия на данные отношения и методах, способах и приемах такого воздействия. Метод экспертных оценок может быть использован, например, для разработки планов и прогнозов развития отношений, оставляющих предмет правового регулирования, определения круга субъектов права, чьи права и интересы будут затронуты в результате правового воздействия, прогнозирования правовых рисков, формулирования показателей эффективности пра-

вового регулирования. Полученное в результате обработки информации о целях, результатах, средствах, способах, условиях правового регулирования обобщенное мнение экспертов рассматривается как основное направление решения той или иной социальной проблемы.

Для оценки эффективности правового регулирования может быть использован и метод анализа иерархий, являющийся основой для решения задач выбора оптимального решения из нескольких возможных, осуществляемого посредством многокритериального рейтингования различных способов решения поставленной задачи. Его автор, Т. Саати, определяет его как «замкнутую логическую конструкцию, обеспечивающую с помощью простых правил анализ сложных проблем во всем их разнообразии и приводящую к наилучшему ответу» [3, с. 3]. Его можно рассматривать как один из частно-научных методов исследования правовой действительности, основанный на применении математического инструментария в целях принятия решений в наиболее сложных ситуациях. Данный метод обеспечивает возможность выделить структурные элементы сложной ситуации и рассмотреть весь процесс принятия решения в виде иерархической пирамиды, позволяющей оценивать с точки зрения различных критериев альтернативные варианты решения того или иного вопроса. «Практика принятия решений связана с взвешиванием альтернатив, каждая из которых удовлетворяет некоторому набору желаемых целей. Задача заключается в выборе той альтернативы, которая наиболее полно удовлетворяет весь набор целей» [3, с. 7]. Особенностью метода анализа иерархий является то, что он позволяет получить результаты исследования, дающие возможность принять решения, которые будут эффективными вне зависимости от конкретных характеристик объектов. Он применим при анализе как измеряемых, так и не измеряемых объектов [4, с. 155]. В отношении правового регулирования этот метод может быть применен для выбора наиболее оптимальных способов достижения целей правового регулирования с помощью построения иерархической структуры, которая включает в себя цель правового регулирования, критерии и показатели эффективности правового регулирования, условия эффективности правового регулирования, положительные и отри-

цательные последствия правового регулирования, различные варианты урегулирования возникшей социальной проблемы.

Следующим методом определения эффективности правового регулирования является метод анализа результатов правовых экспериментов, основанный на сборе и оценке информации о проведении различных правовых экспериментов в целях определения эффективности правового регулирования. Например, с 1 декабря 2018 г. в РФ внедрена правовая технология правового эксперимента использования беспилотного транспорта в г. Москва и Республике Татарстан [5, ст. 7619]. В результате анализа результатов данного правового эксперимента специалисты решили, что пока рано говорить о возможности использования беспилотного автомобильного транспорта на всей территории РФ. В целях получения большего объема экспериментальных данных об эксплуатации беспилотного транспорта необходимо распространить этот эксперимент еще на несколько субъектов РФ. Так, в ходе анализа результатов правового эксперимента с конца февраля 2020 г к территориям, на которых проводится данный правовой эксперимент, стали относиться еще 11 регионов [6, ст. 1200].

Помимо названных методов исследования эффективности правового регулирования используются методы планирования, правового прогнозирования, правового моделирования, правового мониторинга, сравнительного правоведения и ряд других.

Ученые предлагают различные методические подходы определения эффективности правового регулирования [7, с. 369–387], к числу наиболее распространенных из них относятся: определение степени достижения целей правового регулирования; оценка рисков правового регулирования; выявление и анализ отрицательных и/или положительных общесоциальных и специально-юридических последствий воздействия всего механизма правового регулирования на общественные отношения; определение отрицательных и/или положительных последствий воздействия каждого из специальных юридических средств – отдельных элементов механизма правового регулирования (последствия регулирования с помощью нормативных правовых актов, норм права, правоприменительных, правореализационных

и правоинтерпретационных актов, правоотношений и юридических фактов); оценка отдельных видов социальных и правовых последствий для отдельных групп населения (предприниматели, отечественный производитель, социально незащищенные группы и т.п.); определение эффективности правового регулирования в зависимости от финансовых показателей от затраченных ресурсов, издержек правового регулирования (особенно это распространено при упорядочении отношений в сфере предпринимательской деятельности); анализ возможных последствий международно-правового характера, поскольку в процессе правового регулирования необходимо предвидеть как последствия его влияния на внутригосударственные отношения, так и на международные).

В рамках юридической науки анализируются разные математические формулы определения эффективности правового регулирования [2, с. 164–192; 8, с. 116–145]. Например, если рассматривать эффективность правового регулирования как соотношение цели и результата правового регулирования, эффективность рассчитывается «по формуле: $\mathcal{E} = \text{ПО2} - \text{ПО1}$, где ПО2 характеризует состояние правоотношений на рассматриваемый момент, а ПО1 характеризует исходное состояние данных правоотношений» [9, с. 10]. Другой вариант формулы «предполагает оценку эффективности правового регулирования по различным функциям правового регулирования и по различным общественным отношениям» [10, с. 8]. На основании анализа отдельных функций правового регулирования: упорядочения общественных отношений, координации и защиты интересов, гарантирующей, интегративной, стабилизирующей, ориентирующей функций, функции моделирования и стимулирования, М.Ю. Осиповым предлагается составлять матрицу правового регулирования и рассчитывать эффективность правового регулирования ($\mathcal{E}1$), основываясь на соотношении «количества случаев, в которых заданная функция по рассматриваемому общественному отношению не реализуется ($N1$), и общего количества случаев ($Q1$): $\mathcal{E}1 = 1 - N1/Q1$ » [10, с. 9]. Определяя эффективность правового регулирования, следует ответить на ряд вопросов: насколько общественным отношениям придается юридическая форма при помощи правовых средств,

насколько гарантируются и защищаются права и свободы человека и гражданина, насколько осуществляется интеграция общества, стабилизация общественных отношений, насколько верно определены в правовых актах круг субъектов и объектов правоотношений, субъективных прав и обязанностей, совокупность юридических фактов, разновидность норм права, которыми регулируются общественные отношения; источники права, специально-юридические пределы правового регулирования; порядок, способы, сроки осуществления субъективных прав и обязанностей; субъект-правоприменитель, стадии и сроки правоприменительного процесса [10, с. 8].

Субъекты, осуществляющие правотворческую деятельность, также разрабатывают собственные или заимствуют из правовых систем других государств методики определения эффективности правового регулирования. Например, Министерство экономического развития РФ 27 мая 2013 г. утвердило Методику оценки регулирующего воздействия [11]. Оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов осуществляется в целях обоснованного выбора способа правового регулирования общественных отношений на основе анализа альтернативных вариантов и возможных положительных и (или) отрицательных последствий введения такого регулирования, а также обеспечения возможности учета мнений лиц, интересы которых затрагиваются предлагаемым правовым регулированием (п. 1.2. Методики). Должно быть обеспечено предоставление объективной информации о существующей проблеме и возможных способах ее решения, в том числе путем введения нового правового регулирования, всем заинтересованным лицам (п. 1.3. Методики). Разработчик проекта обязан представить качественные и количественные параметры, характеризующие результат введения указанного регулирования (п. 3.6.1. Методики). В Методике прямо подчеркивается необходимость соответствия заявленной цели правового регулирования характеру той социальной проблемы, на разрешение которой направлено принятие нормативно-правового акта, а также предусматриваются требования к формулированию цели правового регулирования (конкретность, исключая размытые формулировки; понятность; недопустимость неоднозначного

толкования прогнозируемых результатов; измеримость степени достижения цели; необходимость наличия четких сроков достижения цели и выполнения отдельных этапов реализации (если они присутствуют), имеющих свои промежуточные результаты.

Минусами названной Методики являются, с одной стороны, использование авторами Методики не результативного или целевого подходов к анализу эффективности правового регулирования, поддерживаемого большинством ученых-юристов, а экономического, с другой стороны, распространение положений Методики только на те общественные отношения, которые связаны с предпринимательской деятельностью. В п. 3.7.2. Методики говорится, что «выбор наилучшего из возможных способов регулирования осуществляется разработчиком на основе сопоставления суммарных выгод и издержек потенциальных адресатов разрабатываемого правового регулирования, а также оценки соответствующих расходов (возможных поступлений) бюджетов бюджетной системы Российской Федерации». И только при отсутствии возможности произвести сопоставление возможных способов регулирования на основе сравнения выгод и издержек каждого из таких способов, разработчиком должны быть приведены иные обоснования, доказывающие сравнительные преимущества выбранного способа. Это демонстрирует, что разработчик данной Методики придерживается не правового, а экономического взгляда на вопросы эффективности правового регулирования, используя не общепризнанную в юридической науке формулу эффективности, подразумевающую отношение цели к результату правового регулирования, а формулу экономической эффективности, рассматриваемой как отношение результата к затратам.

Помимо отмеченных недостатков Методики оценки регулирующего воздействия, основ-

ная проблема всех методик расчета эффективности правового регулирования состоит в многообразии отношений, являющихся предметом правового регулирования, в невозможности учесть все последствия действия элементов механизма правового регулирования, а главное – в сложности перевода языка права в абсолютные количественные величины, необходимые для проведения точных математических расчетов. Как гласит крылатое выражение, вложенное в уста Сальери А.С. Пушкиным, невозможно «поверить алгеброй гармонию», сложно в математических формулах выразить степень гармонизации, упорядочения общественных отношений с помощью правовых средств.

Но поскольку на сегодняшнем этапе развития общества проблема оценки эффективности правового регулирования стоит достаточно остро, ученые-правоведы должны приложить все возможные усилия для ее успешного решения, несмотря на все указанные выше трудности. Юридическая наука призвана не только выработать понятие оценки эффективности правового регулирования, охарактеризовав ее как осуществляемую в особом порядке деятельность субъектов права, направленную на сравнение результатов правового регулирования с признаками, используемыми в качестве критериев эффективности правового регулирования, в которых отражаются цели и принципы правового регулирования, но и выработать показатели и критерии эффективности правового регулирования, проанализировать внешние и внутренние условия эффективности правового регулирования, оценить правовые риски, изучить различные методико-технологические аспекты оценки эффективности правового регулирования и предложить конкретные технологические схемы оценки эффективности правового регулирования, наиболее адекватно отражающие особенности права как социального регулятора.

Литература

1. Архипов С.И. Кризис идеи правового прогресса // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2020. № 3.
2. Глазырин В.В. и др. Эффективность правовых норм. М., 1980.

Bibliography

1. Arkhipov S. I. The crisis of the idea of legal progress // Electronic appendix to the Russian Legal Journal. 2020. № 3.
2. Glazyrin V.V. et al. The effectiveness of legal norms. Moscow, 1980.

3. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М., 1993.
4. Шагеев Д.А. Методика разработки согласованных управленческих решений для выбора эффективных проектов. Часть 1 // Вестник ЮУрГУ. Экономика и менеджмент. 2019. № 2.
5. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2018 г. № 49 (часть VI).
6. Постановление Правительства РФ от 22 февраля 2020 г. № 200 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 ноября 2018 г. № 1415» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 марта 2020 г. № 9.
7. Сырых В.М. Методические основы изучения эффективности правовых норм // Социология права: учебное пособие. М., 2001.
8. Оносов Ю.В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.
9. Рыбаков В.А. Критерии определения эффективности права // Правоприменение. 2019. № 2.
10. Осипов М.Ю. Эффективность правового регулирования: понятие, виды, методика оценивания // Современное право. 2010. № 5.
11. Приказ Министерства экономического развития РФ от 27 мая 2013 г. № 290 «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия» // Российская газета от 21 августа 2013 г. № 184.
3. Saati T. Decision-making. Method of analysis of hierarchies. Moscow, 1993.
4. Shageev D.A. Methodology for the development of coordinated management decisions for the selection of effective projects. Part 1 // Bulletin of SUSU. Economics and Management. 2019. № 2.
5. Decree of the government of the Russian Federation of November 26, 2018 № 1415 «On the experiment at the experimental operation on the roads of General use of highly automated vehicles» // Meeting of the legislation of the Russian Federation of December 3, 2018 № 49 (part VI).
6. The RF Government decree of 22 February 2020, № 200 «On amendments to the decree of the Government of the Russian Federation of November 26, 2018 № 1415» // Meeting of the legislation of the Russian Federation of 2 March 2020, № 9.
7. Strykh V.M. Methodological bases for studying the effectiveness of legal norms // Sociology of Law: a textbook. Moscow, 2001.
8. Onosov Yu.V. Dialectics of the ratio of social and legal effectiveness of legal regulation: dis. ... PhD in Law. N. Novgorod, 2011.
9. Rybakov V.A. Criteria for determining the effectiveness of law // Law enforcement. 2019. № 2.
10. Osipov M.Yu. The effectiveness of legal regulation: the concept, types, methods of evaluation // Modern law. 2010. № 5.
11. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation № 290 of May 27, 2013 «On approval of the form of the consolidated report on the regulatory impact assessment, the form of the conclusion on the regulatory impact assessment, the methodology for assessing the regulatory impact» // Rossiyskaya Gazeta of August 21, 2013. № 184.

Грипич Сергей Анатольевич
Gripich Sergey Anatolyevich

адвокат, руководитель отдела уголовной практики ассоциации коллегии адвокатов г. Москвы «Грифон»
кандидат юридических наук.

Lawyer, Head of the Criminal Practice Department of the Lawyers Association «Grifon», Moscow, PhD in Law.
E-mail: sergeoo@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИОННОГО ПРАВОВОГО ЦИКЛА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Prospects for the formation of the digitalization legal cycle in Russian Law

В статье проводится анализ развития процесса информатизации в российском праве с выделением особенностей, актуальных проблем и перспектив. Особое внимание уделено информационному праву как особой отрасли права. Выделены подходы ученых и исследователей к вопросам внедрения цифровых технологий в правовую сферу. Отмечена роль цифровизации в сфере правового мониторинга, и ее способность подвергать право трансформациям в соответствии с новыми реалиями.

Ключевые слова: цифровые технологии, правовое регулирование, цифровизация, государственное управление, «циклические правовые массивы», база знаний, цифровая экономика.

This paper analyzes the development of the informatization process in Russian law, highlighting the features, actual problems and prospects. Particular attention is paid to the information law as being a special branch of law. The approaches of scientists and researchers to the introduction of digital technologies in the legal sphere are highlighted. The role of digitalization in the field of legal monitoring is noted, and, in general, its ability to subject the law to transformation in accordance with new realities.

Keywords: digital technologies, legal regulation, digitalization, public administration, «cyclical legal arrays», knowledge base, digital economy.

Эксперты отмечают в качестве одного из ключевых направлений вопросы правового регулирования общественных отношений в информационной сфере [1]. Подобные отношения формируются в сфере общественно-производственных процессов и обеспечения процесса информатизации законодательной системы государства. Большинство общественно-производственных отношений имеют информационную составляющую, что обуславливает комплексность данного направления.

Наряду с этим, выявление информационных взаимодействий, которые являются как способом реализации задач, так и результатом конкретной деятельности, представляется затруднительным. Правовое регулирование общественных взаимодействий в информационной сфере составляет предмет отдельной отрасли права – информационного права. В рамках данной отрасли стоит выделить работы таких специалистов, как Б.Н. Топорнин, Ю.М. Батулин, И.Л. Бачило, А.Б. Венгеров, В.А. Копылов и др. Наблюдается потребность в обобщении, систе-

матизации и развитии исследований в данном направлении.

Отрасль информационного права начала возникать в конце XX века в период нарастающего значения информации в эпоху постиндустриального общества, сопровождавшегося информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ), а также появления первых массовых компьютеров, способных быстро обрабатывать информацию. Возникновение в данных условиях различных общественных отношений с использованием информационных технологий обусловило введение правового регулирования для обеспечения их безопасности и надежности, а также обеспечения должного контроля со стороны государства.

В начале нового тысячелетия лидеры стран «Большой восьмерки» приняли Окинавскую Хартию глобального информационного общества» (г. Окинава, Япония, 22.07.2000), в которой они единогласно признают появление нового типа общества – информационного, а также определяют направления действий по обеспечению координации между собой в вопросах

внедрения и последующего пользования ИКТ в различных сферах. Особое внимание главы государств здесь уделили организационно-правовому обеспечению (далее – ОПО).

На сегодняшний день в данной сфере наиболее значимыми проблемами являются: наличие конфликта общественных и частных интересов, правовое регулирование СМИ, а также информационная безопасность. Возрастает актуальность проблемы регулирования правоотношений в сфере компьютерной информации и электронного документооборота.

В 2006 создана российская государственная автоматизированная система (ГАС) «Правосудие» [2]. Она представляет собой информационно-правовую систему единого информационного пространства на всей территории России с информационно-аналитической поддержкой правоприменительной практики страны. Ключевой основой данной системы является баланс информационных потребностей граждан, общества и государства, т.е. компромисс между свободой обмена информацией и его ограничениями в целях поддержания безопасности.

Созданы также правительственные сетевые инфраструктуры в России [3], в рамках которой каждое ведомство и орган власти располагает Интернет-сайты, на которых размещена информация об их государственной деятельности.

Тем не менее, остается актуальной необходимость исследования юридических предпосылок и особенностей правоотношений в сфере информатизации. Внимания требуют аспекты теоретико-информационного характера и информационного права в целом, а также правовые аспекты информологии (основы информатизации) правоохранительной системы страны.

Данные исследования обусловлены необходимостью определения как предмета информационного права, так и его места в системе права. Наряду с этим, важно объективно оценить современное состояние развития информационно-правового знания и его влияние на системологию соответствующих правоотношений и законодательства как в России, так и за рубежом.

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор подвергают сомнению устойчивость права к изменениям, связанным с цифровизацией и приводит пример Национальной программы «Цифровая экономика». Анализ, проведенный учеными, наряду с другими специалистами выявил, что

право начинает играть преимущественно роль средства вместо предмета цифровизации. Это связано с традиционным набором инструментов, указанных в Программе, присущих для предшествовавшей цифровизации эпохи: принятие нормативно-правовых актов, правовых понятий, институтов, технических регламентов и пр. Из новых инструментов в Программе выделены лишь цифровое закрепление определенных юридических фактов и оценка нормативно-правовых актов с технологической точки зрения. Таким образом в ней не содержится должного внимания вопросам «оцифровки» права [4].

Вместе с тем цифровые технологии позволяют проводить регулярный правовой мониторинг [5–8] и, в целом, трансформируют нормативно-правовую структуру государства, оказывая влияние на управленческие функции и их эффективность, предоставляют возможности либо препятствия тем или иным изменениям социальной реальности [9]. Активно идет процесс формирования нормативно-правового массива, который представляет собой устойчивую основу информатизации российского общества и развития информационных технологий [10–13]. Д.Е. Петрова в своих работах освещает вопросы генезиса подобных процессов и роль формирующейся нормативно-правовой основы процессов цифровизации в общей системе права [14].

Исследование развития как российского, так и зарубежного права позволяет выявить так называемые «циклические правовые массивы», которые характеризуются сквозным внедрением в систему права, без привычных моделей обособленного оформления в виде самостоятельной отрасли права. В результате происходит переход права к вопросам удовлетворения социальных потребностей, формирующих правовые нормы, которые, в свою очередь становятся базой для создания «циклических соединений в праве». В то же время укрепление таких мер, как противодействие коррупции и финансовый контроль станет примером формирования новой отрасли права.

Научное сообщество заявляет о необходимости ревизии традиционных теоретических положений, характеризующих правовую систему [15]. Процессы «цифровизации» ограничивают возможности государств регулировать общественные отношения самостоятельно, что заставляет

задуматься о вопросах роста актуальности международного права в сфере цифровизации.

Ранее упомянутая Программа развития цифровой экономики предполагает принятие множества национальных правовых стандартов, однако генезис цифровизации правовой среды в соотношении с другими правовыми явлениями остается не выясненным. Так, уже разработаны антикоррупционные стандарты [16], стандартов правосудия [17] и др. Остается расширить данную практику далее в направлении общей теории права.

Стоит отметить, что в рамках виртуального пространства распространено явление «актуальной версии» нормативно-правового акта, которая отсутствует в традиционных правовых системах реального мира и представляет собой прообраз цифровой модели, которая возникнет в ближайшем будущем. Суть данного явления состоит в том, что оно основывается на базе данных, в то время как ее последующий цифровой формат предполагает более широкую информацию, характеризующейся систематизированностью и адаптированностью для автоматизированного использования. Более того, цифровая модель призвана быть способной самостоятельно осуществлять интерпретацию правовых положений, создавать правовые решения для упрощения и повышения эффективности процесса управления и др.

Применение практики юридической техники электронного документа также является примером включения цифровых технологий в правовую систему. Так, в рамках ранее указанной Программы предусмотрено использование трудовых договоров в цифровой форме, основывающихся на соответствующих юридико-технических правилах. Это также позволит обеспечить принятие нормативно-правовых актов более высокого качества, чем с применением традиционных методов их составления, т.к. цифровые технологии способны проводить сбор и анализ более широкого набора данных и информации за значительно более короткое время, что естественно сказывается на качестве. В качестве методов в данном вопросе применяют ранее упомянутый правовой мониторинг, юридическое моделирование и прогнозирование, проектирование юридических документов и нормативно-правовых норм, их экспертную оценку, анализ регули-

рующего воздействия и пр. Таким образом, помимо обеспечения более качественного продукта нормотворческой деятельности, это позволит значительно снизить нагрузку на правотворческие органы и существенно ограничить издержки.

Выделяют следующие проблемы цифровизации в сфере правовых отношений:

- разграничение и определение виртуального и реального в праве, совершенствование методологии, дополнение новыми технологиями;
- определение особенностей влияния цифровых технологий на правовую сферу;
- исследование генезиса «циклических правовых массивов» и его влияния на право и правоприменительную практику, для оценки допустимых границ трансформации универсальных правовых инструментов в рамках цифровизации;
- прогнозирование роли государства в регулировании цифровизации, дополнение в системы социальных норм новыми нормативно-правовыми элементами;
- формирование стратегии и юридического инструментария управления трансформациями в сфере права под влиянием цифровизации;
- создание новых проактивных концепций в правовые регулирования общественных отношений в сфере цифровизации;
- формирование методов правового регулирования с использованием цифровых технологий и др.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что многочисленными исследованиями российских специалистов в сфере права установлено появление принципиально новой отрасли – информационного права. Данная отрасль призвана регулировать отношения в информационной сфере общественно-производственной деятельности. Основными проблемами в сфере информационного права среди прочих являются разрешение конфликтов между государственными и частными интересами, обеспечения информационной безопасности, проблема «легитимизации» электронного документооборота и т.п. Нерешенным также остается вопрос уточнения и определения предмета информационного права. Постепенно формируется и расширяется нормативный массив, образующий правовую основу информатизации российского общества. Выявлено также проведение процесса циклизации правовых

положений, затрагивающего все элементы системы права и направленного на решение социальных задач. Примером тому является законодательство по противодействию коррупции. В настоящее время наблюдается формирование цифровизационного цикла, охватывающего все, без исключения, циклы права. Его формирование сопровождается реализацией IV-й кибернетической революции, начавшейся еще в середине 1950х годов и которая продолжится, по-видимому, до середины XXI века.

Основу цифровизационного цикла в России должно составлять административное законодательство, которое будет обеспечивать консолидацию усилий по повышению эффективности государственного управления и, как следствие, повышения качества жизни граждан России. В то же время в качестве основы цифровизационной составляющей административного законодательства должны стать: Федеральные законы об информации, о статистическом учете, о стратегическом планировании, о разграничении полномочий между федеральными и региональными органами власти, о науке, научно-технической и инновационной политике, о Российской академии наук, Об образовании, а также законодательные акты, касающиеся устойчивого развития России.

Литература

1. Ловцов Д.А. Системология правового регулирования информационных отношений в инфосфере. М., 2016. .
2. Федеральная целевая программа (ФЦП) «Развитие судебной системы России (2002–2006 гг.)», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 20 ноября 2001 г. № 805.
3. Федеральная целевая программа (ФЦП) «Электронная Россия (2002–2010 гг.)», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65.
4. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Государство и право в современном мире: проблемы теории и истории. Журнал российского права. 2018. № 1.
5. Тихомиров Ю.А. Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. 2006. № 10.
6. Горохов Д.Б., Спектор Е.И., Глазкова М.Е. Правовой мониторинг: концепция и ор-

Таким образом, цифровизация как глобальный процесс наиболее ярко характеризует текущую стадию глобального развития. Она, как и все глобальные социоприродные процессы, несет в себе как возможности, так и проблемы, которые могут приводить к крупным социоприродным катаклизмам и даже катастрофам. Внедрение цифровых технологий в государственное управление является неизбежным и естественно обусловленным процессом, регулирование которого возможно по трем основным сценариям:

- 1) нормативно-правовое закрепление сложившихся или складывающихся естественным образом отношений;
- 2) закрепление успешных действующих моделей применения цифровых технологий в российском законодательстве, с небольшим опережением тактического характера;
- 3) формирование системы нормативно-правового регулирования, опережающе действующего на развитие и внедрение цифровых технологий в государственном управлении.

Все три подхода позволят обеспечить приоритетное использование цифровых технологий в стратегическом планировании как важнейшей сфере государственной деятельности.

Bibliography

1. Lovtsov D.A. Systemology of legal regulation of information relations in the infosphere. Moscow, 2016.
2. Federal target program (FTP) «Development of the judicial system of Russia (2002–2006)», approved by RF Government Decree of 20 November 2001, № 805.
3. Federal target program (FTP) «Electronic Russia (2002–2010)», approved by RF Government Decree of 28 January 2002, № 65.
4. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the digital reality // State and Law in the Modern World: problems of theory and history. Journal of Russian Law. 2018. № 1.
5. Tikhomirov Yu.A. Organization and conduct of legal monitoring // Pravo i ekonomika. 2006. № 10.
6. Gorokhov D.B., Spektor E.I., Glazkova M.E. Legal monitoring: Concept and organization // Journal of Russian Law. 2007. № 5.
7. Gorokhov D.B., Glazkova M.E. Organiza-

ганизация // Журнал российского права. 2007. № 5.

7. Горохов Д.Б., Глазкова М.Е. Организация правового мониторинга в системе федеральных органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2008. № 4.

8. Тихомиров Ю.А., Горохов Д.Б. Правовой мониторинг: научно-практическое пособие. М., 2009.

9. Власова Н.В., Грачева С.А., Мещерякова М.А. Правовое пространство и человек: монография. М., 2012.

10. Окинавская Хартия глобального информационного общества (принята на о. Окинава 22 июля 2000 г.) // Дипломатический вестник. 2000. № 8.

11. Договор о Евразийском экономическом союзе. Астана, 29 мая 2014 г.

12. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»

13. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

14. Петров Д.Е. Система права // Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты. М., 2017.

15. Радько Т.Н., Головина А.А. Современная системно-правовая теория: новый этап развития или методологический кризис // Государство и право. 2017. № 2.

16. Хабриева Т.Я. Коррупция: природа, проявления, противодействие. М., 2012.

17. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М., 2012.

tion of legal monitoring in the system of federal executive authorities // Journal of Russian Law. 2008. № 4.

8. Tikhomirov Yu.A., Gorokhov D.B. Legal monitoring: a scientific and practical guide. Moscow, 2009.

9. Vlasova N.V., Gracheva S.A., Meshcheryakova M.A. Legal space and man: monograph. Moscow, 2012.

10. The Okinawa Charter for the Global Information Society (adopted on fr. Okinawa July 22, 2000) // Diplomatic Bulletin. 2000. № 8.

11. Treaty on the Eurasian Economic Union. Astana, May 29, 2014.

12. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006 «On Information, Information Technologies and Information Protection».

13. Federal Law No. 161-FZ of June 27, 2011 «On the National Payment System».

14. Petrov D.E. System of law // Branches of legislation and branches of law of the Russian Federation: general theoretical, intersectoral, branch and historical and legal aspects. Moscow, 2017.

15. Radko T.N., Golovina A.A. Modern system-legal theory: a new stage of development or methodological crisis. 2017. № 2.

16. Khabrieva T.Ya. Corruption: nature, manifestations, counteraction. Moscow, 2012.

17. Glazkova M.E. Application of European standards of administration of justice in the Russian arbitration process: monograph. Moscow, 2012.

Ладенков Никита Евгеньевич
Ladenkov Nikita Evgenievich

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Международного банковского института имени А. Собчака, аспирант Северо-Западного института управления – филиал РАНХиГС.

Senior Lecturer, the Department of Humanitarian and Social Disciplines, International Banking Institute named after A. Sobchak, Postgraduate Student, the North-West Institute of Management – RANEP Branch.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Transformation of the legal system under the influence of digitalization: causes and trends

В статье рассматриваются основные причины и тенденции изменения правовой системы под влиянием цифровизации. Отмечается зависимость изменений в правовой системе от появления новых общественных институтов и общественных отношений. Основы современной цифровизации права появились вне рамок юридических сообществ, а в технологических и экономических плоскостях. Существующие институты права по-прежнему основываются на римском праве, однако рекомбинация традиционных институтов не позволяет разрешить застаревшие проблемы и эффективно урегулировать отношения, происходящие в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация, правовая система, традиционное регулирование, институты, общественные отношения.

The article provides the main causes and trends of changing the legal system under the influence of digitalization. The dependence of changes in the legal system on the emergence of new public institutions and public relations is noted. Existing institutions of law are still based on Roman law, however, recombination allows not to solve problems and effectively resolve relationships that occur in the digital environment.

Keywords: digitalization, legal system, traditional regulation, institutions, public relations.

Современные цифровые технологии уже затронули почти все сферы жизнедеятельности общества. Не осталось в стороне и право. Цифровизация развивает право, давая ему новые формы и источники, что привносит нечто новое во всю систему. Оно становится не только средством, инструментом, обеспечивающим цифровизацию экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия цифровизации, в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций [1, с. 85].

В настоящее время многие общественные отношения базируются на подобных цифровых технологиях. Все популярнее становится создание новой реальности, не имеющей аналогов в современном мире, – цифровой экономики, криптовалют и т.д. [2, с. 18]. Данные

технологии уже попали в поле зрения законодателей различных стран. Однако принятое законодательство в основном не учитывает специфику новых технологий и создает недостаточно эффективное регулирование. Корень проблемы кроется не в законодательных актах, а в самом праве. Существующие институты в полной мере не справляются с новыми вызовами.

Однако фундаментальные изменения в праве не происходят за один день. Уже произошедшие изменения, вызванные цифровизацией, можно назвать лишь первым этапом трансформации. Соответствующая поэтапная трансформация, по всей видимости, приведет к существенному преображению образа и содержания права. Данная трансформация основана на изменении взглядов на соотношение техники и человека, а также изменении повседневного уклада жизни.

Появление нового виртуального пространства видоизменяет и человеческие отношения, человек начинает вступать во взаимоотношения с нечеловеческими сущностями. В социальные взаимоотношения начинают входить явления, которые с точки зрения классической юриспруденции, относятся к объектам, а не к субъектам. Такие явления представляют из себя «искусственные личности», которые показывают ряд признаков, присущих личности человека. Наибольшую юридическую значимость имеют признаки сознания и воли. Так, Г.А. Гаджиев отмечает, что при наличии сознания и воли в их юридической, а не психологической интерпретации, роботов можно признать квазисубъектами права [3, с. 24].

Таким образом, требуется доктринальное осмысление соотношения права и цифровых технологий. Новейшие правовые явления, использующие цифровые технологии, полностью не укладываются в существующие систематики. Что приводит к появлению множества норм на разных уровнях регулирования и в разных нормативных актах. Такая ситуация создает противоречия в регулировании, которые, стоит отметить, на данный момент незначительны. Происходит смешение предметов регулирования различных отраслей права в одном нормативном акте. Данная ситуация создает потребность в инкорпорации законодательных норм и перестроении соотношения системы права. Уже на данный момент многие отрасли права стремятся к интеграции, что высвобождает место новым образованиям специализированного и локального характера мультирегулятивной природы. Нормативная система стремится к большей универсальности и субсидиарности правовых комплексов на основе определенных принципов [4, с. 12]. Как отмечает Н.М. Коршунов, конвергенция частного и публичного права, которую мы наблюдаем уже сегодня, усилится вплоть до полного стирания различий между ними [5].

В юридической науке уже выделяют институт как объект права, который состоит из материальных и нематериальных элементов, а также поведенческих. По сути такой институт можно определить, как технологию. Зачастую современные технологии способны вступать во взаимоотношения с человеком. Таким образом, объекты права начинают проявлять признаки субъектов права. Что свидетельствует о

переходе правовой системы от человекацентризма к гибридным сущностям.

Правовая система изменяется вместе с повседневной жизнью, что делает ее более гибкой чем система права. Чем больше цифровые технологии интегрируются в повседневную жизнь, тем больше изменяется правовая система, постепенно подтягивая за собой систему права.

Можно пронаблюдать, что на практике такие противоречия зачастую преодолеваются через саморегулирование на локальном уровне. Данный факт свидетельствует о несоответствии реальных общественных отношений централизованному регулированию. Накопление таких конфликтов регулирования без сомнения приведет к множеству коллизий и в определенной степени дестабилизации правовой системы.

На протяжении истории развития человечества такие ситуации неоднократно разрешались с помощью социальных революций, например, XVII–XVIII вв. Однако они могут быть преодолены и посредством иных процессов, в частности перестройки технологической основы общественных отношений. Конечно такой путь также нельзя назвать бесконфликтным. Неизбежны противоречия и столкновения интересов.

Стоит понимать, что резкая перестройка правовой системы невозможна. Она вероятно растянется на многие годы и будет проходить через различные этапы, в том числе и промежуточные. По всей видимости, конечным пунктом назначения выступает индивидуализация права. Такая правовая модель предполагает расширение возможностей влияния индивида на правовую систему. В этом отношении индивидуализм цифровых транзакций выступает закономерным элементом коллективистского технологического и социального устройства общества [4, с. 15]. Речь идет о новых границах свободы, выходе за пределы возможностей римского права. Конечно подразумевается не римское право в его историческом воплощении, а возрожденное в Средневековье римское право, обросшее с тех пор множеством новых традиций и институтов, что на протяжении веков позволяла полностью удовлетворять потребности в правовом регулировании. Правопорядок построенный на таком праве использует комбинации традиционных

институтов, аналогий и ассимиляций, что предоставляет огромные возможности для регулирования различных общественных отношений.

Несмотря на практически безграничные пределы таких возможностей, традиционный правопорядок уже не в полной мере справляется с возложенными на него задачами. Появляются общественные отношения, которые за счет новейших цифровых технологий, выходят за пределы привычной реальности. Нет ничего удивительного в том, что их становится невозможным в полной мере урегулировать с помощью рекомбинаций классических институтов и методов, из-за того, что к ним неприменимы многие традиционные категории, например, пространство и время.

Для решения данной проблемы необходимо пересмотреть классические правовые традиции. Однако это не означает, что от них нужно полностью отказаться. Требуется расширение методологии регулирования и создание альтернативных юридических конструкций или значительная модификация классических. На данный момент кажется невероятным отход от таких устоявшихся конструкций как договор, деликт, субъект, ответственность и других, так как они обладают колоссальной социальной обоснованностью и устойчивостью, близкой к вечности. На их основе стоит современное регулирование отношений базирующихся на применении новейших цифровых технологий, что обычно не позволяет раскрыть их потенциал в полной мере. Поэтому предстоит во многом заново определить понятия и категории права, связи его институтов, модели квазисубъектов, построить иную систему правовых взаимодействий, представительства применительно к новому правовому пространству и времени [4, с. 15].

Одним из таких направлений может выступать пересмотр источников права. Так, по мнению Д. Хоуса, нужно перестать рассматривать закон как ограниченный текст; скорее он является «системой доставки информации» [6]. Согласно данной точке зрения у закона должен быть намного более диспозитивный характер, чем сейчас. Он должен предоставлять субъектам альтернативные нормы, регулирующие правоотношение. Таким образом, может быть достигнута не только индивидуализация содержания правоотношения, но и индивидуализация правоприменения. Что приведет к из-

менению самой юридической природы закона. Конечно можно возразить, что такой источник права уже будет представлять нечто новое, требующее дополнить классификацию источников права.

Появление подобного источника права поставит вопрос о появлении новой формы правопорядка – индивидуальной в противовес национальной. Стоит отметить, что для таких кардинальных изменений недостаточно появления только нового вида источника права. Потребуется также изменения и в других элементах правовой системы, на основе последних технологических достижений. На данный момент их использование фактически не попадает в сферу правового регулирования или используются нормы и институты плохо приспособленные для регулирования соответствующих отношений. Тем не менее соответствующие технологии уже доказали свою эффективность в экономических отношениях. Прежде всего речь идет о технологиях построенных на основе блокчейн. В пользу этой точки зрения говорят появление и активное развитие таких механизмов, которые не предусмотрены действующими правовыми нормами, фактически не попадают в сферу правового регулирования, но позволяют участникам экономических отношений успешно взаимодействовать в виртуальном пространстве [7, с. 201].

Новая модель правовой системы не может возникнуть сама по себе, как не возникла и современная. Римское право формировалось на основании деятельности жрецов, преторов и эдилов, которых едва ли можно назвать юристами в современном понимании этого слова. Римское право первоначально было набором преторских эдиктов и лишь впоследствии, в Средние века и Новое время, регенерировало свою теорию [4, с. 15]. Также и основы современной цифровизации права появились вне рамок юридических сообществ, а в технологических и экономических плоскостях. Развитие этих основ уже происходит в академической юридической среде и правоприменительной деятельности взаимодополняя друг друга. Основной движущей силой выступают специалисты совмещающий юридические знания со свободным технологическим мышлением.

Без теоретического осмысления происходящих процессов и изменения правовой парадигмы, происходящие процессы могут стать

неконтролируемыми и привести к деструктивным результатам для общества несмотря на все усилия законодателя по регулированию соответствующих институтов. Достижение по-настоящему полезного эффекта от внедрения цифровых технологий правовую среду может быть достигнуто только через дополнение правовой системы новыми элементами, не имеющими аналогов, а не адаптации и незначительного видоизменения уже существующих. Ведомства, играющие сейчас основную роль в создании нормативного цифрового порядка, делают важную работу, но в стратегическом отношении бесплодны, так как действуют в рамках уже известных моделей регулирования [4, с. 16]. Для изменения модели перед фундаментальной юридической наукой должна стоять задача разработки новых понятий и категорий, без отвлечения на сиюминутные веяния нормативного регулирования. Современному праву не хватает понимания технологических процессов и их связи с общественными отношениями.

На основе таких понятий и категорий будет возможно разработать новые методологические идеи способные разрешить накопившиеся юридические проблемы. В качестве такой новой методологии высказывается идея цифрового права – не как регулирование цифровых технологий, а как новая правовая методология правообразования и правореализации.

Основные категории права так или иначе видоизменялись в рамках социальных революций XVII, XVIII и XX вв. В свое время они обладали новаторским характером, однако в современной действительности он уже утрачен. Кроме того, некоторые идеи и концепции были скомпрометированы при практической реализации.

В основных сферах правового регулирования право исчерпало свой потенциал. Экономика, управление и политика не могут быть в полной мере удовлетворены существующими моделями регулирования. О чем свидетельствуют регулярно появляющиеся проекты поправок к законодательству призванные внедрить в систему регулирования новые ранее неизвестные институты, такие как блокчейн, криптовалюты и т.п. Правовое регулирование переживает кризис, суть которого обозначил В.Д. Зорькин: «...Право, на которое мы все привыкли рассчитывать, теряет свой регулятивный

потенциал, а правовые конструкции утрачивают былую прочность и надежность» [8, с. 8].

Конечно видится практически невозможным изменить укоренившиеся профессиональные взгляды на право в краткосрочной перспективе. На данный момент речь в большей степени идет о их дополнении нежели изменении. Однако на протяжении развития человеческой цивилизации уже не раз наблюдались смены правовой парадигмы. Так, например, право рассматривалось как привилегия, а затем переродилось в меру равенства. Римское право рассматривало состояние рабства как нечто естественное, современные представления о праве напротив рассматривает рабство как нечто противоречащее самим основам права. Корни такого изменения парадигмы зародились не самом праве, а в иных сферах общественной жизни, в особенности экономики. Прежде всего, рабовладение стало экономически нецелесообразным.

В определенной степени в современном мире происходят аналогические процессы. Новейшие цифровые технологии зачастую имеют больший экономический потенциал, но они не вписываются в действующую правовую парадигму, несмотря на многообразие представленных взглядов и институтов. Как уже указывалось выше, существующие институты представляют собой лишь рекомбинацию институтов возрожденного римского права.

Современная регуляторная практика уже накопила огромное множество квазиправа, различных экономических и политических нормативов, обеспеченных силой государственного принуждения. На практике такие нормативы рассматриваются в качестве права на основании формальных критериев. По средствам новейших цифровых технологий такое квазиправо может быть переработано в полноценное право. В рамках данной переработки возможно технологически разрешить застарелые юридические проблемы: коррупция, неравенство, дискриминация, неэффективность, пробельность и т.п. Таким образом, изменение модели правовой системы предопределяется не технологиями, а накопившимися проблемами. Цифровые технологии лишь дают средства для их решения.

Отчасти данные проблемы не были разрешены до сих пор из-за практической сложности их решения ввиду отсутствия действенных

механизма. Но в основном из-за инерции правовой традиции. Как указывалось выше, для повеления новых правовых институтов необходимо укоренение новых общественных институтов в повседневной жизни.

Представим, что все сложилось таким образом, что право успешно прошло процесс цифровизации и в правовой системе появилось множество новых институтов, не имеющих традиционных аналогов. Сохранится ли традиционное право? Ответ на данный вопрос будет утвердительным. Дело в том, что привычные нам общественные отношения никуда не исчезнут даже при значительной цифровизации общества. Человек непосредственно привязан к материальному миру и

современный уровень развития науки и техники не дает нам оснований полагать, что ситуация изменится. Таким образом, нам по-прежнему будет необходимо традиционное право для регулирования традиционных общественных отношений. Однако для новых типов общественных отношений, протекающих в цифровой среде, потребуется новая методология регулирования. По сути речь идет о появлении двух параллельно существующих правовых систем, точнее подсистем новой модели правовой системы. С одной стороны, традиционное право для традиционных общественных отношений, с другой, «цифровое» право для новых типов общественных отношений.

Литература

1. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253).
2. Шабаева О.А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы // Сибирский юридический вестник. 2019. № 1.
3. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики // Журнал российского права. 2018. № 1 (253).
4. Синюков В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. № 9 (154).
5. Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М., 2011.
6. Howes D. e-Legislation: Law-Making in the Digital Age, 2001. URL: <http://lawjournal.mcgill.ca/userfiles/other/7513733-47.1.Howes.pdf>.
7. Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2019. № 2.
8. Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.

Bibliography

1. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the conditions of digital reality. 2018. № 1 (253).
2. Shabaeva O.A. Law in the conditions of digital reality: problem statement. 2019. № 1.
3. Gadzhiev G.A. Is a robot agent a person? Search for legal forms for regulating the digital economy // Journal of Russian Law. 2018. № 1 (253).
4. Sinyukov V.N. Digital law and problems of stage transformation of the Russian legal system // Lex Russica. 2019. № 9 (154).
5. Korshunov N.M. Convergence of private and public law: Problems of theory and practice. Moscow, 2011.
6. Howes D. e-Legislation: Law-Making in the Digital Age, 2001. URL: <http://lawjournal.mcgill.ca/userfiles/other/7513733-47.1.Howes.pdf>.
7. Zaloilo M.V., Pashentsev D.A. National law and order of Russia in the conditions of digitalization. Series 14. Right. 2019. № 2.
8. Zorkin V.D. Law against chaos. 2nd ed., rev. and sup. Moscow, 2018.

Ишигеев Владимир Степанович
Ishigeev Vladimir Stepanovich

профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия.

Professor, the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, the Baikal State University, Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of Republic of Buryatia.

Исакова Евгения Александровна
Isakova Eugenia Aleksandrovna

адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России.

Adjunct, the East-Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
E-mail: maryutina_9090@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВА И СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ**

**The influence of art and media on the formation of the legal consciousness
of police officers**

В данной статье рассматривается искусство и средства массовой информации как факторы влияния на профессиональное правосознание сотрудников, проявляющихся в отношении к праву, которое определяется системой ценностных ориентаций и установок и формируется в профессиональной правоприменительной административной деятельности, а также играют роль регулятора поведения сотрудников полиции как субъектов правоохранительной функции государства.

Ключевые слова: правосознание, сотрудник органов внутренних дел, профессиональное правосознание, правовое воспитание, искусство, средства массовой информации.

This paper examines art and media (hereinafter referred to as the media), as factors of influence on the professional legal consciousness of employees manifested in relation to law, which is determined by the system of value orientations and attitudes and is formed in professional law enforcement administrative activities, and also plays the role of a regulator of the behavior of police officers as subjects of the law enforcement function of the state.

Key words: legal consciousness, employee of internal affairs bodies, professional legal consciousness, legal education, art, mass media.

Постоянный контроль за деятельностью правоохранительных органов со стороны общественности и специализированных подразделений требуют повышения качества правосознания сотрудников полиции. По нашему мнению, изучение реального уровня правосознания сотрудников МВД должно являться одним из ключевых направлений Министерства. Ведь с решением проблем, связанных с правосознанием сотрудников, напрямую связаны задачи по укреплению законности и правопорядка, повышения эффективности и качества борьбы с преступностью. А также динамика решения указанной проблемы не может не отразиться положительно на отношении общественности к работе сотрудников системы МВД.

Современные исследования доказали, что правосознание проявляется как система отношений личности к праву. На это же указывают и некоторые исследователи-юристы. «Отношение к действующим правовым институтам представляет собой центральный элемент структуры профессионального правосознания работников органов внутренних дел» [1, с. 10].

По данным проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) исследования, доверие к сотрудникам полиции в 2019 году выразили лишь чуть больше половины респондентов (54 %), в 2018 году данный показатель составлял 57 %, а в 2017 году данный показатель составил 67 % [2]. Соответственно мы можем сделать

вывод, что уровень недоверия граждан к правоохранительным органам ежегодно только увеличивается.

Процесс формирования ценностных ориентаций и профессиональная деятельность, выполняемая сотрудником органов внутренних дел, взаимодетерминированы. Так, в контексте профессиональной деятельности, с одной стороны, отношение к праву формируется на основе системы ценностно-смысловых ориентаций сотрудника, обусловленных его прошлым опытом, а с другой стороны, сама деятельность оказывает воздействие на систему ценностных ориентаций личности сотрудника. Правовая культура является доминирующим фактором, играющим роль своеобразного «фильтра», через который пропускаются все факторы, влияющие на право и правомерное поведение [3, с. 241].

К факторам, которые оказывают значительное влияние на формирование правосознания сотрудников ОВД, относятся: социальная, среда, профессиональная деятельность, профессиональное образование СМИ и искусство (интернет, телевидение, радио, кино, литература, реклама), ведомственные средства массовой информации.

В настоящее время возникла проблема контроля за динамичностью и расширением информационной среды. Не контролируемый информационный поток не только развивает личность, но и может формировать непозитивное отношение к праву и закону [4, с. 40].

В нашем исследовании мы бы хотели уделить внимание именно искусству и средствам массовой информации, как ключевым элементам в формировании правосознания сотрудников полиции, оказывающих мощное коммуникативное влияние на аудиторию. Сегодня нельзя представить ни одну сферу нашего существования без каких-либо информационных отношений. И выражение «средства массовой информации – четвертая власть управления» как раз свидетельствует об огромном влиянии, которое оказывают СМИ на общество.

Благодаря средствам массовой информации в начале 2019 года небольшой сибирский город Тулун в Иркутской области, расположенный в предгорьях Восточных Саян, стал известен всей России. Впервые город стал известен благодаря скандальной охоте экс-губернатора Иркутской области С.Т. Левченко на

медведя и кабана в клетке, вызвавшее негодование миллионов россиян. Несмотря на то, что последний комментируя данное видео, сообщил, что охота была в ноябре 2016 года на медведя-шатуна, после неоднократно поступающих жалоб от местных жителей, в разрешенный период и после полученной лицензией. Кроме того, С.Т. Левченко неоднократно называл данное видео провокацией из-за его политических взглядов. Но несомненно, данное видео не могло не сказаться на рейтинге уже бывшего губернатора области, и уровне доверия ему граждан.

Спустя несколько месяцев вся страна вновь из средств массовой информации узнала о городе Тулуно, сильно пострадавшем от двух наводнений, в связи с чем президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин неоднократно за 2019 год побывал в вышеупомянутом городе, оказав значительную поддержку и помощь жителям Тулуна, потерявшим все имущество и жилье во время страшных наводнений.

Но при этом мало кто знает, что ранее в городе Тулуно Иркутской области проживал в качестве оперуполномоченного уголовного розыска и трудился будущий лауреат Государственной премии, известный писатель Павел Филиппович Нилин, занимавшийся борьбой с общеуголовной преступностью и бандитизмом в Тулунском и соседних районах Иркутской области.

А в 2008 году по инициативе Иркутского поэта Г. Гайды была установлена мемориальная доска в г. Тулуно, но, к сожалению, к настоящему моменту неизвестно, сохранилась ли она после наводнений 2019 года.

Служба в уголовном розыске позволила П.Ф. Нилину создать две повести – «Жестокость» и «Испытательный срок», на базе которых были созданы художественные фильмы, основанные на реальных событиях, произошедших в Иркутской области, где впервые были поставлены вопросы о высоком моральном облике сотрудников уголовного розыска.

Нельзя сказать, что в России не было книг, посвященных полицейскому сыску. Так, есть мемуары И. Путилина, А. Кошко – начальника Московского уголовного сыска. Бесконечные серии походов Ната Пинкертона, рассказы Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и другие, но писатель Павел Филиппович Нилин

в постреволюционной России является основателем нового направления в советской литературе – милицейские повести (детективы) и рассказы. Впервые в этих книгах им были выделены характерные особенности сотрудника уголовного розыска, выражающиеся в необходимости «проникать» во внутренний мир человека, оказывать непосредственное воздействие на личность и принимать участие в его судьбе.

За детективами Л. Шейнина, братьев Вайнеров, Ю. Семенова, Э. Хруцкого, Л. Словина и других в библиотеках выстраивались очереди, а в магазинах их просто было невозможно купить.

Значительную роль в формировании положительного облика «солдат правопорядка» сыграли знаменитые телефильмы: «Ко мне, Мухтар!», «Следствие ведут знатоки», «Возвращение Святого Луки», «Рожденные революцией», «Место встречи изменить нельзя» и другие.

Каждый сотрудник милиции знал героев кинофильмов и книг, посвященных нелегким трудовым будням органов внутренних дел в борьбе с преступностью. Многие молодые сотрудники милиции хотели быть похожими на Жеглова, Шарапова и других. Крылатые выражения героев книг, кинофильмов прочно вошли в обиход сотрудников милиции (полиции) до наших дней.

Известный советский и российский криминалист доктор юридических наук, профессор А.М. Ларин писал, что «книжный рынок насытился детективными сочинениями патристического толка. Сотрудники ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ и МВД изображались прекрасные душой и телом, в отличие от шпионов и вредителей» [5, с. 4]. В настоящее время во многих кинофильмах и книгах уголовники изображаются Робин Гудами, защищающими униженных и оскорбленных. В сериале «Бандитский Петербург» и в книге А. Константинова «Юность Барона» создан образ вора-рецидивиста Алексева, защищавшего бедных, обворовавшего богатых, а все руководство милиции коррумпировано. В реальной жизни все было по-другому, но большая часть граждан не знает правды, а сериал Л. Каневского «Следствие вели» ярко показали сущность вора-рецидивиста.

В книге уважаемого Д. Корецкого «Антикиллер» создан образ сотрудника уголовного

розыска Коренева по прозвищу «Лис», ведущего двойную жизнь, с одной стороны – добросовестного сотрудника уголовного розыска, а с другой – руководителя банды, совершающих нападение на бизнесменов. На кого равняться молодому полицейскому и слушателю системы учебных заведений МВД? На честного оперативника или бандита? Или на полковника полиции Дмитрия Захарченко, генерала Дениса Сугробова, использовавших свое положение в системе МВД для обогащения.

Как можно расценивать сериалы «Глухарь», «Глухарь-2», «Полицейский с Рублевки», где герои фильмов в форме сотрудников полиции демонстрируют явное неуважение к закону и службе в целом, где за каждым эпизодом просматриваются превышение должностных полномочий и нарушение закона. Могут ли персонажи данных кинокартин быть примером для подражания для сотрудников полиции? Какую репутацию создают данные фильмы для граждан?

Конечно, борьба с преступностью должна носить жесткий и бескомпромиссный характер, но одновременно следует и выполнять неукоснительно нормы закона, а также соблюдать нормы морали и нравственности, указанные в книгах советских и российских писателей П.Ф. Нилина, братьев Вайнеров, Ю. Селянова, Э. Хруцкого, Л. Словина и других, а также героев кинофильмов, оставивших свой след в формировании положительного облика «солдат правопорядка».

Несмотря на рыночные отношения, царящие в обществе, МВД РФ не должно спокойно взирать на ситуацию, складывающуюся в современной художественной литературе и кинематографе, описывающих незаконные действия современной полиции, вести роль консультантов, запретить литературу и кинофильмы, пропагандирующие нарушения закона и аморализм, во всех учебных заведениях МВД ввести обязательное изучение милицейской прозы советского периода, просмотр кинофильмов, так как многие слушатели вообще не читали книги известных детективщиков. И это сделать необходимо в ближайшее время иначе в результате бездумного воздействия современного искусства в рядах МВД будет создано не одно «преступное сообщество», аналогично Сугробову, Захарченко и другим. Потому что искусство, будь то кинофильмы,

литература или музыка, формирует убеждения и способно в корне поменять наши взгляды.

Таким образом, сегодня каждый сотрудник и руководитель ОВД должен осознавать, что СМИ являются «четвертой властью» в деятельности по обеспечению правопорядка и безопасности в целях недопущения их компрометирования и искажения представления о деятельности полиции. Толкование СМИ всех категорий и видов только с позиции информирования об

охране общественного порядка – это старотипный подход. Повышение эффективности деятельности ведомственных СМИ должно способствовать обеспечению наиболее полного использования имеющихся административных, материально-технических и творческих ресурсов для удовлетворения общественных потребностей в получении достоверной информации и формирования позитивного общественного мнения о деятельности.

Литература

1. Безносков Д.С. Отношение к праву как проявление правового сознания курсантов вузов МВД РФ: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2008.
2. Сведения Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews>.
3. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2004.
4. Ежевская Т.И. Психологическое воздействие информационной среды на современного человека // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2009. № 2 (37).
5. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1986.

Bibliography

1. Beznosov D.S. Attitude to law as a manifestation of the legal consciousness of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: abstract of the dis. ... candidate of Psychological Sciences. St. Petersburg, 2008.
2. Data All-Russian Center for the Study of Public Opinion. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews>.
3. General theory of State and law. Academic course: in 2 volumes / Ed. by M.N. Marchenko. Moscow, 2004.
4. Ezhevskaya T.I. Psychological impact of the information environment on a modern person // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2009. № 2 (37).
5. Larin A.M. Criminalistics and paracriminalistics. Moscow, 1986.

Шатилов Сергей Петрович
Shatilov Sergey Petrovich

доцент кафедры тактико-специальной подготовки Барнаульского юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Tactical and Special Training of the Barnaul Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor.

Шатилова Оксана Анатольевна
Shatilova Oksana Anatolyevna

доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института
МВД России кандидат исторических наук, доцент.

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, PhD in History, Associate Professor.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С БАНДИТИЗМОМ,
ГРАБЕЖАМИ, РАЗБОЯМИ И УБИЙСТВАМИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)**

**The activities of the police in the fight against banditry, brigandage,
robberies and murders during the Great Patriotic War
(based on materials from the Altai Territory)**

В статье анализу подвергнута деятельность милиции по борьбе с бандитизмом, грабежами, разбоями и убийствами и ее эффективность в Алтайском крае. Рассматриваются основные задачи, решаемые отделом по борьбе с бандитизмом. Проводится сравнение форм и методов борьбы с бандитизмом органов милиции в Алтайском крае с формами и методами борьбы с данным видом преступлений в прифронтовых и освобожденных районах.

Ключевые слова: бандитизм, грабежи, разбои, убийства, органы милиции, Великая Отечественная война, учреждения.

The article analyzes the activities of the police in the fight against banditry, robberies, brigandage and murders and its effectiveness in the Altai Territory. The main tasks solved by the anti-banditry department are considered. The article compares the forms and methods of combating banditry of the police in the Altai Territory with the forms and methods of combating this type of crime in the frontline and liberated areas.

Keywords: banditry, robberies, brigandage, murders, police agencies, Great Patriotic War, institutions.

Рассмотрение в одной научной статье деятельности органов милиции Алтайского края по борьбе с бандитизмом, грабежами, разбоями и убийствами обусловлено рядом причин. Во-первых, все указанные выше преступления в годы Великой Отечественной войны нанесли существенный вред устоям государственного строя, экономике страны, подрывая тем самым авторитет органов государственной власти, что, безусловно, являлось и продолжает оставаться неприемлемым для любого государства, независимо от его форм и исторического периода. Во-вторых, все эти самостоятельные виды преступлений находятся

во взаимосвязи между собой. Так, преступная деятельность лиц, входивших в банды (шайки) была направлена на совершение краж социалистической собственности и частного имущества, грабежей, разбоев, убийств государственных служащих, партийного актива, сотрудников правоохранительных органов. В-третьих, еще 14 февраля 1936 г. постановлением Президиума Верховного Совета СССР грабеж стал квалифицироваться по ст. 59.3 УК РСФСР как «бандитизм, т.е. организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановках

поездов и разрушении железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи» [1].

Борьбе с бандитизмом еще в довоенные годы органы милиции уделяли большое внимание. Так, еще за несколько месяцев до начала Великой Отечественной войны, а именно 4 апреля 1941, в связи с необходимостью усиления борьбы со всеми видами политического и уголовного бандитизма, на территории Союза ССР приказом НКВД СССР в составе ГУМ НКВД СССР был создан отдел по борьбе с бандитизмом [2, с. 308]. Согласно данному приказу, на отдел по борьбе с бандитизмом была возложена организация борьбы со всеми видами политического и уголовного бандитизма на всей территории СССР [3, с. 177]. Приказом также была определена структура отдела по борьбе с бандитизмом. Предусматривалось также, чтобы подразделения по борьбе с бандитизмом создавались на местах (отделы, отделения). Такой отдел был создан и в УНКВД по Алтайскому краю [4, с. 475–476].

Как свидетельствуют архивные данные, в годы войны произошел рост бандитизма. Только за первые три года войны правоохранительными органами на территории страны было ликвидированы 7 161 бандитская группировка и 54 130 ее участников [5, с. 197].

При этом следует учитывать, что бандитизм в прифронтовых и освобожденных от немецких захватчиков территориях был значительно масштабней по сравнению с бандитизмом, имеющим проявления в районах глубокого тыла, к которым и относился Алтайский край. Например, только с 15 по 30 ноября 1944 г. в западных областях Украины в результате проведенных чекистско-войсковых операций был убит 4 101 бандит, 3 732 человека задержаны, из них – 165 дезертиров, 1 467 человек, уклоняющихся от призыва в Красную Армию [3, с. 128]. В докладной записке начальника управления НКВД по Алтайскому краю «О работе органов милиции Алтайского края за период военного времени», т.е. с 22 июня 1941 г., говорилось, что крупных бандитских формирований за исключением отдельных малочисленных банд на территории Алтайского края не было выявлено [6, с. 253].

Вместе с тем в годы Великой Отечественной войны по сравнению с мирным временем в Алтайском крае произошел, также как и по всей стране, рост бандитизма. О данном факте

наглядно свидетельствует докладная записка начальника УНКВД по Алтайскому краю секретарю Алтайского краевого комитета ВКП(б), где доводилась информация о том, что на протяжении 1941–1942 гг. в крае участились случаи появления банд и бандитов-одиночек. Особенно это наблюдалось в Ойротской автономной области, а также районах, расположенных в таежной части края [6, с. 674].

Так, в декабре 1941 г. гр. К., Т. и Б., дезертировавшие из РККА договорились объединиться в одну преступную группу с целью хищения чужого имущества. Участники банды приобрели оружие и широкую сеть знакомств. Также было установлено, что гр. Т. в первоначальный период войны среди местных жителей проводил вербовочную работу в банду. Банда осуществляла преступную деятельность на территории Алтайского края вплоть до 1942 г. [7, с. 678]

29 октября 1941 г. ранее неоднократно судимые два брата С. совершили побег из мест лишения свободы, где отбывали наказание сроком 10 лет. Во время следования из г. Барнаула в Панкрушихинский район ими было совершено одно вооруженное нападение, кражи из 6 лавок сельпо и 30 квартирных краж. В результате оперативной работы сотрудников милиции братья С. были задержаны в течение 5 дней [8, с. 71].

2 октября 1941 г. в районе п. Большой Калтай Залесовского района сотрудниками милиции была установлена личность двух братьев Ш., объединившихся для совместного совершения преступлений. Причем старшим братом в 1938 г. был совершен побег из мест лишения свободы. Находясь в розыске к началу войны, последний склонил своего младшего брата к совершению преступлений на территории Алтайского края, создав тем самым малочисленную банду. Данная группа была вооружена четырьмя охотничьими ружьями. С июля по октябрь 1941 г. ими было совершено 14 квартирных краж [9, с. 102].

В ноябре 1941 г. в г. Рубцовске сотрудниками милиции была выявлена и задержана вооруженная группа, состоящая из 6 чел. За период ее преступной деятельности членами банды было совершено 16 краж и 1 грабеж. Преступная группа имела намерение совершить несколько нападений на военнослужащих с целью завладения оружием и создания устойчивой банды [10, с. 70].

В начале войны на рост преступности в Алтайском крае повлияла амнистия в отношении поляков, депортация немцев, эстонцев, латышей, литовцев, калмыков, а также «наплыв» в города и районы края из прифронтовых районов преступных элементов [2, с. 256].

Так, депортированный из Республики немцев Поволжья гр. Т., ранее неоднократно судимый, проживавший в с. Солтон, совершил кражу вещей из квартиры гр. Л. Застигнутый хозяйкой квартиры на месте преступления, гр. Т. пытался совершить убийство последней, но ему помешали соседи, прибежавшие на крики и шум. За совершение данного преступления гр. Т. был привлечен к уголовной ответственности и осужден сроком на 7 лет лишения свободы.

Группа освобожденных из мест заключения поляков в количестве 4 чел в г. Барнауле совершила две кражи на сумму 4 500 рублей. В ходе оперативно-розыскных мероприятий все ее участники были арестованы и привлечены к уголовной ответственности на разные сроки заключения [11, с. 257].

За весь период войны было зарегистрировано всего два случая невооруженных ограблений, совершенных военнослужащими.

27 декабря 1941 г. в г. Барнауле банда состояла из 3 военнослужащих, совершила разбойное нападение на гр. З., похитив у последнего 162 руб. и документы. После чего преступники пытались скрыться с места преступления, однако были задержаны сотрудниками милиции.

11 октября 1941 г., в г. Бийске два неизвестных военнослужащих в магазине Алтайторга совершили разбойное нападение, похитив из кассы 4 000 руб. По горячим следам данное преступление было раскрыто.

В Алтайском крае одной из превентивных мер борьбы с бандитизмом, применяемых органами милиции в годы войны, было изъятие огнестрельного и холодного оружия у населения. На 1 декабря 1941 г. у преступников и населения Алтайского края сотрудниками милиции было изъято 117 единиц оружия [5, с. 257]. За этот же период сотрудниками милиции было изъято боеприпасов к разным системам оружия 68 шт., из них у преступных элементов – 32 шт. Всего на 1 октября 1941 г. в Алтайском крае на оперативном учете органов милиции состояло: бандитов – 140 чел., грабителей – 102 чел., убийц – 190 чел. [12, с. 56].

Следует отметить, что методы борьбы с бандитизмом органов милиции в Алтайском крае кардинально отличались от методов борьбы с данным видом преступлений в прифронтовых и освобожденных районах. В прифронтовых и освобожденных районах органами милиции проводились мероприятия по борьбе с бандитизмом совместно с органами государственной власти. С этой целью создавались оперативные и оперативно-поисковые группы. Так, начальником УНКВД по Краснодарскому краю 12 января 1943 г. была принята директива, в которой указывалось, что с целью проверки мест, где могли скрываться бандиты (притоны, лесные караулки, балаганы, отдаленные хутора, брошенные дома и т.д.), необходимо создать совместные оперативные группы, в состав которых должны были входить как сотрудники милиции, так и бойцы истребительных батальонов [13, с. 10]. Только в г. Сочи такими опергруппами было задержано 105 чел., из них: а) военнослужащих без увольнительных записок – 64; б) лиц, уклоняющихся от службы в РККА, – 5; в) граждан, проживающих без прописки, – 30; г) лиц, ходивших по городу после 23 час. без пропусков, – 6. По железнодорожному транспорту было задержано 183 чел., из них: а) подозрительных – 2; б) дезертиров из РККА – 24; в) военнослужащих без увольнительных записок – 19; г) без документов – 3; д) лиц с поддельными документами – 2; е) расхитителей грузов – 1; ж) нарушителей паспортного режима – 127; з) прочих социально опасный элемент – 5 [14, с. 42].

В Алтайском крае наиболее важным и распространенным методом по борьбе с бандитизмом в годы войны являлась оперативно-розыскная деятельность, при этом основное внимание в ней отводилось дополнительной вербовке агентов.

Причинами негласных мероприятий являлись ухищренные способы маскировки членов бандитских группировок. Сотрудникам милиции часто приходилось сталкиваться с различными уловками членов бандгрупп. Они прибегали к следующим приемам: скрывались в горной местности и тайге; вели кочующий образ жизни; скрывались в землянках, блиндажах, развалинах, лесных массивах; использовали поддельные документы и др.

В 1942 г. в девяти районах Алтайского края (Усть-Канский, Улаганский, Онгудайский ай-

маки, Змеиногорский, Тюменцевский, Залесовский, Змеиногорский, Тогульский, Чарышский районы) действовали банды. Каждая из банд, как правило, действовала в пределах определенного района, в основном в тех, где у нее имелись пособники из числа родственников и знакомых, оказывавшие им разного рода материальную и информационную помощь. Только в исключительных случаях банды покидали свой район на непродолжительное время, - при преследовании или необходимости сменить место укрытия, ставшее известно сотрудникам милиции.

Так, 24 мая 1942 г. из рабочей колонны г. Сталинска дезертировали гр. М. и М. Оба являлись жителями с. Каракол. Позднее к ним присоединились гр. С. и Е. В результате проводимых розыскных мероприятий было установлено, что банда скрывается в Усть-Канском аймаке Ойротской автономной области на территории горно-лесистой местности у с. Каракол. Члены банды были вооружены алтайскими «Мултуками». В целях укрытия бандиты периодически переходили на территорию Солонешенского района, граничащего с Усть-Канским аймаком [15, л. 674-675].

13 июля 1942 г. банда появилась в лесу недалеко от с. Каракол. Узнав об этом Уполномоченный РК ВКП(б) т. Ш. и председатель колхоза т. П., пытались задержать их, но последние, оказав вооруженное сопротивление, скрылись на территории Солонешенского района.

Сотрудники Солонешенского РО НКВД, получив данные о наличии в районе бандитов, провели операцию по их ликвидации. В результате проведенной операции, был убит гр. С., гр. Е. был задержан, остальные члены банды скрылись на территории Усть-Канского аймака. В этот период к банде присоединились гр. М. и А. [11, с. 674-677].

15 ноября 1942 г. сотрудниками Усть-Канского РО НКВД стало известно, что на территории аймака была замечена бандгруппа. Для оперативной ликвидации данной группы 17 ноября 1942 г. начальник РО НКВД и 4 сотрудников уголовного розыска выдвинулись в с. Каракол. В соответствии с оперативным планом сотрудники милиции окружили место укрытия бандитов. После предупреждения со стороны сотрудников милиции применить в отношении бандитов гранат последние сдались. В ходе осмотра пещеры было обнаруже-

но 6 центнеров мяса, оружие, боеприпасы и др. предметы [6, с. 233-234].

В годы Великой Отечественной войны бандитизм распространялся следующим образом: на западе страны – в Прибалтике, Украине и Белоруссии – действовали бандформирования, основной целью которых была борьба против советской власти после присоединения этих областей к СССР. Различные бандформирования были и на Северном Кавказе, одни из них также боролись с советской властью в основном по причине депортации коренных народов в другие регионы страны, все это являлось проявлением политического бандитизма, другие занимались грабежами и разбоями. В остальных регионах действовало большое количество мелких групп уголовной направленности. Имел незначительное проявление и политический бандитизм, в том числе и в Алтайском крае.

В годы войны борьба с политическим бандитизмом по стране велась широкомасштабно при использовании различных форм и методов, так как в результате бандитских действий жертвами становились не только отдельные граждане, зачастую подрывался авторитет органов государственной власти и местного самоуправления. Необходимость борьбы с политическим бандитизмом следовала еще исходя из того, что ее успех напрямую связывался населением с надежностью, силой государственной власти на местах [16, с. 55].

На территории Мариинского сельсовета была замечена банда, состоящая из 7 чел. В состав которой входили дезертиры из РККА и рабочие колонн. Находясь на нелегальном положении, члены банды приобретали огнестрельное оружие, с целью совершения грабежей, разбойных нападений. Бандиты скрывались в горах на территории Усть-Канского аймака недалеко от с. Мариинск поддерживали связь со своими родственниками, оказывавшие им всестороннюю помощь. Из-за опасения быть пойманными бандиты не имели постоянного места укрытия, днем скрывались поодиночке в горах, в ночное время по условным сигналам собирались вместе, при необходимости скрывались на территорию Солонешенского района.

Участники банды имели намерения инициировать восстание, первоначально убив уполномоченных в с. Мариинске, затем планировали захватить с. Усть-Кан. Таким образом, банда

имела целью захват власти в отдельно взятом районе [8, с. 77].

14 августа 1942 г. сотрудниками милиции была ликвидирована молодежная банда, состоящая из 4 чел. Местом укрытия для них служила пещера расположенная в 3-х км от п. Красный Яр, Змеиногорского района. Участники банды были вооружены двумя охотничьими ружьями и холодным оружием. Их деятельность сводилась к тому, что каждый из участников группы вербовал молодежь в создаваемую ими контрреволюционную повстанческую организацию, которая должна была подготовить и провести вооруженное восстание против советской власти. Также планировалось убить председателя колхоза и других должностных лиц из числа партийного и советского актива [16, с. 679].

В результате проведения оперативно-розыскных мероприятий по нахождению и ликвидации банд, бандитов одиночек на территории края в августе 1942 г. было задержано 6 бандитов и 10 нелегалов [2, с. 680].

В 1942 г. рост бандитизма в некоторых районах Алтайского края вызывал особую озабоченность у партийных органов. Так, секретарь Алтайского РК ВКП(б) т. Л. сообщил секретарю Алтайского крайкома ВКП(б) Л. об участившихся случаях бандитизма на территории Курьинского района.

В целях борьбы с бандитизмом на территории Курьинского района руководством РК ВКП(б) были приняты следующие меры: начальнику РО НКВД вменялось в обязанность усилить работу в тех населенных пунктах, где имели место налеты (с привлечение лучших сотрудников милиции). В селах из актива были созданы бригады и помощники милиции.

Также был проведен анализ состояния бандитизма, в результате которого было установлено, что в районе действует 3 бандитских группы, в состав которых входило от 3 до 8 чел, установлено, что каждая банда была вооружена огнестрельным и холодным оружием и т.д. [18, с. 277].

В целях усиления борьбы с бандитизмом и дезертирством в стране 10 декабря 1942 г. была издана директива НКВД СССР № 553 «О мерах по усилению борьбы с бандитизмом и дезертирством», согласно которой, органам милиции необходимо было: осуществлять внедрение в существовавшие бандитско-дезертирские формирования агентов-внутренников,

способных подорвать их изнутри; активизировать работу по созданию агентурно-осведомительной сети из числа лесных объездчиков, охотников, чабанов и иных лиц, имеющих возможность проводить негласное наблюдение за бандитами; проводить деятельность по выявлению пособничеств из числа родственников, знакомых бандитов и дезертиров с дальнейшей их вербовкой; привлекать в национальных районах местных авторитетов для проведения разъяснительной работы среди членов банд и дезертиров уходить из их состава и добровольно сотрудничать с сотрудниками милиции по ликвидации или изъятию бандитов и дезертиров [12, с. 680].

В годы Великой Отечественной войны оперативно-розыскная деятельность сотрудников отдела по борьбе с бандитизмом и сотрудников уголовного розыска, приносила положительные результаты. Так, на территории Чойского аймага, Ойротской автономной области Ст-Бардинского района, во второй половине 1943 г. действовала банда, состоявшая из 6 чел. Руководитель группы скрывался на территории Алтайского края и Кемеровской области с 1927 г. Остальные участники банды являлись дезертирами с предприятий оборонной промышленности. На протяжении 1942–1943 гг. банда занималась грабежами и хищением скота в колхозах и у частных лиц.

В процессе оперативно-агентурных мероприятий удалось склонить к сотрудничеству одного из членов банды и через него установить и ликвидировать остальных ее участников.

Также необходимо отметить, что в проведении отдельных операций активное участие принимали сельские активисты и отдельные колхозники. Так, в Марушинском районе при задержании скрывавшихся гр. Е. и К., дезертировавших из РККА, отличилась колхозница К., которая несмотря на оказанное ей со стороны гр. К. сопротивление, задержала последнего. За что была премирована 100 руб.

25 августа 1942 г. в лесу у населенного пункта с. Лобаниха, Новичихинского района участковым уполномоченным Новичихинского РО НКВД т. Г. с помощью колхозника Н. и медфельдшера Р. были задержаны два преступника, бежавшие из КПЗ Шипуновского РО НКВД [7, с. 680].

В результате принятых мер по борьбе с бандитизмом в годы войны органам милиции

удалось достичь положительных результатов. Так, в докладе начальника политотдела милиции Ойротской автономной области на совещании секретарей первичных партийных и комсомольских организаций 16–17 января 1944 г. отмечалось: «За время войны, особенно в 1943 г., милиция Ойротии достигла больших успехов. Резко снизилось количество уголовных преступлений. За 1943 год не было зарегистрировано ни одного случая бандитизма. Заметно вырос процент раскрываемости преступлений. Повысилось качество несения наружной службы» [19, с. 326].

За первый квартал 1944 г. органами милиции на территории Алтайского края было выявлено и ликвидировано 7 бандитских группировок и 7 бандитов одиночек [12, л. 1].

Успешно органы милиции Алтайского края в годы Великой Отечественной войны вели борьбу с грабежами, разбоями и убийствами. Так, общая раскрываемость преступлений по данным категориям дел в 1 квартале 1945 года в Алтайском крае в среднем составила 93,9 %, а именно: разбоев с убийством было зарегистрировано – 4, раскрыто – 3, что составило – 75 %; убийств бытовых было зарегистрировано – 17, раскрыто – 16, что составило – 94 % [18, с. 15].

За весь период Великой Отечественной войны по всему краю было зарегистрировано грабежей – 25, раскрыто – 21; убийств было зарегистрировано – 26, раскрыто – 22. По зарегистрированным и раскрытым грабежам и убийствам было возбуждено 43 уголовных дела и привлечено к уголовной ответственности – 74 чел. [7, с. 255].

Справедливости ради следует отметить, что раскрытие преступлений этих категорий не всегда было 100 %, что вызывало тревогу у

руководства УНКВД по Алтайскому краю. Так, начальником УНКВД был издан приказ № 183 от 16 июля 1945 г. о привлечении к дисциплинарной ответственности должностных лиц РО НКВД Зонального и Троицкого районов. Примеры, которые в нем приводились, относились к периоду Великой Отечественной войны. В приказе говорилось, что в Троицком районе было не раскрыто два убийства, ничего не было сделано по розыску пропавшей без вести учительницы, не было выполнено два оперативных задания, проверка материалов проводилась с нарушением сроков, к работе не привлекалась агентурно-осведомительная сеть [14, с. 18].

Все вышеизложенное дает нам основание сделать вывод, что в Алтайском крае основная нагрузка по борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны легла на отдел по борьбе с бандитизмом и оперативные службы, которые самостоятельно определяли мероприятия по борьбе с данным видом преступлений. В годы войны количество ликвидированных банд, а также задержанных на территории Алтайского края дезертиров в масштабе страны по сравнению с другими регионами СССР выглядит незначительным. Вместе с тем обстановка в крае была весьма напряженной в начале войны. Проводимые органами милиции специальные мероприятия по борьбе с бандитизмом, а также устранение причин и условий, способствующих их деятельности, принесли свои положительные результаты, и хотя грабежи, разбой и убийства продолжали совершаться на территории края на протяжении всего периода войны, однако достигнутые результаты органов милиции по борьбе с бандитизмом на территории Алтайского края, способствовали уменьшению количества грабежей и убийств в рассматриваемый период.

Литература

1. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 156.
3. Максимов П.В. Борьба с бандитизмом в советском государстве двойного периода: законодательное регулирование и правоохранительная деятельность: монография. М., 2017.
4. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Бело-

Bibliography

1. The Criminal Code of the RSFSR of 1926.
2. State archive of the Altai territory (GAAK). F. 1. Op. 18. D. 156.
3. Maksimov P.V. The Fight against banditry in the Soviet state of doubling of the period of legislative regulation and law enforcement: a monograph. Moscow, 2017.
4. NKVD-MIA of the USSR in the fight against banditry and armed nationalist underground in Western Ukraine, and Western Belarus

- руссии и Прибалтике (1939–1956) / Составители И.М. Владимирцев, А.И. Кокурин. М., 2008.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 241.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 155.
8. Шатилов С.П., Шатилова О.А. Правоохранительная деятельность в годы Великой Отечественной войны // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2007. № 11.
9. Шатилов С.П. Правоохранительная функция Советского государства в период Великой Отечественной войны (теорет. и историко-правовой аспект): монография. Барнаул, 2006.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 241.
11. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 157.
12. Торшилова О.А. Органы внутренних дел в борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 2.
13. Специальный фонд информационного центра Главного управления внутренних дел Краснодарского края (СФИЦ ГУВД КК). Ф. 31. Оп. 2. Д. 10.
14. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 17.
15. Специальный фонд информационного центра Главного управления внутренних дел Краснодарского края (СФИЦ ГУВД КК). Ф. 21. Д. 2.
16. Семенов В.М., Шатилов С.П. Деятельность милиции Алтайского края в период Великой Отечественной войны: историко-правовой аспект: учебное пособие. Барнаул, 2001.
17. Орлов Д.В. Правоприменительная практика провокации преступлений и противодействие ей в условиях военного времени (1941–1943 гг.) // История государства и права. 2014. № 8.
18. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК). Ф. 8. Оп. 2. Д. 5.
19. Отдел реабилитации и архивной информации информационного центра ГУВД Алтайского края (ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 193.
- and the Baltic States (1939–1956) / Editors Vladimir I.M., A.I. Kokurin. Moscow, 2008.
5. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-9478. Op. 1. D. 63.
6. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-9401. Op. 12. d. 241.
7. State Archive of the Altai Territory (GAAK). F. 1. Op. 18. D. 155.
8. Shatilov S.P., Shatilova O.A. Law enforcement activities during the Great Patriotic War // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2007. № 11.
9. Shatilov S.P. Law enforcement function of the Soviet state during the Great Patriotic War (theoret. and the historical and legal aspect): monograph. Barnaul, 2006.
10. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-9401. Op. 12. D. 241.
11. State Archive of the Altai Territory (GAAK). F. 1. Op. 18. d. 157.
12. Torshilova O.A. Organs of internal affairs in the fight against banditism in the years of the Great Patriotic War. Regional studies. 2010. № 2.
13. Special Fund information of the Main Directorate of internal Affairs of Krasnodar Krai (SFIC police CC). F. 31. Op. 2. D. 10.
14. The Department of rehabilitation and historical information of the information center of police the Altai territory (ORAI CI GU MVD Rossii po AK). F. 4. Op. 1. D. 17.
15. Special Fund of the information Center of the Main Department of Internal Affairs of the Krasnodar Territory (SFIC GUV D KK). F. 21. D. 2.
16. Semenov V.M., Shatilov S.P. The activity of the police of the Altai Territory during the Great Patriotic War: historical and legal aspect: textbook. Barnaul, 2001.
17. Orlov D.V. Law enforcement practice of provocation of crimes and counteraction to it in the conditions of wartime (1941–1943) // History of the State and Law. 2014. № 8.
18. The Department of rehabilitation and historical information of the information center of police the Altai territory (ORAI CI GU MVD Rossii po AK). F. 8. Op. 2. 5.
19. The Department of rehabilitation and historical information of the information center of police the Altai territory (ORAI CI GU MVD Rossii po AK). F. 1. Op. 2. D. 193.

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Редакцией принимаются рукописи научных статей, оформленные строго в соответствии с требованиями журнала.
2. Объем научной статьи должен составлять от 8 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, отзывов и рецензий на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.
3. Материалы представляются в редакцию:
 - на электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.
 - на бумажном носителе (на стандартных листах белой бумаги формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи.
4. К научной статье прилагается следующая информация на русском и английском языках: название статьи, аннотация (3–4 предложения), ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), контактная информация, сведения об авторе (авторах) (должность, место работы, ученая степень, ученое звание), список использованной литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5–2008, который размещается в конце статьи. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница.
5. Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте статьи, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок.
6. Используемые в тексте сокращения должны быть расшифрованы, за исключением общеупотребительных (названия мер, физических, химических и математических величин и терминов).
7. Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет автор.
8. Вместе со статьей в редакцию журнала представляется заявка на публикацию (размещена на официальном сайте ФГКОУ ВО РЮИ МВД России).
9. Внешняя рецензия предоставляется в редакцию автором научной статьи, не имеющим ученой степени. Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя. Подпись рецензента заверяется печатью организации, в которой он работает. Рецензент должен иметь ученую степень доктора либо кандидата наук в соответствующей научной области.
10. Рукопись статьи публикуется на основании экспертного заключения, составленного редакционной коллегией журнала.
11. Рецензированию подлежат все рукописи научных статей, поступающие в редакцию журнала.
12. Статья, поступившая в редакцию журнала после доработки, рассматривается в порядке общей очередности.
13. Не подлежат обязательному рецензированию обзоры и рецензии на уже опубликованные издания.
14. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости осуществлять техническое и художественное редактирование представленных материалов.
15. Плата за публикацию статей с авторов не взимается.
16. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
17. Статьи, не принятые к изданию, авторам не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**